

В.П. Липеровский

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

В.П. Липеровский

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Ответственный редактор
А.С. БАРХУДАРОВ

Книга посвящена решению важнейших проблем синтаксиса хинди. Так, интересно решен вопрос об основах структурной организации глагольных предложений, дано подробное описание конструкций, различающихся модальным или аспектуальным значением, представлена формальная и содержательная интерпретация выявленных элементарных структур реализации синтаксической связи, освещена проблема взаимоотношения средств и способов выражения синтаксических связей слов. Исследование, проведенное на богатом языковом материале, теоретически обобщает многие языковые данные, касающиеся строения и механизма образования синтаксических единиц.

Л $\frac{4602010000-208}{013(02)-87}$ 86-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1987.

ВВЕДЕНИЕ

В книге предпринята попытка отразить основные закономерности формирования такой синтаксической единицы современного хинди, как глагольное предложение, и показать механизм соединения слов и словоформ, ведущий к возникновению элементарных структур.

В первой главе разрабатываются проблемы теории моделей предложения. Основное внимание при этом уделяется рассмотрению определенных структурных схем, реализуемых в языке конкретными предложениями. Нам представлялось целесообразным при интерпретации языковых фактов обращаться к терминам уровня семантической структуры предложения, т.е. уровня, на котором проявляются коммуникативно-функциональные значения компонентов предложения (такие, как значение субъекта действия, значение объекта и т.п.).

Во второй главе работы изложены результаты классификации предложений с предикативным центром определенной структуры и определенной семантики. Конструктивные особенности предложений анализируются с позиций синтаксической парадигматики.

Третья и четвертая главы в значительной мере систематизируют известные, но подчас разрозненные сведения по синтаксису хинди. Вместе с тем некоторые вопросы, оставшиеся недостаточно освещенными в работах по грамматике хинди, подвергнуты в этих частях детальному обсуждению, а их разработка получает дальнейшее развитие.

ОСНОВЫ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЦЕНТР

Предложение — это организованная по законам данного языка из его слов такая единица речи, которая передает относительно законченную мысль и наделяется в силу этого способностью использоваться в качестве единицы общения между людьми. Относительная законченность мысли, присущая предложению и достаточная для выполнения им функции коммуникативной единицы, обеспечивается его свойством предикативности, которое выступает как осознанное отношение между содержанием высказывания и действительностью.

Предикативность предложений языка хинди выявляется в подавляющем большинстве случаев в глагольных формах, сочетающих значения модальности и времени, т.е. в финитных глагольных формах с присущими им различиями по категории наклонения и категории времени.

Поэтому глагол в финитной форме (финитный глагол) или сам выступает в качестве *предикативного центра предложения*, т.е. им в плане категорий наклонения и времени актуализируется представление о действии как о процессуальном (динамическом) признаке предмета, раскрываемом его (глагола) лексическим значением, или образует предикативный центр совместно со словом (словами), указывающим (указывающими) на непроцессуальный признак предмета, т.е. глагол в качестве связки актуализирует в плане тех же категорий представление о соответствующем непроцессуальном признаке.

Предикативный центр предложения является одновременно и его конструктивным центром, поскольку именно им определяются в главных чертах конструктивные особенности того или иного предложения, его строение и состав.

В связи с дифференциацией предикативных центров, на-меченной выше, предложения языка хинди, содержащие финитный глагол, подлежат делению на две основные группы:

(а) собственно глагольные предложения; (б) глагольно-связочные предложения¹.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ КАРКАС
СОБСТВЕННО ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
ЕГО КОМПОНЕНТЫ И КОНСТРУКЦИИ

Структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений хинди образуют помимо предикативного центра их члены, конструктивная значимость которых определяется тем, что в реализации синтаксической связи с предикативным центром они обнаруживают:

1) зависимость в грамматическом оформлении от оформления (в плане дифференциации залогов, а также времен и/или наклонений) финитного глагола;

2) способность влиять на принятие финитным глаголом форм согласования в роде, числе и лице.

Первый из упомянутых факторов конструктивной значимости слов, находящихся в синтаксической связи с предикативным центром, касается имен (существительных и субстантивных местоимений), характеризующихся функциональным значением² субъекта действия и предстающих при этом в какой-либо из следующих форм: (а) в форме косвенного падежа с послелогом *se*³; (б) в послеложно-падежной форме на *ne*⁴; (в) в форме прямого падежа. Появление первой из форм обуславливается инактивным залогом финитного глагола, тогда как две последние формы имени обнаруживают свою зависимость от финитных глагольных форм активного залога, причем появление послеложно-падежной формы на *ne* предопределяется перфективными формами, т.е. формами, в образовании которых участвует перфективное

¹ В принятых нами наименованиях отражен тот факт, что под *собственно глаголом*, противопоставляемым *связочному (полусвязочному)* глаголу, понимается знаменательный глагол, т.е. глагол, предполагающий полным лексическим значением. В лингвистической литературе встречается, однако, трактовка собственно глагола как финитного глагола, противопоставляемого нефинитным (инфинитным) глагольным формам.

² О функциональном значении как обобщенном понятии, отображающем компонент реальной или мысленной ситуации, см. статью В.М.Солнцева [61, с.20].

³ На месте послелога *se* допускается в ряде случаев использование таких послелогов, как [*ke*] *dvārā*, *ke zariye*, *ke hāth*, *kī or se*.

⁴ Под послеложно-падежной формой на *ne* имеется в виду сочетание, состоящее из падежной формы существительного или субстантивного местоимения и послелога *ne* (данному послелогу предшествует форма косвенного падежа, и только личным местоимениям 1-го и 2-го лица присуща перед послелогом *ne* форма прямого падежа).

причастие глаголов определенного подмножества⁵, а форма прямого падежа оказывается связанной в своем употреблении как со всеми другими финитными формами всех без исключения глаголов, так и с перфективными формами глаголов, не попадающих в оговоренное выше подмножество.

Поскольку в языке хинди субъектной валентностью, т.е. способностью сочетаться с именем субъекта действия, обладают все глаголы, постольку учет различий между предложениями, связанных с наличием или отсутствием имени, характеризующегося функциональным значением субъекта, в окружении глагола, а также с разным оформлением такого имени, имеет первостепенное значение для установления структурных разновидностей предложений.

На упомянутые выше три формы имени, характеризующегося функциональным значением субъекта, может быть распространено при их трактовке в терминах дистрибутивного анализа понятие *дополнительного распределения*. Так, дополнительно распределенными оказываются, во-первых, послеложно-падежная форма на *пе* и форма прямого падежа (относительно глаголов в перфективных формах, а также относительно финитных форм агентивных глаголов) и, во-вторых, обе эти формы, с одной стороны, и форма косвенного падежа с послелогом *ве* — с другой (в связи с различием активного и инактивного залогов).

Второй фактор конструктивной значимости касается имен, наделенных в форме прямого падежа функциональным значением субъекта или объекта действия: у таких имен значения, раскрываемые в плане категорий рода, числа, лица, отражаются в финитном глаголе в силу действующих правил согласования. При этом согласованном с именем объекта затрагиваются перфективные формы активного залога агентивных глаголов (т.е. глаголов, сочетающихся в своих перфективных формах с послеложно-падежной формой на *пе* имени субъекта) и формы инактивного залога.

В обоих случаях факт согласования финитного глагола с именем объекта действия является ярким синтаксическим показателем реализации соответствующим глаголом своей прямообъектной валентности и, следовательно, принадлежности данного глагола к разряду переходных глаголов.

Таким образом, в образовании структурно-грамматического каркаса предложений языка хинди участвуют помимо предикативного центра следующие единицы:

⁵ В хинди глаголы данного подмножества могут быть названы *агентивными*, если присущую им способность сочетаться в своих перфективных формах с именем не иначе как в послеложно-падежной форме на *пе* квалифицировать как их синтаксический признак агентивности на том основании, что для послеложно-падежной формы на *пе* единственно возможной функцией среди функций, различаемых в логико-семантическом плане, является функция субъекта действия, т.е. функция агенса.

1) имя субъекта действия в послеложно-падежной форме на *ne* — N^S-ne , отвечающее первому из отмеченных выше факторов конструктивной значимости (его появление предопределяется перфективными формами активного залога глаголов определенного подмножества — агентивных глаголов);

2) имя субъекта в форме прямого падежа — $N^Sdir.$, отвечающее первому и второму факторам конструктивной значимости (оно появляется при финитной форме, не входящей в круг перфективных форм агентивных глаголов, и вместе с тем обнаруживает способность находить для своих значений, раскрываемых в аспекте категорий рода, числа и лица, отражение в финитном глаголе);

3) имя субъекта действия в форме косвенного падежа с послелогом *ve* — N^S-ve , отвечающее первому фактору конструктивной значимости (его появление предопределяется формами инактивного залога);

4) имя объекта действия в форме прямого падежа — $N^ddir.$, отвечающее второму фактору конструктивной значимости в случаях сочетания с перфективными формами активного залога агентивных глаголов и формами инактивного залога (оно предопределяет "выбор" финитным глаголом формы, согласуемой в роде, числе и лице).

Финитный глагол, служащий предикативным центром предложения, согласуется, как явствует из вышеизложенного, с именем в форме прямого падежа, наделенным функциональным значением или субъекта, или объекта действия. Оставаясь же несогласуемым, он выступает в нейтральной форме, которая, если принимать во внимание максимальное число способных отражаться в нем "именных" граммем, совпадает с формой 3-го лица единственного числа мужского рода.

Несогласуемыми являются формы инактивного залога предложений, не содержащих имени объекта в форме прямого падежа. Несогласуемыми могут быть формы активного залога, сочетающиеся с послеложно-падежной формой на *ne* имени субъекта действия, т.е. перфективные формы активного залога агентивных глаголов.

С учетом такого фактора, как согласование или, напротив, несогласование финитного глагола, служащего предикативным центром предложения, с синтаксически связанным с ним именем, и функционального значения имени (имя субъекта или имя объекта), влияющего на форму глагола при согласовании, а также с учетом залоговой характеристики (активный или инактивный залог) финитного глагола можно выделить в качестве основных пять синтаксических конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди:

1) активно-субъектная конструкция, находящая отражение в формуле $N^Sdir.-^SV$, где надстрочный знак S при символе финитного глагола V служит показателем согласования с именем субъекта действия; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) *Tārā apne makān par pahūcī...*

(S, TY, 46) 'Тара прибыла к себе домой...', (2) *bahut-se magamaceh machliyā khātē hāi...* (KC, G, 54) 'Многие крокодилы пожирают рыб...', (3) *is bhed ko us aspatāl kā dāktar pūr-natayā jāntā thā* (AP, D, 115) 'Эту тайну врач той больницы знал во всех подробностях';

2) активно-объектная конструкция, находящая отражение в формуле $NS-ne - N^{d}dir. - dv(act. pf.)$, где надстрочный знак d при символе финитного глагола V служит показателем согласования с именем объекта действия, а надстрочные обозначения, помещенные при том же символе в скобках, т.е. (act. pf.), служат уточнению грамматической характеристики финитного глагола, сигнализируя о принадлежности его формы к перфективным формам активного залога; примерами ее реализации являются следующие предложения: (1) *phir mīe Pāl ne jalāt-jalāt stov jalāyā...* (PL, 142) 'Затем мисс Пал поспешно зажгла плиту...', (2) *māi ne āscarā ve citthī parhī* (S, TY, 134) 'Я с изумлением прочитал письмо', (3) *tere lie dūkh māi ne sahe hāi* (S, TY, 257) 'Ради тебя вынесла я все невзгоды';

3) активно-нейтральная конструкция, находящая отражение в формуле $NS-ne - nv(act. pf.)$, где надстрочный знак n при символе финитного глагола V служит показателем отсутствия согласования; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) *Purī ne bagāl kī rasōī mē jhākā* (Y, DB, 301) 'Пури заглянул в расположенную сбоку кухню', (2) *dāktar ne Latikā kī or dekhā* (PL, 125) 'Доктор посмотрел на Латику', (3) *Balvantsinh ne... fahristō ko gaur se parhā* (BC, C, 36) 'Бальвантсинх... внимательно прочитал списки';

4) инактивно-объектная конструкция, находящая отражение в формуле $NS-se - N^{d}dir. - dv(inact.)$, где надстрочный знак d при символе финитного глагола V служит, как и в формуле активно-объектной конструкции, показателем согласования с именем объекта действия, а надстрочный индекс (inact.) уточняет грамматическую характеристику финитного глагола, сигнализируя о принадлежности его формы к формам инактивного залога; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) *mijh se hāsī nahī rokī gāī* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха', (2) *pānī ke paīse mijh se na diye jāyēge* (P, N, 156) 'Деньги на воду я давать не намерен', (3) *āge ek śabda bhī āgantuk se nahī bolā gayā...* (N, D, 139) 'Больше вновь прибывший не мог вымолвить ни слова...';

5) инактивно-нейтральная конструкция, находящая отражение в формуле $NS-se - nv(inact.)$, где надстрочный знак n при символе финитного глагола V служит, как и в формуле активно-нейтральной конструкции, показателем отсутствия согласования; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) *...akele mijh se yahī na rahī jāyagā* (P, N, 27) '... одна я здесь не могу оставаться', (2) *āge māstar se bolā nahī gayā* (N, D, 137) 'Больше учитель говорить не мог',

(3) *Mohan se motār ko calāyā jāegā* 'Машину сможет повести Мохан' [107, с.183]⁶.

Среди отмеченных выше конструкций активно-объектная конструкция — это конструкция, которую исследователи, опираясь на результаты типологического изучения предложений, принимают за эргативную на том основании, что в ней имя объекта, относящееся к переходному глаголу, не отличается по оформлению от имени субъекта при непереходном глаголе, а имя субъекта характеризуется специфическим оформлением. Активно-нейтральная же конструкция расценивается при таком подходе как эргативообразная [28, с.119]. Таким образом, эргативная конструкция в нашем понимании представляет собой в хинди лишь одну из пяти основных конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений.

Предложенная выше дифференциация конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений, почти полностью совпадает с разграничением структур, проводимым индийскими грамматистами при помощи таких понятий, как *залог* (*vaśya*) и *употребление* (*prayog*) глагола, из которых последнее связывается непосредственно с понятием конструкции (см., например, упоминание о *prayog* как о глагольной конструкции в книге Хардева Бахри [87, с.365]).

Пунктом расхождения является конструкция, названная нами ин-активно-нейтральной: на ее месте индийские грамматисты усматривают существование двух самостоятельных конструкций, различаемых практически в зависимости от того, есть ли в окружении финитного глагола имя объекта действия (имеется в виду имя объекта, стоящее в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что касается только местоимений, в форме объектного падежа) или нет, или, проще говоря, в зависимости от переходности или непереходности финитного глагола.

Например, Камтапрасад Гуру рассматривает в качестве самостоятельных "нейтральную конструкцию пассивного залога" (*kamtavāśya bhāveprayog*), иллюстрируемую, в частности, предложением *naikar ko vahā bhejā jāyagā* 'Слуга туда будет послан' или 'Слугу туда пошлют', и "нейтральную конструкцию безличного залога" (*bhāvavāśya bhāveprayog*), иллюстрируемую, в частности, предложением *maiñ se calā nahī jātā* 'Я не в состоянии двинуться' [98, с.270]. Такое разграничение конструкций связано, как видно из их наименований, с тем, что финитная форма, представленная сочетанием перфективного причастия смыслового глагола с выступающим в качестве вспомогательного глаголом *jānā*, трактуется Камтапрасадом Гуру или как форма пассивного залога, если смысловой глагол относится к переходным, или как форма безличного залога, если смысловой глагол относится к непереходным [98, с.257]. Такой же точки зрения придерживается Арьендра Шарма [130, с.57, 60].

Суджа Кальра, разделяющая в вопросе о залогах концепцию Дуни-чанда (к активному залогу относятся формы глагола, согласуемые с именем субъекта, к пассивному — согласуемые с именем объекта, к

⁶ Каждая из приведенных пяти формул воспроизводит порядок слов, отвечающий конситуативной нейтральности предложений.

безличному — несогласуемые формы [110, с.164—167; ср.95, с.239—240]), называет одну из двух конструкций, расцениваемых нами как обусловленные разной валентностью глаголов варианты инактивно-нейтральной конструкции, объектно-безличной конструкцией (*karmabhāve prayog*), другую — нейтрально-безличной конструкцией (*bhāva-bhāve prayog*) [110, с.167].

Остальные четыре конструкции, отмеченные нами в качестве воплощающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди, как уже было сказано, находят полное соответствие в конструкциях, выделенных в работах индийских лингвистов [98, с.268—270; 130, с.60; 110, с.164—167].

Так, активно-субъектная конструкция соответствует "субъектной конструкции активного залога" (*kartṛvācyā kartarīprayog*, в терминах Камтапрасада Гуру) или "структуре активного залога" (*kartṛvācyā rasnā*, в терминах С.Кальры), активно-объектная конструкция — "объектной конструкции активного залога" (*kartṛvācyā karmāṇīprayog*) или "субъектно-пассивной конструкции" (*kartṛkarmāṇī prayog*), инактивно-объектная конструкция — "объектной конструкции пассивного залога" (*karmavācyā karmāṇīprayog*) или "объектно-пассивной конструкции" (*karmakarmāṇī prayog*), активно-нейтральная конструкция — "нейтральной конструкции активного залога" (*kartṛvācyā bhāveprayog*) или "субъектно-безличной конструкции" (*kartṛbhāve prayog*).

ИМЯ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА И ЕГО ОФОРМЛЕНИЕ

В предложениях, которые реализуют активно-объектную или инактивно-объектную конструкции, имя объекта является непременным членом. Причем его статус единицы структурно-грамматического каркаса предложений определяется его формой, а именно формой прямого падежа, обеспечивающей согласование с ним финитного глагола. В предложениях, реализующих каждую из остальных трех конструкций, наличие имени объекта действия является возможным. Но если в предложениях, воспроизводящих активно-субъектную конструкцию, имя объекта, отвечающее валентным свойствам глагола, выступает как в форме прямого падежа (см. второй пример реализации данной конструкции, где имя объекта — *machliyā*), так и в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что касается только местоимений, объектного падежа (см. третий пример реализации данной конструкции, где имя объекта — *is bhed ko*), то в предложениях, воспроизводящих активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции, для имени объекта допустим только второй способ оформления (см. третьи примеры реализации соответствующих конструкций, где имена объекта — это *N^d-ko: fahristō ko* и *motar ko*).

Хотя имя объекта, выступающее в предложениях, реализующих активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции, и не является единицей структурно-грамматического каркаса соответствующих предложений, все же оно обладает определенной конструктивной значимостью. Эта

значимость обусловлена дополнительной дистрибуцией способов оформления имени объекта при формах финитного глагола, обнаруживающейся при сопоставлении активно-нейтральной и инактивно-нейтральной конструкций с активно-объектной и инактивно-объектной конструкциями: форма косвенного падежа с послелогом *ko* или, что касается только местоимений, объектного падежа сочетается с несогласуемой, или нейтральной, формой финитного глагола (см. активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции), форма прямого падежа — с согласуемой формой глагола (см. активно-объектную и инактивно-объектную конструкции). Таким образом, конструктивная значимость имени объекта в предложениях, реализующих активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции, заключается в том, что его форма находится в отношении дополнительного распределения с такой формой, которая присуща единице структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих две другие конструкции (активно-объектную и инактивно-объектную). Следовательно, можно усматривать в синтаксисе хинди существование объектного варианта как активно-нейтральной, так и инактивно-нейтральной конструкции, противопоставляемого, разумеется, безобъектному варианту данных конструкций⁷.

Вопрос о выборе способа оформления имени объекта в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, а также в предложениях, где с различным оформлением имени объекта (форма прямого падежа либо форма косвенного падежа с послелогом *ko* или, что касается только местоимений, объектного падежа) связано возникновение активно-объектной или инактивно-объектной конструкции и появление объектного варианта у активно-нейтральной и инактивно-нейтральной конструкций, заслуживает пристального внимания. Сведения, изложенные по данному вопросу в грамматической литературе по хинди и урду⁸, и обобщения, сделанные с учетом или привлечением материала из

⁷ Объектному варианту инактивно-нейтральной конструкции соответствует то, что Ю.А.Смирнов на материале языка панджаби квалифицировал как полупассивную конструкцию [60, с.281]. В трудах же индийских грамматистов ему соответствует "нейтральная конструкция пассивного залога" или "объектно-безличная конструкция", а безобъектному варианту инактивно-нейтральной конструкции — "нейтральная конструкция безличного залога" или "нейтрально-безличная конструкция" (см. выше, с.9—10). Отдельных же конструкций, которые можно было бы поставить в соответствие объектному и безобъектному вариантам активно-нейтральной конструкции (ср. предложения *hā-nī ne vaheliyō ko bulāyā* 'Рани позвала подружек' и *larkī ne chīkā hai* 'Девушка чихнула' [98, с.270]), индийские грамматисты не выделяют. В результате, как нам представляется, нарушается последовательность в их трактовке синтаксических структур.

⁸ Более или менее обстоятельным освещением данного вопроса отличается ряд работ [66, с.211—216; 77, с.47—49; 93, с.52—53; 97,

других новых индоарийских языков⁹, дают основание утверждать, что выбор формы для имени прямого объекта не определяется каким-либо одним-единственным фактором, влиянием которого можно было бы объяснить все случаи сохранения противопоставления "прямой падеж ~ косвенный падеж с послелогом *ko* (или, что может касаться только местоимений, объектный падеж)" при выражении функционального значения объекта действия.

В чисто синтаксическом плане организации предложения, связанном с валентностью финитного глагола, существенными моментами являются следующие:

1) форме прямого падежа как примете имени прямого объекта свойственно контрастировать на синтагматической оси с формой косвенного падежа с послелогом *ko* (или, что касается только местоимений, объектного падежа) имени адресата действия, например, *mai iṣ viṣay mē lokmat ko pradhāntā nahī detī, nahī dūgī* (JK, K, 97) 'В этом вопросе я не придаю и не придам большого значения общественному мнению', ...*mere vukh-dukḥ kṛ bhār ek kavī ko sāipā gayā* (S, TY, 197) '...бремя ответственности за мою судьбу было возложено на поэта';

2) форме косвенного падежа с послелогом *ko* (или, что касается только местоимений, объектного падежа) как примете имени прямого объекта свойственно контрастировать со стоящей непосредственно перед глаголом формой прямого падежа имени, связанного квалификативным отношением с именем прямого объекта (показательны примеры с формами активного залога), например, *bahmanī rājāo ne hindī ko rājbhāṣā banāyā thā* (RVS, 345) 'Бахманиды объявили (букв. сделали) хинди государственным языком', *log munšī-jī ko lakhpatī nahī to baṛā ādmī avaṣṭya samajhte the* (P, N, 132) 'Люди считали мунши [Тотарама] если и не миллионером, то уж, во всяком случае, человеком состоятельным'.

с.44-47; 98, с.426-427; 101, с.167-170; 111, с.396-402; 113, с.178-179; 121, с.169-170; 134, с.492-493; 135; 136, с.26; 137, с.120-122, 144, 149, 154-155; 138, с.194-196; 139, с.153-157; 143, с.72-75]. См. также: [116, с.49; 124, с.91-92].

⁹ Здесь мы имеем в виду работы Г.А.Зюграфа [33, с.55-67, 358; 34]. В них в качестве влияющих на выбор формы имени объекта рассматриваются (помимо синтаксического фактора, связанного с валентной характеристикой глагола) значения, раскрываемые в плане категории персональности (категории "лица-не-лица"), которая как классифицирующая категория считается доминирующей в североиндийских языках над противопоставлением имен существительных по признаку "одушевленность ~ неодушевленность", и категории определенности, которая выделяется на базе противопоставления по признаку "индивидуальный (конкретизованный) объект ~ обобщенный (неконкретизованный) объект" и принимается за словоизменительную категорию. Форма косвенного падежа с послелогом *ko* расценивается как отвечающая значению персональности (значению "лицо") и вместе с тем как средство выражения значения индивидуального (конкретизованного) объекта.

В связи с семантикой глагола и имен, выступающих в предложении, реализующем активно-субъектную конструкцию, существенным синтаксическим моментом организации предложения является контраст на синтагматической оси между формой косвенного падежа с послелогом *ko* как приметой имени прямого объекта и формой прямого падежа имени, наделяемого функциональным значением субъекта действия, например: ...*baṛī machlī choṭī machlī ko khā rahī hai* (NK, 1961, VI, 9) '...крупная рыба пожирает мелкую рыбу', *ultā cor kotvāl ko dāte* (MK, 52) 'Ну и дела: страшает вор котваля'¹⁰ (См. подобного рода примеры, уже приводившиеся в грамматической литературе, в которых в случае устранения указанного контраста различию имени объекта и имени субъекта действия не могла бы служить и форма финитного глагола вследствие одинакового значения рода и числа у обоих имен: *sirkā dūdh ko phārtā hai* 'Кислый сок сквашивает молоко' [77, с.49], *hīrā śīše ko kāttā hai* 'Алмаз режет стекло' [102, с.32], *Rām Govind ko dekhtā hai* 'Рам видит Говинда' [137, с.120].)

Другой синтаксический момент касается порядка слов: дистантное расположение имени объекта по отношению к финитному глаголу, выступающему в форме активного залога, является благоприятным условием оформления имени объекта косвенным падежом с послелогом *ko*, например: *kamre ke parde lage hue darvāze ko kisī ne khatkhatāyā* (AP, D, 11) 'В занавешенную дверь комнаты кто-то постучал' [ср. *aōṇak kisī ne bāhar se darvāzā khatkhatāyā* (BC, C, 35) 'Вдруг кто-то постучал снаружи в дверь'], *is bhed ko us aspatāl kā dāktar pūrmatayā jāntā thā* (AP, D, 115) 'Эту тайну врач той больницы знал во всех подробностях' [ср. *tum yah bāt jānte the ...* (MR, A, 203) 'Вы знали это обстоятельство...']¹¹.

Вместе с тем на способе оформления имени объекта действия сказывается и то, в форме какого залога выступает финитный глагол. Это проявляется в следующем.

1. Ограничения на оформление имени объекта прямым падежом имеют место в предложениях с формами активного залога, но отсутствуют в предложениях с формами инактивного залога, о чем, в частности, свидетельствуют такие примеры: *Candar bhī nikāl diyā jāygā?* (P, N, 27) 'И Чандара тоже прогонят?' (ср. некорректность предложения **gharvāle Candar bhī nikāl dēge?*, где *Candar* — это собственное имя лица, при грамматической правильности такого предложения, как *gharvāle Candar ko bhī nikāl dēge?* 'Домашние Чандара тоже прогонят?'), ...*māī bulā liyā gayā* (G, DR, 38) '...меня позвали' (ср. некорректность структуры *...*afsar ne māī bulā liyā*, где *māī* — личное местоимение 1-го лица единственного числа, при грамматической правильности такого образования, как ...*afsar ne mujh ko bulā liyā* '...чиновник позвал меня').

¹⁰ Котваль (*kotvāl*) — начальник городской полиции.

¹¹ В таких предложениях нейтральному порядку слов отвечает позиция имени прямого объекта непосредственно перед глаголом.

2. Употребление с формами инактивного залога в большей степени свойственно форме прямого падежа имени объекта, чем форме косвенного падежа с послелогом *ko* (или объектного падежа, что касается только местоимений), в связи с чем прямой падеж имени объекта лингвисты склонны считать отвечающим основному (или стандартному) типу пассивных конструкций [98, с.258; 124, с.297–298; 129, с.20]¹².

Мы, таким образом, не разделяем довольно распространенной точки зрения, согласно которой выбор способа оформления имени прямого объекта регулируется одними и теми же правилами независимо от залога финитного глагола. Приведенные выше примеры уже свидетельствуют о необоснованности следующего категорического утверждения: "Правила, определяющие в предложениях пассивного залога присоединение или неприсоединение аффикса *ko* к объектному падежу, являются теми же, какие действуют в предложениях активного залога" [113, с.178].

СЛУЧАИ ОТСУТСТВИЯ ИМЕНИ СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ С ФИНИТНЫМ ГЛАГОЛОМ АКТИВНОГО ЗАЛОГА

Такая единица структурно-грамматического каркаса, как имя субъекта действия, обычно выступает в качестве неотъемлемой составной части предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме активного залога. Однако в ряде случаев она не получает словесного выражения, что бывает связано с передачей определенного содержания, опирающейся на форму лица, наклонения или времени финитного глагола.

Так, в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, имя субъекта как единица их структурно-грамматического каркаса не выступает:

1) в связи с передачей неопределенно-личного значения (значения неопределенного лица), опирающейся на форму 3-го лица множественного числа мужского рода настоящего общего времени глаголов, например, *sūt ko kātte hāi aur us se kapṛā banāte hāi* [98, с.259] 'Прядением получают нить, а из нее изготавливают ткань' [в пословицах и поговорках неопределенно-личное значение уступает место

¹² Возникновение пассивной конструкции, содержащей имя объекта в косвенном падеже с послелогом *ko*, т.е., согласно нашей терминологии, объектного варианта инактивно-нейтральной конструкции, П.Геффке объясняет свойственным языковому сознанию носителей хинди стремлением маркировать имя объекта таким образом, чтобы оно было лишено формальных признаков подлежащего и тем самым в большей мере отвечало представлению о направленном на объект событии, определяющему, по его мнению, в плане содержания специфику пассивного залога хинди [96, с.85–87].

обобщенно-личному значению, при выражении которого действии приписывается как возможное любому лицу, например, *mīthe ke lālac mē jūṭhā khāte hāī* (МК, 309) 'В погоне за сладким едят (ешь, будешь есть) обеды';

2) в связи с передачей обобщенно-личного значения, опирающейся в пословицах и поговорках на следующие глагольные формы —

а) форму 3-го лица или 2-го лица единственного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, например, *bicchū kā mantra na jāne*, *bābī mē hāth ḍāle* (МК, 280) 'Не знает заклинания против [укуса] скорпиона, а сует руку в [змеиную] нору';

б) форму 3-го лица множественного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, например, *marne jāyē mulhārē gāyē* (МК, 300) 'Собрались умирать, а напевают мелодии' (говорится в случаях, когда кто-то проявляет крайнюю беспечность);

в) форму 2-го лица множественного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, например, *jītnā chāno utnā hī kirkirā* (МК, 146) 'Насколько просейте, настолько и обнаружатся примеси';

г) форму 2-го лица единственного числа будущего времени, например, *karēgā sevā*, *khāegā mevā* 'Сослужишь службу — покушаешь фрукты' [77, с.166];

д) форму 2-го лица множественного числа будущего времени: *jo booge vahī kātoge* (МК, 154) 'Что посеете (посеешь), то и пожнете (пожнешь)';

е) форму (какую-либо из форм) повелительного наклонения, например, *cate sabā lo yā bāsurī baja lo* (МК, 122) 'Жуй горох или играй на свирели' (= 'За два несовместимых дела не берутся одновременно'), *pānī pījiye chānkar*, *bair kījiye jānkar* (МК, 240) 'Воду пейте, ее процедив, а враждуйте не с бухты-барахты' (= 'За любое дело надо браться с умом')¹³.

Вместе с тем отсутствие словесно выраженного имени субъекта, не сводимое целиком к эллипсису, наблюдается в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, при передаче определенно-личного значения, если только используемая форма финитного глагола недвусмысленно указывает на значение или 1-го, или 2-го лица, не обнаруживая омонимии с формами 3-го лица.

Показательны, в частности, предложения, в которых выступают следующие формы финитного глагола:

а) формы повелительного наклонения, служащие для выражения побуждения, отнесенного к собеседнику (собеседникам) говорящего, например, *mījhe patra likhnā na bhūlo* (S, TY, 189) 'Не забывайте

¹³ Из приведенных примеров видно, что в составе пословиц элементарные предложения предстают, как правило, в качестве частей компонентов сложных бессоюзных предложений. Значит, выражаемое в пословицах обобщенно-личное значение опирается не только на формы глаголов, но и на строение самих пословиц в целом.

писать мне письма', *aīṣī ek hī mīṣāl dījīe* (P, G, 151) 'Приведите, пожалуйста, хотя бы один такой пример';

б) форма 1-го лица единственного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, например, *kyō na uṣṭ oḥje ke pāṣ calū?* (P, PP, 37) 'Почему бы мне не пойти к этому же знахарю?', *calo koṭ aur jūtā hī kharīd lū* ... (KC, A, 154) 'Куплю-ка [я] другие ботинки...';

в) форма 1-го лица единственного числа настоящего общего, настоящего актуального, будущего времени и перфекта (прошедшего времени актуального результата в настоящем) изъявительного наклонения, например, *sunō... tumhē ek kavītā sunātī hū* (KC, T, 31) 'Слушайте... Вам [я сейчас] прочитаю одно стихотворение', *yaḥī to batā rahā hū* (Sa, K, 36) 'Как раз об этом [я] и говорю', *acchā abhī jāo, tum se chutṭiyō ke bād bāt karūgī* (PL, 117) 'Ну ладно, ступайте. С вами [я] буду говорить после каникул', *āj śām ko hī āyā hū*, (Sa, K, 30) 'Прибыл [я] сегодня вечером';

г) форма 2-го лица множественного числа настоящего общего, настоящего актуального и будущего времени, а также перфекта (прошедшего времени актуального результата в настоящем) изъявительного наклонения, например, *bahān, kyō rotī ho?* (Aj, A, 115) 'Почему [ты] плачешь, сестра?', *yaḥā akelī kyā kar rahī ho, mīś Latikā?* (PL, 90) 'Что [вы] здесь одна делаете, мисс Латика?', *rāt ko kahā rahoge?* *khana kahā se khāoge?* (NK, 1961, X, 43) 'Где [вы] останетесь на ночь? Где найдете еду?'; *kahā se āye ho?* (NK, 1961, VIII, 66) 'Откуда [вы] прибыли?'.

Имя субъекта действия как единица структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих активно-субъектную, активно-объектную и, как можно полагать, активно-нейтральную конструкции, отсутствует в связи с переносом обобщенно-личного значения, опирающейся в пословицах и поговорках на формы прошедшего аористического времени (аориста) изъявительного наклонения, например, *śikār ko gaye, khud śikār ho gaye* 'Пошел на охоту, [да] сам стал добычей' [77, с.168] (= 'Пошли по шерсть, а вернулись стриженными'), *ābrū dūbo dī, ābrū do kauṛī kī ho gāī* (MK, 40) 'Не уберег свою честь — грош ей стала цена', *khodā pahār niklā cūhā* (HVP, 236) 'Вскопал гору — вылезла мышь' (= 'Гора родила мышь').

В качестве особого явления предстает встречающийся иногда в заголовках-предложениях, реализующих активно-объектную конструкцию и объектный вариант активно-нейтральной конструкции, эллипсис такого имени субъекта, содержание которого раскрывается перед читателем в сопровождающем заголовке тексте: *lobh se hānī uṭhāī* (F, 98) 'Потерпел убыток из-за жадности' (в басне, носящей данный заголовок, рассказывается о том, как пострадал один богатый купец, отказавшийся вознаградить матроса за оказанную услугу), *ek mahīne kā vetan bārḥ rāhat koṣ mē dīyā* (JY, 27.IX.1976, 1) 'Отдал месячное жалованье в фонд помощи пострадавшим от наводнения' (в газетной заметке с данным заглавием говорится об одном из министров штата Бихар), *śikāyat kar-*

ne par caprāsē ko naukarē se haṭā diyā (JY, 26.X.1977,5) 'Уволен курьер после подачи им жалобы'. В примерах глагол выступает в форме прошедшего аористического времени.

РЕДУЦИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ АКТИВНО-СУБЪЕКТНОЙ И АКТИВНО-ОБЪЕКТНОЙ КОНСТРУКЦИЙ

Активно-субъектная и активно-объектная конструкции бывают представлены своими редуцированными вариантами, когда соответственно субъект или объект действия не получает своего выражения в имени (*bāt* 'дело', 'факт'), принадлежность которого к существительным женского рода сигнализируется, однако, формой финитного глагола и/или слов, призванных служить определением имени.

Предложения, реализующие активно-субъектную конструкцию в ее редуцированном варианте, возникают, как правило, при использовании таких глаголов, как *channā* (в сочетании с прилагательным *gahrā* 'глубокий' в форме женского рода — *gahrī*), *nibhnā*, *paṭnā*, *banṇā* и *baithnā* в значении "ладиться", "идти на лад" (в связи с передачей в предложении значения "ладить между собой", "дружить", "водиться [друг с другом]"), глаголов *calnā* и *channā* в значении "не ладиться" ("быть не в ладу", "быть в ссоре"), глагола *calnā* в значении "удаваться", "получаться", глагола *paṭnā* в значении "взбредать на ум", глагола *ūjh-nā* 'приходить в голову', 'приходить на ум', например: *ek telī, jāṭ aur kisān mē gahrī chantī thī...* (BLK, 403) 'Водили между собой дружбу маслодел, джат и крестьянин...', *donō bhāiyō mē nahī nibhegī* (МНК-2, 273) 'Оба брата между собой не ладают', *Sutrī Jhā kī usse khūb paṭṭī thī* (N, BB, 144) 'С ним хорошо ладил Сутри Джха', *āj-kal un logō mē khūb bantī hai* (HSS-3, 2378) 'Ныне они ладят между собой', *donō mē khūb baithī hai* [132, с. 429] 'Оба ладят между собой', *āj-kal donō bhāiyō mē khūb cal rahī hai* (МНК-2, 219) 'Ныне оба брата друг с другом не ладают', *yahā tumhārī ek bhī na calēgī* (HSS-2, 958) 'Здесь у вас ничего не получится', *abhī se piknik kī kyā parī hai! abhī supōr letī rahō!* 'И втемяшился тебе этот пикник! Лежи спокойно!' [77, с. 186], *ap ko bhī jāne kaisā ficar likhne kī ūjhī hai!* (MR, A, 368) 'И как это вам пришло в голову писать очерк!'

Предложения, реализующие активно-объектную конструкцию в ее редуцированном варианте, возникают при употреблении таких глаголов, как *vosnā* 'думать', *ṭhānnā* 'решать', 'принимать решение', *mānnā* 'принимать во внимание', 'соглашаться', 'слушаться', *sunnā* 'слышать', 'слушать' (>'слушаться', 'соглашаться'): ... *us ne apnā kām svatantra rūp se calāne kī vocī...* (UB, S, 287) '...он предпочел заниматься своим делом самостоятельно...', ... *un-hō ne Munnājān kī śādī khūb dhūm-dhām se karne kī ṭhānī* (AN, S, 262) '...он решил пышно справить свадьбу Муннаджана', ... *Khanṇā ne ek na mānī* (P, G, 93) '...Кханна не поддавался уго-

ворам', ...*maĩ ne ek na viĩ* ... (S, TY, 94) '...я не послушалась...'.¹⁴

В некоторых предложениях, как показывают примеры, в качестве субститута имени субъекта или объекта действия допускается использование числительного (> местоимения) *ek* 'один'¹⁴.

ИМЯ СУБЪЕКТА И ИМЯ ОБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ
В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНСТРУКЦИИ
С ФИНИТНЫМ ГЛАГОЛОМ ИНАКТИВНОГО ЗАЛОГА

Отсутствие словесно выраженного имени субъекта, наблюдаемое в предложениях, реализующих конструкции с финитным глаголом активного залога, при передаче ими (предложениями) неопределенно-личного или обобщенно-личного значения не обнаруживает какой-либо явной зависимости от того, отличается ли данный глагол прямообъектной направленностью или нет. Иначе обстоит дело в предложениях с глаголом в форме инактивного залога. В них отсутствию словесно выраженного имени субъекта "благоприятствует" наличие имени прямого объекта в окружении глагола, а невыраженности имени объекта, предопределенной непереходностью самого глагола или абсолютным употреблением переходного глагола, сопутствует, как правило, появление словесно выраженного имени субъекта.

Тем самым по линии выраженности/невыраженности имени субъекта действия намечается противопоставление между безобъектным вариантом инактивно-нейтральной конструкции, с одной стороны, и инактивно-объектной конструкцией вкупе с объектным вариантом инактивно-нейтральной конструкции — с другой. Данное противопоставление иллюстрируется ниже сравнением примеров рубрики (а) с примерами рубрики (б): (а) ...*us ve uthā na jātā thā*... (P, N, 107) '... он был не в состоянии подняться...', *āge māṣṭar ve bolā nahī gayā* (N, D, 137) 'Больше учитель говорить не мог'; (б) *uske ghar ādmī daurāyā gayā* (P, G, 363) 'К нему домой спешно отправили человека', *so ek riportar ko bulāyā gayā* (Nn, 1975, XI, 146) 'Поэтому был вызван один репортер'¹⁵.

¹⁴ Тип предложений, подобных приведенным в данной рубрике, был рассмотрен В.А.Чернышевым. В монографии Чернышева соответствующие предложения трактуются как "стабильно-эллиптические предложения с опущенным подлежащим или прямым дополнением" [77, с.186—187].

¹⁵ Тем самым инактивный залог приобретает в предложениях: (а) либо статус залогового, который можно или интерпретировать как залог пассивно-возвратный [63, с.254], или считать, как это принято в случаях с непереходными глаголами, безличным залогом [98, с.257; 130, с.57], (б) либо статус собственно пассивного (страдательного) залогового, который в той мере, в какой предложения, его содержащие, "избегают" включать имя субъекта действия, присущее предло-

Однако в хинди наблюдается и совместная встречаемость имени объекта и имени субъекта, не влекущая за собой внесение каких-либо особых семантических моментов в реализацию связи между действием и его субъектом. Это обусловливается тенденцией к дальнейшему расширению сферы использования инактивного залога в предложениях современного хинди, о чем свидетельствует язык не только прессы, публицистики и научных работ, но и художественной литературы: *is kī sikkāyat sāvīdhān-parīṣad ke adhyakṣa ... se kī gaṭ...* (KDV, 119) 'Оно (решение суда) было обжаловано председателем учредительного собрания...', *antarrāṣ-ṭrīya vajjānīk amibandhān sammelanā ke lie britiś pratinidhi isī sansthā dvārā cune jāte hāi* (VL, 1961, III, 15) 'Этой же организацией выбираются британские представители для участия в работе международных научных конференций', *vāstav mē yah vicār nayā nahī hai, 1956 ke bād hī hamārī pārtī kāngres dvārā ise svīkār kiyā gayā* (JY, 28.XII.1975, 12) 'На самом деле эта установка не нова. Она была принята нашим партийным съездом сразу же после 1956г.', *mere dvārā aparādhī ko jel mē bhejā gayā* 'Преступник был отправлен мной в тюрьму' [110, с.167], ... *is lie ab tak na dekhā huā śankā kā kāṭā Nāsīrudīn Haidar dvārā sahsā is samay dekh hī nahī liyā gayā balki us ne kuch-kuch subhan bhī mahsūs kar lī* (AN, S, 391) '...поэтому скрытое доселе от взоров терние сомнения теперь вдруг было замечено Насируддином Хайдаром; более того, он даже ощутил укол [совести]'¹⁶.

В современном хинди появление словесно выраженного имени субъекта действия как единицы структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога, служит преимущественно (в подавляющем большинстве случаев) передаче значения потенциальности (способности субъекта совершать действие), обеспечивая одновременно выражение конкретно-личного значения. Передача потенциального значения распространяется не только на случаи с отсутствием словесно выраженного имени объекта, как это имеет место в уже приводившихся примерах [см. примеры рубрики (а) на с.18], но и на случаи со словесно выраженным именем объекта: *miṣh se hāṣī nahī rokī gaṭ* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха' (букв. 'Мой смех не остановился'), *āge ek śabda bhī āgantuk se nahī bolā gayā ...* (N, D, 139) 'Вновь прибывший не мог больше вымолвить ни слова...', *miṣh se apatān na sahā jāyagā* (S, TY, 141) 'Я не смогу

жениям с формами активного залога, характеризуется функцией, являющейся, согласно Е.Куриловичу [41, с.123], грамматической в про-
тивоположность стилистической.

¹⁶ В таких предложениях "пассивный", т.е. инактивный, залог, принявший статус пассивного, характеризуется функцией, являющейся по Е.Куриловичу стилистической [41, с.123]. Именно в них с именем субъекта действия широко употребляется на месте послелога *se* послелог [ke] dvārā 'посредством', 'при помощи', 'через'.

вынести оскорбление', *ṭhaṇḍe goṣṭ ke slāis mujh se khāye nahī jā rahe the* (MR, A, 17) 'Ломтики холодного мяса не лезли мне в горло' (букв. 'Ломтики холодного мяса мной не съедались'), *mujh se unko zamīn par nahī baiṭhāyā jātā* 'Я не в состоянии усадить его на землю' [88, с.25].

В силу этого тоже сужается возможность проявления отмеченного выше противопоставления по линии выраженности/невыраженности имени субъекта действия в предложениях, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога.

Передаваемое значение потенциальности понимается преимущественно в негативном плане, а именно как "неспособность субъекта совершать действие", что обеспечивается, как видно из приведенных примеров, наличием отрицательной частицы при глаголе.

На совместимость же потенциального значения с отсутствием отрицания имеются указания в грамматической литературе. В частности, о ней говорит Лакшми Баи Балачандран, приводя для иллюстрации такие примеры: *tum se itnā kām kaise kīyā jātā?* 'Как вы можете выполнить такую большую работу?', *āj-kāl mujh se zyādā khāyā jātā hai* 'Ныне я в состоянии есть больше' [88, с.28]. Об этом же, по сути дела, пишет и Р.Хасан, утверждая, что предложение *naikar se cāval taule gaye* следует переводить на английский язык не как *The rice was weighed by the servant*, а скорее как *The servant was able to weigh the rice* [103, с.12-13]. Эту же точку зрения разделяет и Х.Бахри, сопоставляя сопровождаемые переводом следующие примеры: *laṛke ne roṭī nahī khāt* 'мальчик сам не ел, хотя и мог бы' — *laṛke se roṭī nahī khāt gaī* 'Мальчик не мог есть, потому что у него была, быть может, острая зубная боль и т.п.' [87, с.366].

Значение неспособности субъекта совершать действие может в зависимости от контекста уступать место значению нежелания, чему содействует указание на 1-е лицо: *nahī bahīn, tum jāo*; *mujh se to vahā baiṭhā nahī jātā* (P, N, 143) 'Нет, сестра. Ступай ты сама, мне же там сидеть неохота', *pānī ke paise mujh se na diye jāyāge* (P, N, 156) 'Деньги на воду я давать не намерен'¹⁷.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ "ЛИЧНОСТЬ" ("ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ") И "ВОЛИТИВНОСТЬ"

Если наличием словесно выраженного имени субъекта, как единицы структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в

¹⁷ Именно к подобного рода примерам имеет отношение такой семантический момент, как "неохота (Unlust des Willens) отказаться от определенных принципов и привычек", проистекающая из "духовного или физического состояния деятеля" [96, с.79].

форме инактивного залога, обеспечивается выражение конкретно-личного значения, то его отсутствием, не связанным с эллипсисом, обуславливается, как правило, передача абстрактно-личного (неконкретно-личного) значения. Причем упомянутое абстрактно-личное значение проявляется:

(а) или как неопределенно-личное (действие приписывается неопределенному субъекту-лицу), например, *barō ke vāṃṃe adab ve baiṭhā jātā hai* 'Перед старшими сидят учтиво' [88, с.25], ... *Nasīruddīn gaddī ve utārā jāyagā* (AN, S, 375) '...Насируддин будет свергнут с престола', *prātaḥ das baje usko jagāyā gayā* ... (G, DR, 212) 'В десять часов утра ее разбудили...';

(б) или — что бывает значительно реже и каждый раз определяется контекстом на базе всевременного значения настоящего общего времени — как обобщенно-личное (действие приписывается в качестве возможного любому лицу), например, *itnā barā nuskān uṭhākar supār to nahī baiṭhā jātā* (P, N, 171) 'Понеся такой урон, не будешь сидеть молча', *garmī mē khānā bilkul khāyā nahī jātā* 'Летом совсем не ешь' [88, с.29].

Разумеется, что отсутствие имени субъекта и имени объекта (см. первый пример каждой рубрики) тоже есть фактор, нарушающий отмеченное выше противопоставление по линии выраженности/невыраженности имени субъекта действия, наблюдаемое у предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога.

Итак, для инактивно-объектной и инактивно-нейтральной конструкций характерным является семантический признак отнесенности действия к субъекту-лицу, т.е. признак "личность" ("персональность"), который воплощается или в конкретно-личном значении, или в абстрактно-личном значении (неопределенно-личное и обобщенно-личное значения). Данным признаком объясняется, в частности, некорректность такого предложения, как **gārī ve cālā nahī jātā* букв. 'Телегой не едется' [88, с.8]; при грамматической правильности следующего предложения: *miḥ ve ab cālā nahī jā rahā thā* (MR, A, 310) '... я уже был не в состоянии идти дальше'.

Признак "личность" дополняется другим семантическим признаком, его имплицитующим, а именно признаком "волиитивность", который, будучи релевантным в первую очередь для случаев с выраженным именем субъекта, понимается как "возможность преднамеренного или добровольного осуществления действия субъектом"¹⁸. Данным признаком объясняется, в частности, некорректность такого предложе-

¹⁸ Релевантность признака "волиитивность" показали в своих работах Лакшми Бан Балачандран [88, с.29—30; 113, с.174—176] и (применительно к случаям передачи потенциального значения) Р.Хасан [103, с.12—14].

ния, как **larke se sāṁkā nahī jātā* букв. 'Мальчиком не вздрагивается' [113, с.172], при грамматической правильности следующего предложения: ... *us se uṭhā na jātā thā* ... (Р, N, 107) '... он был не в состоянии подняться...'.

В силу признака "волиитивность" выражаемая неспособность (потенциальность, понимаемая в негативном плане), о которой говорилось выше, предстает как имеющая место помимо воли или даже вопреки воле субъекта, что, кстати сказать, подтверждается встречающимися примерами с эксплицитным указанием на волеустремление или желание субъекта-лица: *priya Rekha, jo patra likhne kī māi niran-tar koṣīś kartā rahā hū, vah mujh se likhā nahī jā rahā hai* (Аж, N, 260) 'Дорогая Рекха! Письмо, которое я вот уже долго пытаюсь тебе написать, мне никак не удается написать', *vah himmat karke binā bole uṭhī aur khāne baiṭh gayī. icchā rahte hue bhī usse khāyā na gayā* ... (UB, L, 195) 'Собравшись с духом, она молча поднялась и села поесть. Но несмотря на все свое желание, есть она не смогла...'.

Дальнейшему росту употребительности форм инактивного залога в его "пассивном" варианте обязаны своим появлением предложения, которые передают безличное значение, т.е. значение отсутствия субъекта-лица, в рамках инактивно-объектной конструкции: *āj subah yahā hū ek vimān durghatnā me 198 ādmī māre gaye* (JY, 4.VIII.1975, 1) 'В авиационной катастрофе, произошедшей здесь сегодня утром, погибло 198 человек', *central Tāivān me tūfān se 5 vyakti māre gaye* (JY, 4.VIII.1975, 4) 'В центральной части Тайваня от урагана погибло 5 человек', *uttar tathā pūrva me zile kī sī-mā Yamunā nadī se banāī gayī hai* (RSC, 1) 'На севере и востоке границу дистрикта образует река Джамна'.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНСТРУКЦИИ С ФИНИТНЫМ ГЛАГОЛОМ ИНАКТИВНОГО ЗАЛОГА

Связь между строением и семантикой предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога, обобщенно представлена в схеме 1, отражающей ряд таких аспектов, релевантных для характеристики предложений, как:

- а) разграничение конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений и их вариантов;
- б) учет наличия или отсутствия словесно выраженного имени субъекта (N^S);
- в) отграничение предложений потенциального значения (+ потенц.) от остальных предложений (- потенц.);
- г) разграничение таких значений, как безличное, конкретно-личное и абстрактно-личное, и выделение внутри последнего неопределенно-личного и обобщенно-личного значений.

1	Безобъектный вариант инактивно-нейтральной конструкции	Инактивно-объектная конструкция или объектный вариант инактивно-нейтральной конструкции			Безобъектный вариант инактивно-нейтральной конструкции	Инактивно-объектная конструкция
2	$N^S + se$	$NS+ke$ <i>dvārā</i>		$-N^S$		$\left\{ \begin{array}{l} NS+se \\ -N^S \end{array} \right\}$
3	+ потенциальное		- потенциальное			
4	конкретно-личное		абстрактно-личное			безличное
			неопределенно-личное	обобщенно-личное	неопределенно-личное	
a	b	c d	e	f	g h	i j

Как явствует из схемы, выделяются 9 разновидностей предложений. Каждой из них соответствует на схеме отрезок между двумя смежными буквами, помещенными внизу, а именно:

(1) a-b: ... *us se uṭhā na jātā thā* ... (P, N, 107) '... он был не в состоянии подняться...'; *āge māṣṭar se bolā nahī gayā* (N, D, 137) 'Больше учитель говорить не мог';

(2) b-c: *miḥ se hāṣṭ nahī rokī gaī* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха'; *miḥ se aratān na vahā jāyagā* (S, TY, 141) 'Я не смогу вынести оскорбление';

(3) c-d: *is kī śikāyat sāvidhān-pariṣad ke adhyakṣa ... se kī gaī* ... (KDV, 119) 'Оно (решение суда) было обжаловано председателем учредительного собрания...';

(4) d-e: *antarvāṣṭriyā vaijñānik anuvandhān sammelanā ke lie britiś pratinidhi isī vansthā dvārā cune jāte hāī* (VL, 1961, III, 15) 'Этой же организацией выбираются британские представители для участия в работе международных научных конференций';

(5) e-f: *uske ghar ādmī dauṛāyā gayā* (P, G, 363) 'К нему домой спешно отправили человека'; *vo ek rīpōrtar ko bulāyā gayā* (Nn, 1975, XI, 146) 'Поэтому был вызван один репортер';

(6) f-g: *garmī mē khānā bilkul khāyā nahī jātā* [88, с.29] 'Летом совсем не ешь';

(7) g-h: *itnā baṛā nukṣān uṭhākar cupoṛ to nahī baiṭhā jātā* (P, N, 171) 'Понеся такой урон, не будешь сидеть молча';

(8) h-i: *baṛō ke vāṁte adab se baiṭhā jātā hai* [88, с. 25] 'Перед старшими сидят учтиво';

(9) i-j: *āj subah yahā huī ek vimān durghaṭnā mē 198 ādmī māre gaye* (JY, 4.VIII.1975, 1) 'В авиационной катастрофе, произошедшей здесь сегодня утром, погибло 198 человек'.

Предложениям, содержащим имя субъекта-лица и не имеющим имени объекта, соответствует на схеме отрезок a-b; предложениям, содержащим имя объекта и не имеющим словесно выраженного имени субъекта-лица, — отрезок e-g; предложениям, включающим в свой состав как имя объекта, так и имя субъекта, — отрезок b-e; предложениям, отличающимся отсутствием имени объекта и имени субъекта, — отрезок g-i; предложениям с именем прямого объекта, в которых использование имени субъекта допустимо при условии, если последнее не указывает на лицо, — отрезок i-j.

На современном этапе развития хинди определяющими для функционирования инактивного залога как регулярного члена противопоставления в системе глагола являются предложения тех разновидностей, которым соответствуют на схеме отрезки e-f, a-b и b-c; причем, как это видно из исследования П.Геффке [96, с. 71-76], предложениями, которым соответствует отрезок e-f, отражена специфика инактивного залога современного хинди в отличие от хинди предшествующего состояния.

В предложениях, которым соответствуют отрезки c-d, d-e и i-j, отражена тенденция к росту употребительности инактивного залога в хинди.

В предложениях потенциального и обобщенно-личного значения (им на схеме соответствуют отрезки a-b, b-c, f-g, g-h) инактивный залог обнаруживает функцию, унаследованную им, как показал в своем исследовании П.Геффке [96, с. 55-58, 78-79], от предшествующего этапа развития языка хинди.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МЕДИОПАССИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В отличие от конструкций, содержащих финитный глагол в форме инактивного залога, конструкции с финитным глаголом в форме активного залога нейтральны в отношении таких семантических признаков, как "личность" ("персональность") и "волиитивность"¹⁹.

¹⁹ Поэтому в падежной грамматике Ч.Филлмора с именем субъекта действия, отраженного в хинди словарным значением глагола, соотносят, как видно из работ Лакшми Баи Балачандран, не только агентивный падеж, но и такие "глубинные" падежи, как, в частности, объектный [88, с. 63-64; 113, с. 178], инструментальный [88, с. 71; 113, с. 180], падеж экспериенцера [88, с. 63; 113, с. 172, 181].

Среди множества предложений, которые могут реализовать активно-субъектную конструкцию, имеются, однако, предложения, семантически и формально близкие предложениям, реализующим инактивно-объектную конструкцию. Это предложения с медиопассивными глаголами, т.е. глаголами типа *silnā* 'шиться', *biknā* 'продаваться'²⁰, каждый из которых обнаруживает себя как синоним соответствующего (как правило, однокорневого) переходного глагола в форме инактивного залога: *hamāre yahā kitābē bikī hī nahī* (MR, A, 333) 'У нас книги вовсе не продаются' [ср. пример с глаголом *becnā* 'продавать': ... *unke ṭokre bece jāte the* (UB, S, 137) '... продавались их корзины']; *cācī to hāth se bhī sī letī hātī, lekin koṭ māṣīn par hī aohā siltā hai... nahī, tāū jī?* (N, D, 106) 'Тетушка шьет и вручную, но ведь на швейной машинке пиджак шить (букв. шьется) лучше... Не так ли, дядя?'. См.: также предложения: *ghar bantā hai* 'Дом строится', *vah ṛaṇī mē marā* 'Он погиб на войне', *ṣaṛak sīc rahī hai* 'Улица поливается', где *bantā hai*, *marā* и *sīc rahī hai* трактуются как эквиваленты таких форм, как *banāyā jāta hai*, *mārā gayā* и *sīcī jā rahī hai* [98, с.259]²¹.

Отмеченная близость становится более разительной при употреблении в форме косвенного падежа с послелогом *se* или [*ke*] *dvārā* имени (или местоимения), обозначающего лицо: *mujh se bhī hāsī rukī nahī* (HD, B, 240) 'Я тоже не мог удержаться от смеха' [*ruknā* 'останавливаться'; ср. предложение с переходным глаголом *roknā* 'останавливать' в форме инактивного залога: *mujh se hāsī nahī rokī gaī* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха'], *aur do-ṣār bār vah pres ke maine jar se bhī burī tarah piṭā* (KC, A, 149) 'И несколько раз его сильно поколотил и сам управляющий типографией' [*piṭnā* 'биться', 'подвергаться побоям'; ср. предложение с переходным глаголом *pīṭnā* 'бить', 'колотить' в форме активного залога: *ant mē ek dīn tīnḍ bāp-beṭḍ ne mīlkar Rūpā ko khūb pīṭā* (B, D, 162) 'В конце концов однажды отец с сыновьями втроем здорово поколотили Рупу']. Как видно из примеров, обозначаемое лицо понимается как субъект действия, выражаемого переходным глаголом того же корня, что и данный медиопассивный глагол. Указание на лицо может (см. первый пример) сопровождаться при внесении значения потенциальности, которое, будучи понятым в негативном плане как "неспособность субъекта-лица совершать действие", может уступить место значению нежелания, как это имеет место в следующем примере: *yah per mujh se nahī kaṭtā* [130, с.101] 'Я не берусь рубить это дерево'.

²⁰ Арьендра Шарма называет такие глаголы пассивными по природе [130, с.100].

²¹ С позиции падежной грамматики Ч.Филлмора подобные предложения относят к пассивным [88, с.26], а с точки зрения "семантически мотивированной грамматики" их рассматривают как особую разновидность пассивных оборотов, а именно как "процессивный пассив" [103, с.17-18].

ЕДИНИЦЫ СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОГО КАРКАСА
И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПОНЯТИЕ ПРЕДИКАТИВНОЙ ОСНОВЫ

Вопрос о том, как понятие единицы структурно-грамматического каркаса соотносится с понятием члена предложения, в частности подлежащего и сказуемого, решается с учетом специфики конструкций, создающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди.

В двукомпонентной активно-субъектной конструкции налицо отношение взаимной импликации между $N^s \text{dir.}$ и sV (форма имени субъекта действия необходимо предполагает согласуемую форму финитного глагола и, наоборот, форма финитного глагола необходимо предполагает форму прямого падежа имени субъекта действия). Поэтому именной член структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих эту конструкцию, выступает в качестве их подлежащего, а глагольный член — в качестве сказуемого.

Трехчленная активно-объектная и трехчленная инактивно-объектная конструкции, в каждой из которых форма обоих именных членов ($N^s\text{-ne}$ и $N^d \text{dir.}$ — в первом случае, $N^s\text{-se}$ и $N^d \text{dir.}$ — во втором случае) имплицитруется порознь формой финитного глагола (соответственно $dV(\text{act. pf.})$ и $dV(\text{inact.})$)²², различаются между собой отношением к активно-субъектной конструкции: на фоне последней первая из конструкций предстает как грамматическая единица языка эргативного строя, вторая — как грамматическая единица языка номинативного строя. Поэтому совпадающим с подлежащим предложений, реализующих активно-объектную конструкцию, следует считать ее компонент $N^s\text{-ne}$ ²³, а совпадающим с подлежащим предложений, реализующих инактивно-объектную конструкцию, — компонент $N^d \text{dir.}$ этой конструкции. В соответствии с такой точкой зрения, $N^d \text{dir.}$ активно-объектной конструкции и $N^s\text{-se}$ инактивно-объект-

²² Ни одна из обратных импликаций не имеет силы, так как $N^s\text{-ne}$ предполагает появление или компонента $dV(\text{act. pf.})$, или компонента $nV(\text{act. pf.})$; $N^s\text{-se}$ — появление или $dV(\text{inact.})$, или $nV(\text{inact.})$, а $N^d \text{dir.}$ — появление или $dV(\text{act. pf.})$, или $dV(\text{inact.})$, а также sV .

²³ "...эргативную конструкцию можно трактовать как структуру, в которой субъект занимает позицию подлежащего" [71, с.40]. Согласно иному подходу, подлежащим предложений, реализующих активно-объектную конструкцию, следовало бы считать именной компонент $N^d \text{dir.}$, поскольку именно с ним согласуется финитный глагол [95, с.67–68, 183; 110, с.164–165, 259–260]. В.А.Чернышев трактует $N^d \text{dir.}$ в таких предложениях как неосновное подлежащее, или соподлежащее, сопутствующее основному подлежащему [77, с.54]. В падежной грамматике Ч.Филлмора $N^d \text{dir.}$ подводится под понятие подлежащего уровня поверхностной структуры, а $N^s\text{-ne}$ расценивается как одна из частных реализаций подлежащего уровня глубинной структуры [88, с.14–16].

ной конструкции рассматриваются как дополнение при глаголе-сказуемом: в первом случае — прямое, во втором — агентивное (как особая разновидность косвенного дополнения).

По вопросу о том, функцию какого члена предложения выполняет компонент N^S-ne активно-нейтральной конструкции или компонент N^S-se инактивно-нейтральной конструкции, может быть предложено три различных решения.

Согласно первому решению, N^S-ne является подлежащим, а N^S-se — агентивным дополнением. В основе такого решения лежит точка зрения, признающая активно-нейтральную конструкцию эргативообразной, а инактивно-нейтральную — пассивообразной и позволяющая тем самым постулировать единый статус для N^S-ne в активно-объектной и активно-нейтральной конструкциях и единый статус для N^S-se в инактивно-объектной и инактивно-нейтральной конструкциях.

Согласно второму решению, N^S-ne и N^S-se являются агентивным дополнением. Основанием для данного утверждения является взгляд на нейтральную форму финитного глагола (соответственно $pv(act.pf.)$ и $pv(inact.)$) как на безличную форму, обеспечивающую абсолютную вербоцентричность (а следовательно, и односоставность) предложений [95, с.1837].

Согласно третьему решению, N^S-ne и N^S-se предстают как подлежащее предложений. Это подсказывается тем обстоятельством, что как в активно-нейтральной, так и в инактивно-нейтральной конструкции имеется только один именной член (соответственно N^S-ne или N^S-se), который имплицитруется формой финитного глагола (соответственно $pv(act.pf.)$ и $pv(inact.)$).

Если каждое из предлагаемых решений оценивать как отдельный критерий выявления синтаксической функции именного компонента, то по двум из трех критериев N^S-ne активно-нейтральной конструкции предстает как подлежащее, а N^S-se инактивно-нейтральной конструкции — как агентивное дополнение.

С учетом семантики предложений открывается возможность считать именной член N^S-se подлежащим на том основании, что его наличие является необходимым условием передачи соответствующим предложением значения потенциальности.

Однако трактовке именного члена N^S-se как подлежащего предложений, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, препятствует, с одной стороны, то обстоятельство, что не во всех предложениях, реализующих объектную разновидность этой конструкции, его появление бывает сопряжено со значением потенциальности, а с другой стороны, то обстоятельство, что среди предложений, реализующих инактивно-объектную конструкцию, оказываются предложения потенциального значения.

В более же широком плане трактовка именного члена N^S-se как подлежащего предложений языка хинди затруднена тем, что среди предложений, реализующих как инактивно-объектную, так и инактивно-

нейтральную конструкцию в ее объектном варианте, встречаются предложения, в которых его появление не сопровождается выражением значения потенциальности (таким предложениям на схеме 1, помещенной на с.23, соответствует отрезок с-d и отчасти отрезок i-j).

Таким образом, с точки зрения семантического критерия именной член N^s-se ближе всего стоит к подлежащему в предложениях, реализующих безобъектный вариант инактивно-нейтральной конструкции (см. на схеме 1 отрезок a-b), поскольку только в таких предложениях им имплицитруется значение потенциальности. Одним словом, семантический критерий установления статуса именного члена N^s-se приводит в противоречие с критериями, в основе которых лежит формальный аспект анализа предложений. Противоречие обнаруживается, например, в том, что с точки зрения семантического критерия именной член *naikar se* в таком предложении, как *naikar se cāval taule gaye*, следовало бы трактовать по-разному в зависимости от передаваемого предложением смысла: как подлежащее — в случае 'Слуга сумел взвесить рис', как агентивное дополнение — в случае 'Рис был взвешен слугой' (согласно же изложенному выше взгляду, в данном предложении, реализующем инактивно-объектную конструкцию, подлежащим неизменно является существительное *cāval*, т.е. N^{ddir}).

Итак, в предложениях, реализующих активно-субъектную, инактивно-объектную, активно-объектную и активно-нейтральную конструкции, выделяются два главных члена, а именно подлежащее, представленное именным членом (соответственно N^{sdir} , N^{ddir} и дважды N^s-ne) и сказуемое, представленное финитным глаголом (соответственно sV , $dv(inact.)$, $dv(act.pf.)$, $nv(act.pf.)$), тогда как в предложениях, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, выделяется единый главный член, представленный финитным глаголом — $nv(inact.)$.

Именной член N^s-se (также и $N^s-[ke] dvārā$) играет роль агентивного дополнения в предложениях, реализующих как инактивно-объектную, так и инактивно-нейтральную конструкцию. В том и другом случае своеобразие именного члена N^s-se как дополнения заключается в том, что его появление обуславливается не валентностью глагола, взятого в качестве лексемы, а формой финитного глагола. Этим, кстати сказать, и объясняется его вхождение в состав структурно-грамматического каркаса соответствующих предложений. Именному члену N^s-se , указывающему на субъект-лицо, противостоит синтаксический нуль, соответствующий агентивному дополнению со значением неопределенного или обобщенного лица.

В предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, появление агентивного дополнения, представленного именным членом $N-se$, предопределяется валентностью медиопассивных глаголов. Данный именной член находится, разумеется, вне рамок структурно-грамматического каркаса предложений.

Подлежащее и сказуемое образуют вместе *предикативную основу предложений*. В предложениях же, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, предикативная основа полу-

чает воплощение в едином главном члене, совпадая с предикативным центром.

Таким образом, между предикативным центром, предикативной основой и структурно-грамматическим каркасом обнаруживаются следующие количественные соотношения:

1) предикативная основа тождественна предикативному центру (см. инактивно-нейтральную конструкцию) или превышает ее на один компонент (см. остальные четыре конструкции);

2) структурно-грамматический каркас равен предикативной основе (см. активно-субъектную и активно-нейтральную конструкции) или превышает ее на один компонент (см. остальные три конструкции) и неизменно превосходит по составу предикативный центр.

АФФЕКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

К числу конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений хинди, относятся также не столь часто реализуемые языком конструкции, в которых имя субъекта действия предстает в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что может касаться только местоимений, объектного падежа.

Указанное оформление имени субъекта N^s -*ko* обусловливается особыми формами финитного глагола, строящимися по образцу:

(а) основа (фактически основа таких глаголов, как *sunā* 'слышать', 'слушать', *dekhnā* 'видеть', 'смотреть', а также *jānā* 'знать') + *paṛnā* 'падать' в качестве вспомогательного глагола, например, ... *tabhī use yah pad sun paṛā* (JK, S, 101) '...тогда ей послышалась эта строка', *bahin, tumhē bhī dekh paṛēgī ye sab bātē āge* 'О сестра, в будущем тебе тоже придется все это увидеть' [98, с.432]²⁴;

(б) основа + *ānā* 'приходить' в качестве вспомогательного глагола, например, *uskī bāt sunkar mujhe ro āyā* [98, с.318] 'Услышав его слова, я невольно расплакался', *būrhe ko dekhkar laṛke ko hās āyā* [98, с.482] 'При виде старика мальчика разобрал смех', *mujhe vah bāt kah āī* [98, с.482] 'Я выпалил это' (см. глаголы *ronā* 'плакать', *hāsnā* 'смеяться', *kahnā* 'говорить')²⁵;

(в) основа + *milnā* 'встречаться' в качестве вспомогательного глагола, например, *bhāī ko kal nahī ā milā* 'Брат вчера не мог прийти', *mujhe patra nahī likh milegā* [130, с.89—

²⁴ Что касается образования *jān paṛnā*, то оно обычно выступает в функции связки со значением "казаться", "представляться" (см. ниже, с.52).

²⁵ Глагольные образования таких предложений квалифицируются Камтапрасадом Гуру как передающие значение внезапности [98, с.482].

90] 'Я не смогу написать письмо' (см. глаголы *ānā* 'приходить', *likhnā* 'писать')²⁶.

Отмеченные глагольные формы, носящие явно залоговый характер, и возникающие с их участием конструкции можно с некоторой долей условности назвать *аффективными*, различая среди аффективных конструкций конструкцию *аффективно-объектную*, в которой финитный глагол согласуется со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия, обозначенного основой переходного глагола [см. примеры рубрики (а), третий пример рубрики (б) и второй пример рубрики (в)], и конструкцию *аффективно-нейтральную*, в которой финитный глагол характеризуется нейтральной формой [см. первый и второй примеры рубрики (б) и первый пример рубрики (в)]. С точки зрения состава предикативного центра и предикативной основы предложений аффективно-объектная конструкция является аналогом инактивно-объектной, а аффективно-нейтральная — аналогом инактивно-нейтральной конструкции в ее безобъектном варианте.

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Структурно-грамматический каркас предложений базируется на отношении зависимости между формой финитного глагола, представляющего предикативный центр, и формой (формами) именных членов его (финитного глагола) окружения. Однако с финитным глаголом связываются в предложении не только именные члены — единицы структурно-грамматического каркаса. В синтаксическую связь с глаголом вступают и такие слова, появление которых в том или ином грамматическом оформлении определяется его отличительными валентными свойствами. Вместе с финитным глаголом и с находящимися словесное выражение именными компонентами структурно-грамматического каркаса эти члены, или, иначе говоря, комплементы глагола, составляют структурную основу предложений. Таким образом, структурная основа предложений создается на базе структурно-грамматического каркаса в ходе реализации финитным глаголом своих валентностей²⁷.

Особым статусом в структурной основе предложений, реализующих активно-объектную или инактивно-объектную

²⁶ Эти предложения трактуются как передающие значение потенциальности (в негативном плане, что обусловлено отрицательной частицей *nahī* 'не'), причем Арьендра Шарма расценивает играющий вспомогательную роль глагол *milnā* как синоним глагола *saknā* 'мочь' [130, с. 89].

²⁷ Выдвинутое здесь понятие структурной основы предложения соответствует, в общих чертах, такому же понятию, выработанному на материале русского языка П.Адамцем [1, с. 76], или понятию предложенческого ядра у П.Адамца и В.Грабе [2, с. 185].

конструкцию, располагает компонент $N^d \text{dir.}$: он включается в нее на правах как единицы структурно-грамматического каркаса, так и комплемента глагола.

К единицам структурной основы предложений, находящимся за пределами структурно-грамматического каркаса, относятся, в частности, такие упоминавшиеся выше компоненты, как $N^d \text{dir.}$; (в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию), N^{acc} со значением лица при медиопассивных глаголах (в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию), $N^d\text{-ko}$, т.е. имя прямого объекта в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что касается только местоимений, объектного падежа (в предложениях, реализующих активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции в их объектном варианте).

К их числу принадлежат имена или местоимения, отвечающие каузативно-объектной и адресатно-объектной валентностям глаголов, соответственно $N^{\text{acc}}\text{-se}$ и $N^{\text{acc}}\text{-ko}$, а также другие имена или местоимения, отвечающие валентностям, отражающим дифференциацию глаголов на более или менее узкие лексические разряды или связанным с индивидуальными лексико-семантическими особенностями глаголов. В частности, единицей структурной основы предложений, содержащих один из таких глаголов, как *akharnā* 'быть невыносимым', 'быть не по вкусу', *khalnā* 'не нравиться', 'быть неприятным', *bhānā* 'нравиться', 'быть приятным', 'приходиться по вкусу', *buhānā* 'быть приятным', 'доставлять удовольствие', *sūjhnā* 'показываться на глаза', 'приходить на ум', является имя существительное или местоимение в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимение в форме объектного падежа, обозначающее субъект восприятия или ощущения. Равным образом имя или местоимение со значением лица, вступающее в таком же оформлении при глаголе *mīlnā* 'встречаться', 'доставаться', 'быть полученным', тоже принадлежит к единицам структурной основы. Следовательно, в структурную основу предложений входят имена или местоимения с коммуникативно-функциональным значением *реципиента* (т.е. воспринимающего субъекта — $N^{\text{acc}}\text{-ko}$), соответствующего или лицу, испытывающему определенное состояние как результат восприятия или ощущения, или лицу, извлекающему выгоду, т.е. тому, что понимается или как *экспериенцер* [72, с.167], или как *бенефициант* [72, с.170]: *mīś Vuḍ ko larkīyḍ kā yah gūl-garāḥā akharā...* (PL, 105) 'Для мисс Вуд стал невыносимым этот гвалт, поднятый девушками...', *...mere kāḥan hī becāre Rāmī kī vidhavā ko naukrī mīl rahī hai...* (KC, G, 85) '...благодаря мне вдова несчастного Раму получает работу... (букв. ...вдове...доставается работа...)'²⁸.

²⁸ Термин *реципиент*, или *реципиенс*, уже получил распространение в лингвистических исследованиях [18, с.75; 47, с.82–85]. О содержании термина *экспериенцер*, заимствованного из падежной грамматики Ч.Филлмора (см. в работе Л.Б.Балачандран [88, с.2]).

ДЕТЕРМИНАНТ КАК ЕДИНИЦА СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКОГО КАРКАСА ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ДЕТЕРМИНАНТАМИ

Формирование структурной основы — это одна из линий осложнения предложений членами, остающимися за пределами структурно-грамматического каркаса. Другая линия, которая может дополнять первую, состоит в формировании *структурно-семантического каркаса* предложений.

Структурно-семантический каркас предложений создается на базе структурно-грамматического каркаса в ходе присоединения к последнему членов, появление которых в связи с передачей какого-либо определенного типового значения обуславливается предикативной основой в целом в ее лексико-семантической данности. Такие члены, рассматриваемые в качестве определителей предикативной основы, диагностирующих выражение типового значения, целесообразно называть, используя уже бытующий в языкознании термин, *детерминантами*²⁹ и отличать их от *ситуантов* — компонентов предложения, к передаче данного значения прямо не причастных, а играющих по отношению к нему (значению) лишь роль своего рода ситуационных координат.

Хотя, как было сказано выше, появление детерминантов предопределяется предикативной основой в целом, все же непосредственную синтаксическую зависимость тот или иной детерминант может обнаруживать в силу присущего ему оформления или от входящего в предикативную основу глагольного компонента (предикативного центра, сказуемого предложения), но только, в чем и проявляется специфика детерминанта, при неперменном условии связи такого компонента с данным именным компонентом (подлежащим), или, с чем также надо считаться, от именного компонента предикативной основы при неперменном условии связи последнего с данным глагольным компонентом.

В языке хинди выделяются реализующие активно-субъектную конструкцию предложения с детерминантами, обозначающими лицо (лица) при предикативной основе, включающей форму глагола *honā* 'быть', 'существовать', 'происходить', 'случаться':

(1) предложения с детерминантом — именем или местоимением в форме косвенного падежа с послелогом *se*, т.е. с детерминантом *N-se*, получающим семантическую характеристику субъекта совершения того, что обозначается именным компонентом предикативной основы, и выступающим в качестве аналога комплемента, свойственного окружению

²⁹ Поскольку речь зашла об определении, или распространении, предикативной основы, постольку компонент *N^s-se* инактивно-объектной и инактивно-нейтральной конструкций оказывается включенным в состав структурно-семантического каркаса предложений как в качестве единицы структурно-грамматического каркаса, так и в качестве детерминанта.

медиопассивных глаголов, например, *mahārāj, ham se to aisā aprādḥ nahī huā* (P, N, 52) 'О почтенный, мы не совершили такого проступка', *us se vastus barī bhūl huī ...* (P, G, 302) 'Она и в самом деле совершила грубую ошибку...', *utnī barī bhūl un se kabhī nahī huī thī* (P, N, 45) 'Такой серьезной ошибки раньше он никогда не совершал', *...in se merī bahūtā na ho sakegī* (S, T, 50) '...он не сможет оказать мне поддержку'³⁰;

(2) предложения с детерминантом в форме косвенного падежа с послелогом *ko* (или, что может касаться только местоимений, объектного падежа), т.е. с детерминантом N-ko, получающим в зависимости от лексического значения именного компонента предикативной основы семантическую характеристику:

(а) субъекта восприятия или ощущения, например, *mahīnō bād āj use man mē ek vphūrti kā anubhav huā* (P, N, 106) 'Сегодня впервые за несколько месяцев он ощутил душевный подъем', *tumhē jagah dhūḍhne mē vastus bahut taklīf huī hogī* (MR, A, 476) 'Вы, вероятно, в самом деле помучились в поисках места', *āj pahīlī bār use ātmavednā huī ...* (P, N, 65) 'Сегодня она впервые испытала душевную боль...';

(б) субъекта психического или эмоционального состояния, являющегося произвольным и/или преходящим, например, *mujhe mātā-pitā se prem thā, pati par śraddhā* (S, TY, 85) 'К родителям я питала любовь, к мужу — уважение', *... unhē nāgarik jīvan se bhī ghṛṇā thī* (S, TY, 100) '...он питал отвращение даже к городской жизни', *us ke mītrō ko uskī ushṇīkhalā par āścārya ho rahā thā* (P, N, 106) 'Товарищи удивились его несдержанности';

(в) субъекта умственного состояния, например, *un sab ko pahīlī tārīkh par āpatti thī ...* (B, D, 63) 'У них всех было возражение против первого числа...', *mujh ko us yojnā ke vaparāl hone mē sandeh hai* (G, DR, 145) 'У меня есть сомнение в успешном осуществлении этого плана', *magar sāhab, āp ko barī galatfahmī ho rahī hai ...* (KC, G, 83) 'Но, господин, вы глубоко заблуждаетесь...';

(г) субъекта произвольного физического состояния, например, *Bhagatrām ko bahut zor se zukām ho rahā thā ...* (Y, VD, 129) 'Бхагатрама донимала простуда...', *mujhe bhūkh nahī hai ...* (P, N, 89) 'Я не голоден...', *aisī thakān use kabhī na huī thī* (P, G, 362) 'Такой усталости ему еще никогда не доводилось испытывать';

(д) субъекта, оказывающегося в состоянии зависимости от исходящих извне установок или волеизъявлений другого лица (других лиц), например, *bādsāh ko khazāne kī ek kauṛ bhī nīj kharc mē lāne kā adhikār na thā* (P, G, 95) 'Император не имел права брать для себя из казны ни единого гроша', *...mujhe bolne kā hukm nahī hai* (P, N, 63) '...[здесь]

³⁰ Согласно точке зрения Арьендры Шармы [130, с.100], в таких предложениях глагол *honā* выступает в качестве глагола "пассивного по природе".

я лишена голоса', *kyō, kisī ko rāstā calne kī manāī hai?* (P, N, 36) 'Разве запрещено кому-либо ходить по дороге?';

(е) субъекта, чье состояние определяется внешними факторами объективного свойства, имеющими, как правило, отношение к осуществлению действий, например, *mujhe skūl jāne kī der ho rahī hai* (P, N, 184) 'Я опаздываю в школу' (букв. 'Мне в школу хождения задержка происходит'), *Sūd jī ko lekḥ paṛhne kā samay nahī thā* (Y, DB, 546) 'У почтенного Суда не было времени читать статью', *ap ko yah svāg bharnē kī kyā garūrat thī?* (KC, G, 37) 'Зачем вам понадобилось так притворяться?';

(ж) субъекта, на чьем состоянии сказываются факторы благотворного или пагубного свойства, например, *... use aur kahī śaraṇ na thī* (P, N, 186) '...ему больше негде было приклонить голову', *hamē kisī saude mē hānī na hotī thī* (S, TY, 160) 'Ни в одной из сделок мы не терпели убытка', *jīvan ke vangharā mē use vadaiv hār hū ...* (P, G, 350) 'В житейской борьбе он всегда терпел неудачу...';

(з) субъекта, состояние которого характеризуется определенного рода отношением к тому или иному явлению или лицу, например, *ise zindagī mē sirf apnī khuśī se matlab hai...* (MR, A, 198) 'У нее только одна забота — о своем удовольствии...', *use kuch kām thā...* (MR, A, 173) 'У нее было [ко мне] дело...';

(3) предложения с предшествующим именному компоненту предикативной основы детерминантом — существительным или местоимением в форме косвенного падежа с послелогом *ke* (<*kā*) либо притяжательным местоимением в форме на -е, — получающим в зависимости от лексического значения именного компонента предикативной основы семантическую характеристику:

(а) субъекта обладания, обусловленного отношением родства, например, *is rājā ke ek guṇvān betī thī ...* (SV3, 33) 'У этого раджи была добродетельная дочь...', *us ke ek choṭā bhāī thā* (AY-2, 63) 'У него был младший брат', *... phir tumhāre bacce na hogā* (BLK, 58) '...потом у вас не будет ребенка';

(б) субъекта обладания, обусловленного отношением целого и части, например, *... kāyar ke bhī kuch dil hai* (Aj, A, 100) '...и у труса есть сердце', *Jagdīs ke ṭāgē thī hī nahī ...* (AP, D, 84) 'Ног у Джагдиша не было...', *... us ke to kamar hī nahī hai ...* (KC, G, 136) '...у нее нет даже талии...';

(4) предложения с предшествующим именному компоненту предикативной основы детерминантом — существительным или местоимением в форме косвенного падежа с послелогом *ke* *pās* 'у', 'при', 'около', 'возле', 'подле' либо притяжательным местоимением, сочетающимся в форме на -е со вторым элементом послелога *ke pās* (т.е. с *pās*), — получающим семантическую характеристику субъекта обладания, распространяющегося:

(а) на вещи и имущество, например, *uske pās asankhya mohrē, hīrē, javāharāt ādī the* (BLK, 111) 'У него было бес-

численное множество золотых монет, бриллиантов и других драгоценностей', *hatvār ke pās bhī ghī nahī thā* (PL, 143) 'И у лавочника не оказалось топленого масла', *ek kisān thā. uske pās ek berō kā bāg thā* (BLK, 421) 'Жил-был крестьянин. У него был юбовый сад', *us samay hamāre pās bahut sā rupayā thā* (S, TY, 160) 'В то время у нас была уйма денег';

(б) на животных, например, *kisī-kisī bhāgyaśālī ke pās ek gadhā bhī thā*... (Aj, A, 87) 'У некоторых счастливиков было также по ослу...', *Puniyā ke pās bhī goī thī, Sobhā ke pās bhī goī thī* (P, G, 181) 'И у Пунии была пара быков, и у Шобхи была пара быков';

(в) на находящихся в зависимом положении лиц, например, *Rāmsinh ke pās koī admī na thā* (Ni, K, 38) 'У Рамсинха слуги не было', *ammā ke pās to do lāūdiyā hāī ...* (BG, S, 22) 'У мамы [в распоряжении] две служанки...';

(г) на внешние и внутренние по отношению к субъекту факторы жизненных ситуаций, не наделенные признаком вещественности, например, *kyā tumhāre pās sunne ke lie avasār hai?* (S, TY, 133) 'У вас есть время выслушать?',... *us ke pās karne ko koī kām nahī thā* (JY, 15.VIII.1975, 20) '...ему нечего было делать' (букв. '...у него для выполнения никакого дела не было'), *Jhuniyā ke pās uskā koī javāb na thā* (P, G, 279) 'У Джунии на это ответа не было', ... *is ke pās bahut tākat hāī ...* (BG, S, 233) '...он обладает большим могуществом...', *is strī ke pās sansār kī sab se sundar muskārāhaṭ hai* (KC, G, 144) 'У этой женщины самая обаятельная в мире улыбка'.

Результаты семантического анализа отмеченных выше разновидностей предложений с детерминантами можно свести к следующим общим положениям.

1. Предложения, содержащие детерминант N-*se*, отличаются смысловым оттенком активности лица.

2. Отличительным семантическим признаком предложений с детерминантом N-*ko* является значение произвольности характеризующего лицо состояния, причем данный детерминант (в отличие от детерминанта N-*se*, выступающего, как было указано выше, в качестве аналога комплемента — члена окружения медиопассивных глаголов) обнаруживает себя как аналог комплемента с функциональным значением реципиента [ср. *Nirmalā ko us mē se ek-ek paisā nikālte itnī akhar hotī thī ...* (P, N, 197) 'Каждый раз, когда Нирмала брала из нее (сэкономленной суммы. — В.Л.) хотя бы одну пайсу, на душе у нее было так мерзко...' и *mis Vud ko larkiyō kā yah gul-garāṭā akharā ...* (PL, 105) 'Для мисс Вуд стал невыносимым этот гвалт, поднятый девушками ...'], *Sūd jī ko lekḥ parḥne kā samay nahī thā* (Y, DB, 546) 'У почтенного Суда не было времени читать статью' (или 'Почтенному Суду некогда было читать статью') и *Purī ko bhī soone ke liye samay mil gayā thā* (Y, VD, 191) 'Пури тоже успел подумать'. (букв. 'Пури тоже для обдумывания время уже предоставилось')].

3. Различие в плане содержания между предложениями с детерминантом N-*ke*, с одной стороны, и предложениями с детерминантом N-*ke pās*, — с другой, определяется в основ-

ном семантическим моментом, связанным с разграничением соответственно неотчуждаемых и отчуждаемых объектов обладания: детерминант *N-ke* обозначает обладателя неотчуждаемого объекта, тогда как детерминант *N-ke pās* указывает на лицо — обладателя такого объекта, который при условии своей материальности предстает как отчуждаемый. (Для объектов обладания, не наделенных признаком материальности, или вещественности, признак "отчуждаемый/неотчуждаемый" представляется иррелевантным.)

4. Предложения с такими детерминантами, как *N-ko*, *N-N-ke* и *N-ke pās*, могут быть отнесены к широкому семантическому классу бытийных предложений и расцениваться при этом как его особые разновидности, содержащие идею "замкнутости выражаемого бытия" (или появления) личной сферы индивидуума (индивидуум.в).

С предложениями, различающимися послеложно-падежным оформлением обозначающего лицо детерминанта — единицы их структурно-семантического каркаса [соответственно *N-se* (1), *N-ko* (2), *N-ke* (3), *N-ke pās* (4)], соотносимы предложения, в которых именному компоненту предикативной основы сопутствует (как правило, в препозиции) существительное или местоимение в форме косвенного падежа с послелогом-транспозитором *kā* (т.е. *kā*, *kī*, *ke*) или притяжательное местоимение в согласуемой форме (т.е. в форме на *-ā*, *-ī*, *-e* в зависимости от рода, а в мужском роде и от числа именного компонента предикативной основы). Такое соотношение иллюстрируют следующие примеры:

(1) с именным компонентом предикативной основы *kām* м.р. 'дело', 'работа' — *ḍāktar-hakīm kā yahā kuch kām nahī* (P, N, 151) 'Врачам здесь делать нечего' [ср. ... *yah tīsrā kām ... tere pati se nahī huā* (S, TY, 288) '... это третье деяние ... твоим супругом совершенно не было'];

(2) (а) с именным компонентом предикативной основы *viśvās* м.р. 'вера', 'уверенность', 'доверие' — *Bhūgī par uskā viśvās na thā ...* (P, N, 178) 'Она больше не доверяла Бхунги...' [ср. *rāysāhab ko us par rupaye-paise ke tāmle mẽ pūra-pūra viśvās thā* (S, TY, 62) 'Разсахиб полностью доверял ему в денежных делах'];

(б) с именным компонентом предикативной основы *ruci* ж.р. 'склонность', 'интерес' — ... *in logō kī kalā mẽ kuch bhī ruci hai ...* (MR, A, 438) '... у этих людей есть хоть какой-то интерес к искусству...' [ср. *unhē sāhitya mẽ ruci thī ...* (Y, VD, 37) 'Он питал склонность к литературе ...'];

(в) с именным компонентом предикативной основы *himmat* ж.р. 'отвага', 'смелость', 'решимость' — ... *pu-lisvālō kī uske pās jāne kī himmat nahī hotī* (Sa, K, 47) '... полицейские не отваживаются к ней подходить' [ср. *Dayāśankar ko bhī use bulāne kī himmat nahī hotī* (S, N, 45) 'И Даяшанкару не хватает решимости позвать ее'];

(г) с именным компонентом предикативной основы *ādat* ж.р. 'обычай', 'обыкновение', 'привычка' — *ḍukhṛe rone kī meṛī ādat nahī hai* (P, N, 161) 'Ныть я не привык'

[ср. *logō ko paṛhne kī ādat hī nahī hai* (MR, A, 333) 'У людей нет даже привычки читать'];

(д) с именным компонентом предикативной основы *kām* м.р. 'дело', 'работа' — *dāktar-hakīm kā yahā kuch kām nahī* (P, N, 151) 'Врачам здесь делать нечего' [ср. ...*mujhe bhītar kām hai* (Y, Dd, 171) '... у меня есть дела в доме'];

(3) ...*ek strī kī do tāgē hotī hī* (KC, G, 111) '... у одной женщины бывает две ноги' [ср. *Jagdīś ke tāgē thī hī nahī* ... (AP, D, 84) 'Ног у Джагдиша не было...'], *is kī ek bahut lāṛī beṭī thī* (BLK, 100) 'У него была горячо любимая дочь' [ср. *is rājā ke ek guṇvān beṭī thī* ... (SV-3, 33) 'У этого раджи была добродетельная дочь...']³¹;

(4) *ham logō kā vahā ek purānā lekin bahut barā makān thā* ... (B, D, 86) 'У нас там был старый, но очень большой дом...' [ср. *us ke pās ek berō kā bāg thā* (BLK, 421) 'У него был юбловый сад'], *dāktar-hakīm kā yahā kuch kām nahī* (P, N, 151) 'Врачам здесь делать нечего' [ср. ... *us ke pās kamre ko kōī kām nahī thā* (JY, 15.VIII.1975, 20) '... ему нечего было делать'].

Подобные предложения или оставляют невыраженным значение произвольности состояния, что отличает их от предложений с детерминантом *N-ko*, или располагают таким семантическим признаком, как непреходящий характер обладания, что, с одной стороны, отличает их от предложений с детерминантом *N-ke pās*, оставляющих данный семантический признак невыраженным, а с другой стороны, обуславливает их способность покрывать всю семантическую зону предложений с детерминантом *N-ke*, связанных, как было указано выше, с передачей значения неотчуждаемости объекта обладания (неотчуждаемый объект не может не являться объектом непреходящего обладания). Их соотношение с предложениями, содержащими детерминант *N-se*, крайне ограничена.

В той мере, в какой семантическая характеристика подобных предложений выявляется на основе их противопоставленности предложениям с детерминантами, их компонент *N-kā* (или притяжательное местоимение) тоже приобретает статус детерминанта — единицы структурно-семантического каркаса предложений несмотря на то, что непосредственную синтаксическую зависимость он формально обнаруживает от именного члена предикативной основы, т.е. от подлежащего.

Дифференциация между предложениями с детерминантом *N-kā* (или детерминантом — согласуемым притяжательным местоимением), с одной

³¹ Разумеется, что в тех случаях, когда именным компонентом предикативной основы представлен существительным мужского рода, несущим грамматическое значение множественного числа, различие в плане выражения между обеими соотносимыми структурами сходит на нет: *ek saudāgar ke do bēṭe thē* (SV-2, 1) 'У одного купца было два сына'.

стороны, и предложениями с детерминантом N-ko (или детерминантом — местоимением в форме объектного падежа) — с другой, иногда сопровождается различиями в послеложном оформлении распространяющих именной компонент предикативной основы членов, а также и в грамматической природе (имя существительное ~ герундиальный инфинитив) представляющих такие члены слов: (1) *is tote par uskā barā sneh thā* (SV-3, 33-34) 'Этого попугая она очень любила' — ... *aur anya sakhāo se unhē barā sneh thā* (PNT, 55) '... и к другим сподвижникам он был очень привязан'; (2) *parantu unkī or kisī kā dhyān na thā* (S, TY, 240) '... но на них (его слезы.— В.Л.) никто не обращал внимания' — *unhē kavita kā dhyān hai* ... (S, TY, 197) 'У него на уме поэзия ...'; (3) *pati kī aur kisī sampatti par uskā adhikār nahī hotā* (P, N, 169) 'На какое-либо иное имущество мужа у нее нет никакого права' — *kisī ko bolne kā adhikār nahī hai* (P, N, 32) 'Никто не имеет права говорить [что-либо против]'; (4) *sangīt par Surdās kā adbhut adhikār thā* (PNT, 58) 'Сурдас был необычайно музыкален' — *bādsāh ko khazāne kī ek kauṛī bhī nijī kharcē mē lāne kā adhikār na thā* (P, G, 95) 'Император не имел права брать для себя из казны ни единого гроша'. (Приведенные выше примеры-предложения содержат в качестве подлежащих существительные *sneh* 'привязанность', 'любовь', 'нежность', *dhyān* 'внимание', 'размышление' и дважды *adhikār* 'власть', 'право', 'владение', причем последняя пара примеров наглядно демонстрирует многозначность существительного *adhikār*.)

Во вторых предложениях трех последних пар, т.е. в предложениях с детерминантом N-ko, члены, распространяющие именной компонент предикативной основы, оформлены при помощи послелога-транспозитора *kā*: *kavita kā, bolne kā, lāne kā*. Аналогичное оформление такого рода членов (особенно тогда, когда они представлены герундиальным инфинитивом) оказывается в целом ряде случаев совместимым с детерминантом N-kā или детерминантом — притяжательным местоимением: ... *pulisvālō kī uske pās jāne kī himmat nahī hotī* (Sa, K, 47) '...полицейские не отваживаются к ней приближаться', *dukhṛe ropē kī merī ādat nahī hai* (P, N, 161) 'Ныть я не привык', *zila Hazārībāg mē Rāncō ke ās-pās kahī aspatāl kholne kā merā vicār hai* (AP, D, 123) 'У меня есть идея открыть больницу в дистрикте Хазарибаг где-нибудь неподалеку от Ранчи'.

Компонент N-kā, распространяющий именную часть предикативной основы, не следует принимать за детерминант в предложениях такого рода: *sāhitya aur rājñīti donō hī kṣetrō mē paṇḍit kā ādar thā* (Y, VD, 38) 'В литературе и политике — в обеих этих областях — пандит пользовался уважением', ... *aur āj pūre sansār mē merī hī carcā thī* (KC, G, 87) '...и теперь во всем мире только обо мне и говорили' [см. предложения, где N-kā подобным же образом распространяет те же существительные в случае зависимости последних от глагола *karnā* 'делать': *ḍāktar Prān māstar jī kā bahut ādar kartā thā* (Y, VD, 26) 'Доктор Пран очень уважал учителя', *munšījī ussē Mānsārām kī koī carcā karte śarmāte the* (P, N, 125) 'Мунши [Тотарам] стеснялся заговаривать с ней о Мансараме']].

Встречаются, однако, предложения, в которых при наличии детерминанта N-ko другой компонент, а именно N-kā (или притяжательное местоимение), тоже претендует на роль детерминанта: *aise ghar ko merā dūr kī se salām hai* ... (P, N, 32) 'Упаси меня бог от такого дома...':

ПРЕДЛОЖЕНИЯ — АНАЛОГИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ДЕТЕРМИНАНТАМИ

К рассмотренным выше предложениям, располагающим детерминантами, примыкают, разделяя с той или иной их новизной конструктивные и семантические особенности, предложения, в которых:

(1) компонент, обозначающий лицо, оформляется послелогом *mē* 'в' — *Siyārām mē kāt-kapaṭ kī ādat na thī* (P, N, 178) 'Сиярам не имел обыкновения обманывать', *parantu ab us mē vah dhairya na thā* (S, T, 158) 'Но теперь у него не было прежней выдержки', *logō mē āpke prati aśm ādar hai* (KC, G, 67) 'Люди испытывают к вам чувство безграничного уважения'.

Подобные предложения могут быть отнесены к предложениям бытийным, в которых выражаемая бытийность локально детерминирована указанием на лицо. Ср. предложения, в которых локальная детерминация бытийности имеет иной характер: *us tān mē kaisā ākarṣaṇ hotā hai, kaisī mohnī-śakti!* (S, TY, 34) 'Какая притягательная сила, какое очарование бывает у этой мелодии!', *baṭue mē do ginnīyā hāi* (S, TY, 149) 'В кошельке две гиней'.

Детерминации бытийности путем указания на внутренний мир человека нередко служит сочетание оформленного послелогом *mē* 'в' существительного *man* 'душа' или *hrday* (*dil*) 'сердце' со словом-определением, содержащим ссылку на лицо: *svāśījī ke man mē baṛī-baṛī kāmānē thī* ... (P, N, 39) 'Муж мечтал о многом...' (букв. 'В душе мужа были большие-большие желания...'), *Govindī ke hrday mē ānand kā kampar hūā* (P, G, 199) 'Сердце Говинди затрепетало от радости' (букв. 'В сердце Говинди случился трепет');

(2) компонент, обозначающий лицо, оформляется послелогом *par* 'на', появление которого обусловливается лексическим значением именного компонента предикативной основы — *Mahtābrāu par vajra-pāt hūā* (S, TY, 56) 'Махтабрая [словно] поразила молния';

(3) на месте глагола *honā* как компонента предикативной основы выступают, например, такие глаголы, как *rahnā* 'оставаться', 'сохраняться', *paṛnā* 'падать', 'случаться', 'происходить', *ānā* 'приходить', 'возникать', 'появляться', 'наступать', *lagnā* 'прикладываться', 'приставать', 'восприниматься', 'ощущаться', *calnā* 'идти', 'двигаться', *bannā* 'делаться', 'становиться', каждому из которых свойственно в той или иной степени (глаголу *rahnā* — в минимальной степени) оказываться взаимосвязанным с лексическим значением именного компонента предикативной основы (в крайнем случае с определенным именем существительным), чему соответствует и разное оформление имени, обозначающего лицо, а именно:

(a) N-ko с глаголами *rahnā*, *paṛnā*, *ānā*, *lagnā*, *calnā* — ... *do-tīn dīn use khāne-pīne kī bhī sudh na rahī* (Y, Dd, 183) '...на протяжении нескольких дней ему было не до еды и питья', *unhī dīnō mujhe satācārptra paṛhne kā caskā paṛā* (KC,

G, 5) 'В те же дни я пристрастился к чтению газет', *Nirmalā ko unpar garā bhī dayā nahī ātī* (P, N, 178) 'Нирмала не испытывает к нему ни малейшего сострадания', *Nasīruddīn Haider ko sacmīc pyās lag rahī thī* (AN, S, 419) 'Насируддин Хайдар и в самом деле изнывал от жажды', *...jahā hamāre mīlne kā patā kisī ko na cal sake* (Sa, K, 75) '...где никто не сможет узнать о нашей встрече';

(б) N-kā с глаголами *parṇā*, *ānā*, *lagnā* — *islie kisī kī āge āne kī himmat na parī* (P, G, 127) 'Поэтому никто не отважился приблизиться', *ek dīn lālā Paṭeśvarī Prasād kī śmat ā gaī* (P, G, 270) 'Однажды с почтенным Патешвари Прасадом стряслась беда', *ghar ke kām-kāj mē uskā jī na lagtā* (BLK, 206) 'К домашним делам у него душа не лежала';

(в) N-se с глаголами *calnā* и *bannā* (*ban parṇā*) — *muhal-ke ke choṭe bassō se bhī kām cal saktā hai* 'Эта работа может быть выполнена маленькими детьми квартала' [66, с.228], *...jaise mujhī se uske prati koī aparādh ban parā ho* (MR, A, 199) '...будто я в чем-то провинился перед ним'³²;

(г) N-ke с глаголами *ānā* и *lagnā* — *mere dūdh ā gayā* (P, G, 283) 'У меня появилось молоко', *...lekin us ke ek bhī golī nahī lagī* ... (Sa, K, 71) '...но ни одна пуля в нее не попала...' (в подобного рода предложениях компонент N-ke выступает как альтернант компонента N-ko);

В данной связи заслуживают также внимания предложения с обозначающим лицо компонентом N-par и глаголами:

(а) *parṇā* — *betē par unke sāhitya-prem kā amit prabhāv parā* (MR, A, *āvāraṇ-pṛṣṭha*) 'На сына его любовь к литературе произвела неизгладимое впечатление';

(б) *ānā* — *...Vābhavya par koī vipatti nahī āyegī* (HD, B, 101) '...Вабхавью не постигнет никакая беда'.

(4) при выражении отношения посессивности имя субъекта обладания оформляется при помощи послелога *ke yahā* или *ke hā* 'у', 'при', выступающего на месте:

(а) послелога *ke pās*, например, *rājā ke yahā bahut sundar bagīcā thā* ... (AY-1, 28) 'У раджи был прекрасный сад ...', *Candanpur ke rājā Sumant ke yahā Aravind Bhaṭṭa nāmak ek mantrī thā* ("Candāmāmā", 1975, N-1, 29) 'У Суманта, раджи Чанданпура, был министр по имени Аравинд Бхатта', *jīthānī ke yahā kīsī cīs kī kamī nahī thī* (AY-2, 21) 'Жена старшего деверя ни в чем не нуждалась' [ср. с последним из примеров следующее предложение: *uske pās kīsī prakār kī koī kamī na thī* ... (RA, 86) 'Он ни в чем не нуждался'];

³² Ср. предложения с предшествующим глаголу *bannā* имперфективным причастием глагола, обозначающего действие, субъект которого выражен через N-se, например: *patnī se lāj ke māre kuch kahte na banā* (JK, K, 8) 'Жена от смущения ничего не могла сказать', *...usse bolte bhī nahī ban par rahā thā* (Y, VD, 525) '...она была не в силах даже говорить'.

(6) послелого *ke*, например, *uske yahā koī santān na thī* (S, TY, 216) 'Детей у него не было' [ср. следующее предложение: *us ke koī santān na thī* (AY-2,45) 'Детей у него не было'];

(5) оформление имени, обозначающего лицо, послелогом *ke* (а также *ke yahā* или *ke hā*) сопутствует указанию на факт рождения ребенка (детей) — *Lallan ke larkā huā* (NK, 1961, VI, 31) 'У Лаллан родился мальчик', *bahut yājñā aur tap karne ke bād uske ek larkī huī* (SV-2, 24) 'После многих жертвоприношений и долгого покаяния у него родилась девочка' [см. также: *Rājkumārī ke yahā kanyā kā janma huā* (AP, D, 75) 'У Раджумари родилась девочка'];

(6) посессивное отношение (в частности, отношение между частью и целым) выражается при использовании послелога-транспозитора *kā* (*kā*, *kī*, *kē*) вне связи с указанием на лицо — *pratyek rājñītik pārtī kī śākhā hai yahā* (R, PP, 27) 'Каждая политическая партия имеет здесь свое отделение', *har deś kī kalā tathā sanskr̥ti kā ek apnā svabhāv hotā hai* (KC, G, 164) 'Искусство и культура каждой страны имеют свой [неповторимый] характер', *is aśiṣṭatā kī bhī koī had hai* (P, G, 236) 'Есть же предел этому нахальству';

(7) на месте обозначающего лицо компонента *N-ko* выступает компонент *N-ke*, например, *netā ke romānc ho āyā* (U, SK, 97) 'Вождя обуюло исступление' [ср. следующее предложение: *uttejñā se hamē kṣaṇ-kṣaṇ bhar romānc ho rahā thā* (AKJ, 105) 'От волнения мы трепетали всем телом', где *hamē* = *ham ko*];

(8) именно с наличием компонента *N-ko* (преже *N-ke*) в качестве имени субъекта состояния бывает взаимосвязано понимание предикативной основы (и относящихся к ее компонентам слов) как передающей характер самого состояния, например, *is ke bād se rājā ko kahānī sunne kā śauk khatm ho gayā* (JY, 16.I.1977, 6) 'С этого времени у раджи пропало всякое желание слушать сказку', *ek-ek kṣaṇ Rājārām ko pahār ho rahā thā* (Y, Dd, 244) 'Каждое мгновение казалось Раджараму мучительно долгим', *use halkā-halkā pasīnā chūṭtā...* (Y, Dd, 21) 'Она постоянно покрывалась легкой испариной...' [см. также предложение с компонентом *N-ke*: ... *tab un ke pasīnā chūṭne lagā* (BC, C, 21) '...тогда он начал покрываться потом'].

См. в этой связи также предложения с причастными оборотами, сообщающие об истечении какого-либо периода времени, с которым соотносится действие, выраженное глаголом в форме причастия: *Gobar ko yahā rahte sāl bhar ho gayā* (P, G, 204) 'Прошел целый год, как Гобар живет здесь', ... *aur mis Pāl ko vahā āye kā mahīne ho cuke the* (PL, 135) '...а с тем пор как туда приехала мисс Пал, прошло уже несколько месяцев', *is choṭe-se hīl-ṣṭeśān par rahte āj use arsā ho gayā ...* (PL, 89) 'Вот уже долгое время она живет на этой маленькой горноклиматической станции...', *lekin Sohan ko sārī rāt khāste guzarī* (P, N, 151) 'Но Сохан кашлял всю ночь'.

В них обозначенное компонентом *N-ko* лицо, соответствующее субъекту действия, выраженного глаголом в форме причастия, предстает

одновременно и как субъект состояния, вытекающего из соотносительности данного действия с определенным периодом времени. Однако они представляют собой лишь частный случай более общего явления — характеристики субстанции путем ссылки на ее "временные координаты", о чем может свидетельствовать следующее предложение (того же строения), в котором нет указания на лицо: *is ghaṭṇā ko hie cār dīn bīt gaye* (AN, S, 150) 'Минуло четыре дня с того времени, как произошло это событие' [см. также предложение без причастного оборота: *is ghaṭṇā ko do sapṭāh bīt gaye* (S, P, 28) 'Минули две недели после этого события'].

Заслуживают внимания и предложения с имперфективным причастием, предшествующим финитной форме глагола *banṇā* 'делаться', 'становиться', в которых использованием компонента N-ko (на месте обычного N-*se*) в качестве имени субъекта действия, выраженного глаголом в форме причастия, достигается передача значения вынужденности как состояния, характеризующего лицо: *burhīyā ko vaṇṇā ve hatte hī banā* 'Старухе пришлось убраться оттуда' [63, с.265], *kāzī ko yaḥī hukm dete banā* [98, с.511] 'Судья был вынужден вынести именно этот приговор'.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНО-СВЯЗОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В глагольно-связочных предложениях предикативный центр состоит из связочного глагола, призванного актуализировать в плане категорий наклонения и времени представление о непроцессуальном (нединамическом) признаке, и присвязочного члена (предикатива), содержащего указание на данный признак, относимый к предмету. Имя (или его субститут), которым выражается этот предмет, выступает в форме прямого падежа и участвует совместно с предикативным центром в образовании структурно-грамматического каркаса соответствующих предложений, выполняя при этом синтаксическую функцию подлежащего, соотносительного со сказуемым — предикативным центром. Таким образом, структурно-грамматический каркас глагольно-связочных предложений оказывается равным их предикативной основе (сочетанию подлежащего со сказуемым).

Присвязочный член, лексическое значение или лексическое значение и форма которого обуславливают содержание непроцессуального признака, относимого к денотату имени-подлежащего, выражается знаменательным словом, не относящимся к классу глаголов, или же (в определенных случаях) нефинитной формой глагола (причастием, инфинитивом, глагольным прилагательным), а также предикативной единицей, выступающей в качестве придаточной части (придаточного предложения) сложноподчиненного предложения.

Сказуемое (=предикативный центр) глагольно-связочных предложений традиционно называется составным именным сказуемым. Поскольку в нем раскрывается тот или иной признак, оно семантически является квалифициативным

[77, с.38], или, иначе говоря, детерминирующим, по отношению к тому, что обозначается подлежащим³³. Подлежащее же наделяется соответственно функциональным значением детерминируемого члена, или субъекта-детермината (а не субъекта действия, как это имеет место в собственно глагольных предложениях, реализующих активно-субъектную, активно-объектную и активно-нейтральную конструкции, и не объекта действия, как это имеет место в собственно глагольных предложениях, реализующих инактивно-объектную конструкцию)³⁴.

Конситуативной нейтральности глагольно-связочных предложений отвечает следующий порядок слов — элементов их структурно-грамматического каркаса: *Ndt-Q-Cor.*, где *Ndt* — имя субъекта-детермината, выступающее в синтаксической функции подлежащего; *Q* — присвязочный член (предикатив), представляющий собой "семантически значимую часть" [77, с.38] сказуемого; *Cor.* — входящий в состав сказуемого связочный глагол.

Для глагольно-связочных предложений характерно согласование сказуемого с подлежащим по роду и в формах числа. Оно обеспечивается свойственными компонентам сказуемого формами словоизменения. Вместе с тем оно сближает в конструктивном отношении глагольно-связочные предложения с собственно глагольными предложениями, реализующими активно-субъектную и инактивно-объектную конструкции.

Предложения с глаголом-связкой *honā* 'быть'

Из связочных глаголов наиболее типичным и употребительным является *honā* 'быть', 'становиться', выступающий в качестве связки бытия, а также (в случае принятия им предельной или комплетивной формы и в перфектных формах, в особенности в форме прошедшего аористического времени) и становления. Использование глагола *honā* в связочной функции не сопряжено с привнесением дополнительных смысловых оттенков в сказуемое.

В предложениях с глаголом-связкой *honā* максимально проявляются возможности различной манифестации присвязочного члена (имеется в виду его принадлежность к той

³³ Иногда [см., например, 14, с.205] подобная детерминация трактуется как установление тождества между двумя именными членами, т.е. как идентификация, выходящая за рамки фиксации формального равенства между референтами именных членов.

³⁴ О понятии субъект-детерминат см. работу Д.Д.Вороной [18, с.75], где данный тип субъекта противопоставляется другим, в том числе субъекту-агенту, которому мы ставим в соответствие имя субъекта действия, выраженного глаголом, и субъекту-пациенту, находящему соответствие в имени объекта действия, выступающем в функции подлежащего.

или иной части речи, а также его оформление) и возможности передачи различных видов детерминации.

В таких предложениях, в частности, присвязочный член (предикатив) бывает представлен:

(а) именем существительным в форме прямого падежа — *māi magadh ka nivāsī hū* (HD, B, 42) 'Я житель Магадхи', *merā nām Prabalsinh hai* (S, TY, 253) 'Мое имя — Прабальсинх';

(б) именем прилагательным — *dhōtī naī thī* (UB, S, 53) 'Дхоти было новое', *pānī bahut thāṇḍā thā* ... (S, TY, 156) 'Вода была очень холодной ...';

(в) числительным без послелога и с послелогом — *ham chah hāi* (Y, VD, 506) 'Нас шестеро', *temperacar 101 thā* (NK, 1961, VI, 27) '... температура была 101 [градус]', *avasthā bhī pasās se ūpar thī* (S, TY, 3) 'Ему уже было свыше пятидесяти лет' (букв. 'Возраст также свыше пятидесяти был');

(г) существительным в форме косвенного падежа с послелогом-транспозитором *kā*, за которым может следовать частица *sā*, привносящая оттенок уподобления, — *yahī daśā Śādīrām kī thī* (S, TY, 173) 'Как раз в таком состоянии и находился Шадирам' (букв. 'Именно такое состояние Шадирама было'), ... *parantu merā nām bangālīnō kā sā hai* (S, TY, 76) '... но мое имя такое же, как у бенгальских женщин';

(д) герундиальным инфинитивом в форме косвенного падежа с послелогом-транспозитором *kā* — *to tumhārā irādā Śankarlāl ko bhī katī karne kā thā?* (BC, C, 51) 'Значит, твоё намерение было убить и Шанкарлала?';

(е) существительным в форме косвенного падежа с находящимся в постпозиции послеложным транспозитором (< частицей или относительным местоимением), привносящим оттенок уподобления или сравнения, — ... *par svadhāv bālākō-sā hai* (P, N, 78) '...но характер [у Мансарамы] еще ребяческий', *Hirāman kī jībh* ... *lakṛī jaisī ho gaī thī* (PL, 41) 'Язык у Хирамана... словно одеревенел (букв. '...дерево какое стал > ...как какое-то дерево стал)';

(ж) местоимением — *yahī daśā merī thī* (S, TY, 92) 'Как раз в таком состоянии я и находилась' (букв. 'Именно такое состояние мое было'), *Anūpsinh — par tumhārā sardār kaun hai?* (*Zorāvarsinh kā talvār liye hue praveś*). *sipāhī — hamāre sardār ye hāi* (S, TY, 270) 'Анупсинх: "Кто же ваш командир?" (Входит Зораварсинх с мечом в руке). Воин: "Вот наш командир"';

(з) инфинитивом (герундиальным) в форме прямого падежа — *yah to merī chātī par mūg dalnā hai* (P, N, 45) 'Это значит подвергать меня мучениям (букв. толочь маш на моей груди)', *dekho Rāmlāl! hamārā kām netāō kā kahṇā mānnā hai* (G, DR, 31) 'Смотри, Рамлал! Наше дело слушаться руководителей';

(и) перфективным причастием (как сложным, так и простым) от непереходных глаголов (как правило, таких, которые могут характеризоваться значением изменения состояния или положения в пространстве) — *un par bārāh kapre...*

...*ṭāge hue the* (AY-1, 13) 'На них (колышках. — В.Л.) висели... двенадцать одежек', *dūsrī taraf cārpāi par Dukhmo-
can kā bistar bichā thā* (N, D, 148) 'По другую сторону на кровати была расстелена постель Дукхмочана';

(к) адъективно использованным (т.е. выступающим в со-
гласуемой с подлежащим форме) перфективным причастием
(как сложным, так и простым) от переходных глаголов (на-
пример, *likhnā* 'писать', *rakhnā* 'класть', 'ставить' и
др.) — *lifāfe par uskā nām aur hoṣṭal kā patā likhā huā thā* (PL,
116) 'На конверте были написаны ее имя и адрес', ... *do
ṣṭīyā rakhī thī* (N, D, 34) '...стояли (букв. поставлен-
ные были) два флакона';

(л) выступающим в нейтральной форме на -е перфектив-
ным причастием (как сложным, так и простым) от переход-
ных глаголов — *vah krīm rang kī pūrī bāhō kī unī jaikeṭ pahne
hue thī* (PL, 108) 'Она была в шерстяном жакете кремового
цвета с длинными рукавами' (букв. 'Она была надевшей/
надевши...жакет...') > 'Она была с надетым на нее жакет-
ом...'), *hāth mē vah ek thailā liye thī* (PL, 128) 'В руке
она держала сумку' (букв. 'В руке она сумку взявшей/
взявши была');

(м) образованным от переходных глаголов сложным пер-
фективным причастием, в котором первый компонент стоит
в нейтральной форме на -е, а второй — в согласуемой фор-
ме (редко встречающийся случай), — *us śrngār-sadan mē bijlī
kī anek choṭṭ-barī, harī battiyā cādnī-sā māyā-may jāl pasāre huī
thī* (U, SK, 117) 'Многочисленные зеленые лампочки разного
размера создавали в этом будуаре иллюзию лунного света
(букв....были распростершие иллюзорную сеть вроде лунно-
го света)', *striyā tarangāyit upāntvālī lāl śāṭikāe pahne huī
thī* ... (HD, B, 140) 'Женщины были облачены в красные са-
ри с волнистой оторочкой...';

(н) глагольным прилагательным — *Motīrām akelā din mē derh
ser āṭā khānevālā thā, uskī patnī Sundarī bhī khūb khānevālī
thī* (G, DR, 35) 'Мотирам один съедал (букв. был съедав-
ший) за день полтора сера муки. Его жена, Сундари, тоже
любила поесть (букв. была хорошо евшая)';

(о) наречием — ... *vah merī kavītā se koṣō dūr hai* (S, TY,
186) '...она чужда моей поэзии (букв. ... от моей поэзии
на многие косы далеко 'есть')';

(п) существительным в форме косвенного падежа с пос-
лелогом (в случае локальной детерминации послелог может
отсутствовать) — *parantu māi dūsrī hī cintā mē thā* (HD, B,
217) 'Но я был поглощен совсем другими мыслями', *hamārā
kāṁ ghar ke andar hai* (S, TY, 247) 'Наше дело — занимать-
ся домашним хозяйством' (букв. 'Наше дело внутри дома
есть');

(р) придаточным предложением (придаточной частью
сложноподчиненного предложения) — *merā dṛṣṭh sankalp hai
ki arne gharvālō ke sāmne hāth na phailāṅgā* ... (P, M-4,
58) 'Я твердо решил, что не обращусь с протянутой рукой
к своим домашним...' (букв. 'Мое твердое решение есть,
что ...').

В предложениях с глаголом-связкой *honā* на основе смыслового соотношения между сказуемым (вместе с распространяющими его словами, если таковые имеются) и подлежащим (группой подлежащего) получают выражение следующие основные виды детерминации:

(1) квалитативная (качественной характеристики) детерминация — *dhotī naī thī* (UB, S, 53) 'Дхоти было новое', *keval vah mujh jitnī sundar nahī hai* (G, DR, 150) 'Только она не такая красивая, как я';

(2) детерминация включения;

(2.1) фиксирующая включение одного класса предметов в другой — *medhak ek varṭibret hai* (VL, 1960, X, 9) 'Лягушка — позвоночное животное', *bhāūrā lābhdayī kīxō mē se ek hai* (VL, 1961, II, 13) 'Шмель — одно из полезных насекомых';

(2.2) фиксирующая отнесение определенного предмета (определенных предметов) к некоей совокупности — *magar is samay māī sipāhī hū ...* (S, TY, 274) 'Но в настоящее время я являюсь воином...', *Barsovā kisī samay ek baṛā bandargāh thā* (UB, S, 10) 'Барсова был когда-то крупным портом'³⁵;

(3) детерминация тождества, или идентификация, — ... *yah mahānubhāv śrī Gaṇendranāth Nāgpāl hai* (KC, G, 152) '... этот почтенный человек — господин Ганендранатх Нагпал', *māī andhī hū — mere kān hī merī ākhē hāī* (S, TY, 75) 'Я слепа [и поэтому] именно мои уши — это мои глаза';

(4) квантитативная детерминация — *uskā māsik vetan keval paccīs rupaye thā ...* (S, TY, 18) 'Его месячное жалованье составляло (букв. было) только двадцать пять рупий', ... *sab se choṭī kiṣṭ kā samudrī ghoṛā ek inc lambā hotā hai ...* (VL, 1960, IX, 12) '...морской конек самого мелкого вида бывает длиной в один дюйм...';

(5) детерминация принадлежности — *saṛak sarkār kī hai, kisī ke bāp kī nahī hai* (P, G, 140) '[Эта] дорога казенная (букв. правительства), а не какого-то частного лица (букв. не чьего-либо отца)', *moṭar trak unke param mitra Ba-caīrām kā thā ...* (BC, C, 25) 'Грузовик принадлежал его лучшему другу — Бачаираму (букв. был его лучшего друга)';

(6) локативная детерминация — *iśārā Mahtābrāy kī or thā* (S, TY, 42) 'Кивок был в сторону Махтабрая', *Khannā ke choṭe baccho ko pālne kā bhār bhī Māltī par hai* (P, G, 323) 'Даже бремя по воспитанию маленьких детей Кханны лежит (букв. есть-находится) на Малти'³⁶;

(7) статальная детерминация (детерминация состояния);

³⁵ Детерминацией включения охватываются случаи выражения того, что Э.Бенвенист [14, с.205] определяет как "включение класса в класс" и "принадлежность к совокупности", а Дж.Лайонз [42, с.412] — как "включение в класс" и "принадлежность к классу".

³⁶ См. также такое предложение: *pāṭhśālā gāv ke bāhar Gangā ke kināre thī* (UB, L, 15) 'Школа была за деревней на берегу Ганга'. Оно демонстрирует близость определенного круга глагольно-связочных предложений, отличающихся локальной детерминацией, собственно глагольным бытийным предложениям. В последних при условии их конситутивной нейтральности начальную позицию занимает детерминант, фик-

(7.1) фиксирующая внутреннее (психическое, эмоциональное, умственное, связанное с восприятием или ощущением) состояние лица (лиц) — *parantu māi dūsrī hī cintā mē thā* (HD, B, 217) 'Но я был поглощен совсем другими мыслями', *riāyā taklīf mē hai* (AN, S, 246) 'Подданные страдают (букв. пребывают в страдании)' ³⁷;

(7.2) фиксирующая результативное состояние, т.е. состояние, являющееся результатом совершения действия;

(7.2.1) фиксирующая состояние лица — субъекта действия — [... *rāt ke das baj gaye the*], *mūṣṭijī āj kahī dāvat khāne gaye hue the* (P, N, 89) '[...пробило десять часов вечера]. Мунши [Тотарам] был [букв. был ушедший] где-то в гостях';

(7.2.2) фиксирующая состояние субъекта — аналога объекта такого действия, которое подлежало бы выражению переходным глаголом, — *us par do pījre tāge hue hāī* (AY-1, 25) 'На нем (баньяне) висят две клетки' (ср. глагол *tāgnā* 'висеть', 'принимать висящее положение', с одной стороны, и *tāgānā* и *tāgnā* 'подвешивать' — с другой);

(7.2.3) фиксирующая состояние объекта действия — *ṭe-bal par kāṣe ke cār kaṭoriyā rakht huī thī* (N, D, 121) 'На столе стояли (букв. поставленные были) четыре чашки из латуни' ³⁸;

(7.2.4) фиксирующая состояние лица (как правило, субъекта действия), вытекающее из связи данного лица через действие с объектом, — *mīs Pāl us samay pyāzī rang kī salwār-kamīz pahne thī* ... (PL, 157) 'Мисс Пал была теперь в шароварах и рубашке бледно-розового цвета... (была надевшей [надевши шаровары и рубашку] была с надетыми шароварами и рубашкой)';

(8) детерминация интенции — *ek dīn merī mandalī abhijñān śākuntal kā abhinay karnevālī thī* (HD, B, 239) 'Однажды моя труппа собиралась играть "Шакунталу"'.
Во всех приведенных выше примерах, кроме одного [см. с. 44 (PL, 41)], глагол *honā* выступает как связка бытия.

сирующий сферу бытия, а имя-подлежащее обычно характеризуется признаком неопределенности: *gāv ke bāhar Gangā ke kināre [ek] pāṭhṣālā thī* 'За деревней на берегу Ганга была [одна] школа'.

³⁷ Подобные предложения сопоставимы с относящимися к кругу бытийных предложениями, содержащими детерминант N-ko, т.е. с предложениями типа: *Nirmalā ko Kṛṣṇā ke viṣay mē barī cintā ho rahī thī* (P, N, 135) 'Нирмала очень тревожилась из-за Кришны', ... *vaḥā tujhe kyā taklīf thī?* (P, N, 135) '...что тебя там мучило?'.
³⁸ Субъект действия в случае необходимости его обозначения обычно выражается либо предшествующим причастием именем существительным или его местоименным субститутотом в сопровождении послелого-транспозитора *kā*, либо притяжательным местоимением, причем выраженность субъекта служит фактором расширения круга глаголов, причастие от которых занимает место предикатива: *aur yah sab seṭh Mansukhlāl kā kiṃyā huā thā* (KC, G, 113) 'И все это было сделано сетхом Мансукхлалом', ... *ye khīlaune mere hī banāye hue hāī!* (Aj, A, 52) '...эти игрушки мной изготовлены!'.

Следующие примеры иллюстрируют употребление этого глагола в качестве связки становления, что обусловлено его перфективной формой, а также (вне зависимости от признака перфективности/имперфективности) комплетивной или предельной формой (в частности, одной из форм, которой в инфинитиве соответствует *ho cuknā, ho jānā, ho uṭhnā, ho ānā, ho calnā, ho baiṭhnā*): *Naiyar Kanak se sahmat nahī̃ huā* (Y, DB, 107) 'Наяир не согласился (букв. согласным не стал) с Канак', *uske sir ke bāl ādhe se adhik̄ švet ho cuke the* (KC, G, 130) 'Волосы на его голове стали седыми больше чем наполовину', *uskī ākhē gīlī ho gaī* (Sa, K, 53) 'Ее глаза увлажнились (букв. стали влажными)', *ḍarpok prāṇiyō mē satya bhī gūḍā ho jātā hai* (P, G, 228) 'У пугливых существ истина безмолвствует (букв. даже истина немой становится)', *mis Pāl in sanketō se betarah pareṣān ho uṭhī thī ...* (PL, 131) 'Мисс Пал приходила от этих намеков в сильное замешательство... (букв. чрезвычайно обеспокоенной становилась)', *merā cehrā lāl ho ḍuā* (RY, S, 110) 'Мое лицо покраснело (букв. красным стало)', *havā tez ho calī thī* (PL, 108) 'Ветер усилился (букв. резким стал)', *magar Horī kī daṣṣā dekhkar cup ho baiṭhā* (P, G, 273) '...но увидев, в каком положении находится Хори, он (Мангру) замолк (букв. безмолвным стал)'.

Семантические различия, существующие между простыми, с одной стороны, и аналитическими, с другой стороны, формами презенса и имперфекта глагола *honā*³⁹, имеют, разумеется, место и при употреблении данного глагола в качестве связки: *māi ne kahā, "tumhāre dāt bahut acche hāi"*. *Anand bolā, "hindiyō ke dāt bahut acche hote hāi* (KC, H, 65) 'У вас очень хорошие зубы', — проговорил я. 'У индийцев вообще зубы очень хорошие', — сказал Ананд'.

Глагольно-связочные предложения с глаголом-связкой *honā* могут служить хорошим примером их семантического сближения с собственно глагольными предложениями, реализующими инактивно-объектную конструкцию (а также и инактивно-нейтральную конструкцию в ее объектном варианте), под влиянием семантики присвязочного члена (предикатива) — входящего в класс прилагательных санскритского или новосанскритского, а также — что ярче проявляется в урду — и арабского причастного образования, наделенного значением пассива: *iṣī choṛe mahārāj 'e ghar mē ... ek atyant sādhvī rāj Kumārī apnī icchā ke viruddha ābaddha hai*

³⁹ Если первые служат для выражения состояния, то вторые — для констатации события; если первые передают значение однократности, то вторые — значение многократности (неоднократности, повторяемости); если первые указывают на нечто единичное, частное, то вторые — на массовое, общее; если употреблением первых достигается категоричность высказывания, то вторые оставляют в высказывании место для оттенка неопределенности или неуверенности; если при употреблении первых высказывание базируется на непосредственном восприятии или наблюдении, то при употреблении вторых — на опосредствованном восприятии [114, с. 59–64, 97–104, 131; 99, с. 107; 109, с. 124].

(HD, B, 19) 'В доме этого же мелкого махараджи ... заточена против своей воли чрезвычайно благочестивая принцесса', *māi āścarya aur autsūkyā ye abhibhūt ho gayā* (HD, B, 189) 'Мной овладели изумление и любопытство' (букв. 'Я изумлением и любопытством повержен стал'), *panoḍyatō ke panc janatā dvārā nirvācit hōge* ... (G, DR, 195) 'Члены советов будут избраны народом...', ... *kāzī* ... *kānūn ke pās jāne ko majbūr huā thā* (BG, S, 258) '...судья ...был вынужден следовать закону'.

Присвязочный член, представленный отглагольным образованием, имеющим значение актива, содействует семантическому сближению глагольно-связочных предложений с предложениями, реализующими активно-субъектную конструкцию: *yah jugnī kī camak nīrās hrdayō ke lie kaisī jīvandāyīnī, kaisī hrdayhārīnī hotī hai!* (S, TY, 178) 'Каким живительным, каким чарующим бывает для отчаявшихся сердец это сияние светлячка!' (*jīvandāyīnī* букв. 'жизнь дарующий' в форме женского рода, *hrdayhārīnī* букв. 'сердце берущий' в форме женского рода — сложные слова татсама, в которых первый компонент указывает на объект действия, раскрываемого семантикой второго, т.е. собственно отглагольного компонента; см. санскритские глагольные корни *dā-* 'давать', *hr-* 'брать').

Встречаются случаи нарушения согласования связки *honā* с подлежащим в пользу ее согласования с присвязочным членом — существительным, отличающимся по роду и/или числу от существительного-подлежащего или, чем обуславливается регулярность отмеченного нарушения, противопоставляемому — герундиальному инфинитиву, например, *yah patra śarāb kī āśerī botal thī* (S, TY, 186) 'Это письмо было [по силе воздействия на меня как будто] второй бутылкой вина', *ab ādhī rāt mē kīvāṛ khulvānā bhī ek samasyā hogī* (RY, S, 90) 'Теперь даже заставлять [кого-либо] открывать среди ночи дверь станет проблемой', *phīr is rūpvatī kāmīnī kā unse ghrnā karmā ko āścarya kī bāt na thī* (P, N, 73) 'И не было ничего удивительного в том, что эта красавица питала к нему отвращение'⁴⁰.

Глаголы в функции связки

Использование в качестве связки свойственно в большей мере также глаголу *rahnā* 'оставаться', 'сохраняться', 'пребывать'. Выступая как связка бытия, он (в отличие от глагола-связки *honā*) привносит в значение сказуемого такой семантический оттенок, как сохранение признака или длительное пребывание в определенном состоянии, причем

⁴⁰ Вопросу о согласовании связочного глагола с предикативом уделил значительное внимание Кishоридас Ваджпейи [137, с.362—366]. На нем же останавливается В.А.Чернышев [77, с.57—58]. См. также [98, с.447].

такое его функционирование распространяется и на его перфективные формы, включая перфективные формы компле- тивного образования (*rah cuknā*). Присвязочный же член ска- зуемого бывает обычно представлен прилагательным, про- стым перфективным причастием (от непереходного глагола — согласуемым, от переходного глагола — в нейтральной фор- ме на -e), наречием, существительным, например: *mufassil ke skūlō mē jagah aksar khālīrahtī thī* (P, N, 81) 'В загород- ных школах место оставалось часто свободным', *vah dīn bhar unhī vicārō mē dūbā rahā* (P, N, 103) 'Целый день он был погружен (букв. оставался/пребывал погружившийся) в эти думы', *larḳā śarmā kar āīth kar mūh jhukāyeraḳā* (Y, DB, 180) 'Мальчик из-за смущения и стеснения не поднял головы (букв. остался/оставался наклонившим/наклонивши лицо)', *pahle to vah mujh se dūr rahā ...* (KC, G, 149) 'Сначала он держался поодаль от меня...', *māi jīvan bhar bhūkh kā śikār ra- hā hī ...* (KC, G, 70) 'Я всю свою жизнь являюсь жертвой голода...', *Karīmuddīn militārī mē ardaly rah cukā thā ...* (PL, 97) 'В армии Каримуддин отслужил вестовым...'.

Однако в своей предельной форме, которая в инфинити- ве имеет вид *rah jānā*, глагол *rahnā* проявляет себя как связ- ка становления, указывающая на устойчивый характер при- обретаемого признака, обозначенного присвязочной частью сказуемого: *larḳā cup rah gayā* (JK, S, 104) 'Мальчик замол- чал (букв. безмолвным [став], остался)', ... *Nirmalā akele baīthī rah gaī* (P, N, 28) '... Нирмала осталась сидеть одна', *vah kāīmārī-sī jahā kī tahā kharī rah gaī* (U, SK, 24) 'Она встала (букв. стоящей [став], осталась) как вкопанная', *ab ronā hī ek kām rah gayā* (P, N, 204) 'Теперь ей оставалось только плакать' (букв. 'Теперь лишь плач занятием остал- ся').

В качестве связочных используется еще целый ряд гла- говлов, а именно:

1) *banṇā* 'делаться', 'становиться', выступающий как типичная связка становления, — *ab āp dūlhan banēgī!* (P, N, 28) 'Теперь вы станете невестой!', *uskī yah anuprat chavī unke hṛday kā sūl ban gaī* (P, N, 73) 'Эта ее бесподобная кра- сота обернулась для его сердца болью';

2) *nikalnā* 'оказываться' — *yah larḳā to barā śaitān nīklā* (P, N, 149) 'Этот мальчик оказался сущим дьяволом', *merā vicār vaceā nīklā* (S, TY, 187) 'Мое мнение оказалось вер- ным';

3) *parṇā* 'становиться' — *śivirvālī jhōṛpṛiā sūnī parī thī ...* (N, D, 167) 'Лагерные лачуги обезлюдели (букв. стали безлюдными)...'⁴¹, ... *dhīre-dhīre bālīkā kā nām Ranjū hī paṛ gayā* (AP, D, 9) '... постепенно за девочкой так и закреп- пилось имя Ранджу' (букв. '... постепенно имя девочки именно Ранджу и стало');

⁴¹ Прилагательное, сочетающееся с *parṇā* как связкой становле- ния, обычно обозначает негативное свойство как результат "падения" или "упадка" (ср. значение глагола *parṇā* при его употреблении в качестве полнозначного глагола — "падать").

4) *ānā* 'становиться' — ... *purānī śervānīyā uske śarīr par bahut dhīlī ātī thī* (MR, A, 27) '...старые шервани становились теперь для него (букв. на его теле) слишком просторными', *māi is zindagī se bezār ā cukā hū* (MR, A, 221) 'Я уже устал (букв. усталым уже стал) от этой жизни';

5) *ṭhaharṇā* 'проявлять себя (в чем-то мнении)', 'прослыть', 'оказываться' — *māi to tumhārī duṣman ṭhaharī* ... (P, N, 179) 'Я, выходит, твой враг...', *lekin ye to parle dar-je ke behayā ṭhahare* (N, BB, 14–15) 'Однако они [судя по всему] оказались отъявленными негодяями';

6) *lagnā* 'казаться', 'восприниматься', 'доводиться' (о родстве) — *Kumārī rūpvatī thī aur dekhne mē pyārī lagtī thī* (AP, D, 47) 'Кумари была красавица и выглядела (букв. на вид казалась) очень милой', ... *merī bātē zahar lagtī hāi* ... (P, N, 63) '...мои слова кажутся тебе неприятными (букв. ядом) ...', *vah merā bhāi lagtā hai* 'Он мне доводится братом';

7) *dikhnā* (*ḍikhnā*) 'казаться', 'выглядеть' — *vah khūb tagrā aur balī dikhātā hai* (U, SK, 15) 'Он выглядит крепким и сильным', *nihsandeh āj māi sansār kā sundartam gadhā ḍikh rāhā thā* (KC, G, 96) 'Теперь я вне всякого сомнения выглядел как самый красивый в мире осел';

8) *jācnā* (*jaenā*) 'казаться', 'представляться' — *Nasīr-ud-dīn ko yah salāh bahut māḳūl jācī* (AN, S, 311) 'Насируддину этот совет представился вполне подходящим', *yah svechā cāritā Rājārām ko ucit na jācī* (Y, Dd, 79) 'Это своеволие не показалось Раджараму уместным';

9) *guzarṇā* 'представляться', 'казаться' — *is samay unkā ānā mujhe bahut nāguvār guzarā* (S, TY, 25) 'Теперь его визит показался мне совсем неуместным';

10) *kahlānā* 'называться', 'зваться' — *uddeśya-rahit kriyā-pad bhāvanāyōya kahlātā hai* (HV, 183) 'Финитный глагол, лишенный подлежащего, называется безличным залогом'.

Дополнительные сведения о глагольно-связочных предложениях

Важными для характеристики глагольно-связочных предложений представляются следующие положения.

1. Наблюдаются случаи, переходные между употреблением того или иного глагола как глагола полнозначного и его употреблением как связки, что ниже иллюстрируется примерами с *rahnā* и *raṭnā*: ... *vah bahut dukhī rahtā thā* (AY-2, 45) '...он жил/оставался в печали (букв. печальный)', *mālakīn to abhī tak behōṣ parī hāi* (Sa, K, 38) 'Хозяйка все еще лежит/находится в обмороке (букв. потерявшая сознание)'. Переходный случай в использовании *honā* демонстрируют, кстати сказать, некоторые из глагольно-связочных предложений, отличающихся локальной детерминацией (см. прим. 36, с. 46).

2. В качестве синонимов глагола *dikhṇā* (*ḍikhṇā*) и отчасти глагола *lagṇā* 'быть приложенным' в связочной функции выступают:

а) сложное глагольное образование *jān paṇṇā* 'чувствовать', 'ощущаться' ('казаться', 'представляться') — *yāh jīvan ab unhē vyārtha-vā jān paṇṇā thā* (P, N, 124) 'Эта жизнь казалась ему теперь бессмысленной';

б) имеющее статус сложного глагола сочетание *dikhāi* (*dikhīāi*) *denā* 'показываться', 'появляться' (>'казаться', 'выглядеть') — *vah mujhe bahut hī sundar aur suñīl dikhāi detī thī* (G, DR, 78) 'Она казалась мне чрезвычайно красивой и доброй';

в) имеющее статус сложного глагола сочетание *na-zar āṇā* 'показываться', 'виднеться' (>'представляться', 'казаться') — *āyad māi unhē bilkul māmlī gadhā nazar āyā hoīgā* (KC, G, 65) 'Я, наверное, показался им самым обыкновенным ослом';

г) сочетание *pratīt honā* 'быть очевидным' (>'казаться', 'представляться') — *un rātō ko mujhe apnī kothrī kī vātāvarāṇ aur bhī rukā huā aur udās pratīt hotā thā* (MR, A, 124) 'В те ночи атмосфера моей комнаты представлялась мне еще более застойной и унылой';

д) сочетание *mālūm honā* 'быть известным' (>'казаться', 'представляться') — *ghoṛe kī cāl unhē itnī mand kabhī na mālūm huī thī* (P, N, 114) 'Еще никогда бег лошади не казался ему таким медленным';

е) сочетание *mālūm denā* (*mālūm paṇṇā*) 'казаться', 'представляться', 'выглядеть' — *gore rang kī, majhole kad kī vāḥ kīṣī bhale gharāne kī mahilā mālūm detī thī* (BC, C, 99) 'Светлокожая, среднего роста, она выглядела женщиной из знатного рода'.

3. Функцию связки, близкой по значению употребляющегося в качестве связочного глаголу *nikalṇā* или *thaharṇā*, берет на себя сочетание *viddha honā* или *sābit honā* 'быть доказанным', 'быть установленным' (>'оказываться'): *in mē se keval 15 cikitsā ke drgṭikoṇ se upayogī viddha hue* (VL, 1960, IV, 38) 'Из них только 15 [видов антибиотиков] оказались полезными с точки зрения медицины', *parantu bād mē yāh amṭān galat sābit huā* (VL, 1961, II, 30) 'Но впоследствии эта гипотеза оказалась ложной'.

4. В составе таких сочетаний, взявших на себя функцию связок, как *pratīt honā*, *mālūm honā*, *viddha honā*, *sābit honā*, их первый компонент играет роль модификатора связки *honā*, осложняя ее добавочным смысловым оттенком.

5. Устойчивый характер сочетаемости того или иного присвязочного члена сказуемого с определенным глаголом-связкой служит фактором, содействующим тому, чтобы все сочетание воспринималось в плане содержания как эквивалент глагола, например: *mai jūd honā* 'наличествовать', *jārī rahṇā* 'продолжаться', *bīmār parṇā* 'заболевать', *acchā lagṇā* 'нравиться', *nāguvār guzarṇā* 'не нравиться', *tang āṇā*

'печалиться', 'уставать' и др.⁴² Однако основанием для отнесения сочетаний такого состава к разряду сложных глаголов могла бы служить невозможность появления слова, занимающего место их первого компонента, в составе атрибутивного или аппозитивного словосочетания, как это имеет место, по-видимому, с *pasand honā* или *pasand ānā* 'нравиться': *tujhe apnā var pasand hai?* (P, N, 140) 'Тебе нравится твой жених?', *miṣṭar Khannā kī nīti mujhe bahut pasand āyī* (P, G, 241) 'Политика господина Кханны мне очень понравилась' (см. грамматическую неотмеченность сочетаний **pasand var*, **pasand nīti*).

6. Семантическими особенностями сказуемого, проявляющимися в валентных свойствах присвязочного члена, обусловливается вхождение в структурную основу глагольно-связочных предложений на правах их компонента, находящегося за пределами структурно-грамматического каркаса, следующих единиц:

а) имени (или местоимения) с коммуникативно-функциональным значением реципиента (N^I-ko) — *Nirmalā ko larkō kā caṭorāpan acchā na lagtā thā* (P, N, 61) 'Нирмале не нравилась расточительность мальчиков', *santān kis ko pyārī nahī hotī?* (P, N, 58) 'Кому не дороги его собственные дети?', ... *tumhē jīvan kī samasta suvidhā prāpta hōgī* (KČ, G, 123) '... тебе будут доступны все жизненные блага';

б) слова (существительного, герундиального инфинитива, местоимения), распространяющего выступающее в качестве присвязочного члена синтаксически относительно прилагательное, — *mere pitā uraṇyāsō ke bahut śaukīn hāī* (S, TY, 76) 'Мой отец — страстный любитель романов', *māī apnā khūn dene ko taiyār hū* (P, N, 123) 'Я готова отдать свою кровь', *har kīśān bandobast ke kāgaz par angūṭhā lagānē ke lie bādhyā thā* (AN, S, 150) 'Каждый крестьянин был обязан приложить палец к документу о землепользовании';

в) имени (местоимения) в синтаксической функции агентивного дополнения — *pancāyatō ke pane janatā dvārā nīrvācit hōge* ... (G, DR, 195) 'Члены советов будут избраны народом...', *māī āścarya aur autsukya se abhībhūt ho gayā* (HD, B, 189) 'Мной овладели изумление и любопытство'.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ И ОБЪЕКТНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ С ОСЛОЖНЕННЫМ ПРЕДИКАТИВНЫМ ЦЕНТРОМ

Как собственно глагольные предложения (с финитным глаголом активного залога), так и глагольно-связочные предложения (как правило, те из них, в которых фиксируется результативное состояние) могут служить базой таких предложений, в которых предикативный центр оказыва-

⁴² К данному перечню можно, пожалуй, добавить и *khālī jānā* 'ос-
таваться непопавшим (о цели)': *nīśānā khālī gayā* (P, G, 77) 'Слу-
чился промах'.

ется осложненным в результате появления (включения в группу сказуемого) квалификативно-предикативного члена⁴³.

В первом случае наличие совмещение черт собственно глагольных предложений и глагольно-связочных предложений, проявляющееся в том, что квалификативно-предикативный член раскрывает признак субъекта действия и в этом смысле играет роль своеобразного предикатива при полнозначном глаголе, обозначающем данное действие: *māi ... āp ke deś mē bhūkhā mar rahā hū* (Aj, A, 117) 'Я... в вашей стране умираю от голода (букв. голодный/голодным)', *tū bādāh ke sāmne nangā bhāgā jā rahā hai* 'Ты же голый бежишь перед падишахом' [77, с.81], *māi daftar se bahut thakā huā āyā thā* (MR, A, 318) 'Я пришел из конторы очень усталый', *kahār to āj dhūde nahī milte* (P, N, 50) 'Слуг нынче днем с огнем не сыскать' (букв. 'Слуги нынче найденные/найденными не встречаются'), *hiranō kā ek jhūnd cartā huā nazar āyā* (P, G, 77) 'Показалось стадо пасущихся антилоп' (букв. 'Антилоп одно стадо пасущееся/пасущимся появилось'), *kamre mē āp akeli sotī hāi?* (JK, K, 85) 'Вы спите в комнате одна?'

Во втором случае наблюдается вторичная детерминация субъекта-детермината, дополняющая информацию о данном субъекте, содержащуюся в предикативе: *magar paṇḍitjī bidā hone ko taiyār baiṭhe the* (P, N, 52) 'Но пандит сидел (букв. севший/севшим был) готовым откланяться', *cauthī or, dīvār kī chāyā mē, ek śahtīr zamīn mē garā huā kharā thā* (Aj, A, 101) 'С четвертой стороны в тени, отбрасываемой стеной, был (букв. стоящий/стоящим был) воткнут в землю шест', *yuvak saukī par ghutne samēte hue baiṭhā thā* (Aj, A, 126) 'Юноша сидел (букв. севший/севшим был) с сомкнутыми коленями на табурете', *uske sirhāne ke pās ek khulī huī pustak ulṭī rakhī thī* ... (PL, 136) 'У ее изголовья лежала (букв. положенная/положенной была) обложкой кверху раскрытая книга...'

В обоих случаях квалификативно-предикативный член содержит характеристику субъекта (в одном случае субъекта действия, в другом — субъекта-детермината) и, таким образом, занимает в предикативном центре при сказуемом место субъекто-квалифицирующего компонента. Поэтому те предложения, в которых он выступает, могут быть интерпретированы как *предложения субъектной квалификации*.

В языке хинди бытуют предложения, в которых с именем прямого объекта (или его субститутотом) связывается квалификативным отношением слово, обязанное своим появлением валентности глагола как представителя определенного круга глаголов⁴⁴.

⁴³ Ср. термин "квалитативно-предикативный член" и соответствующее понятие, выработанное на материале языка панджаби [59, с.421—425].

⁴⁴ По сути дела, это те глаголы, которые В.А.Чернышевым трактуются как способные выступать в качестве глаголов неполной предикации переходные глаголы [77, с.83—87]. В монографии О.Г.Ульцифе-

Слово, наделенное функцией квалифицировать то, что бывает выражено именем прямого объекта (или его субститутом), можно с полным правом считать особым компонентом глагола (членом окружения глагола, обусловленным валентностью последнего), а именно *объекто-квалифицирующим* (или просто — квалифицирующим) *комплементом*, который, однако, на уровне предложенческих связей слов выступает, проявляя черты предикатива глагольно-связочных предложений, как квалификативно-предикативный член, подводимый под лингвистическое понятие объектно-предикативного члена.

Расхождения между учеными в связи с трактовкой той грамматической единицы, которая у нас названа объекто-квалифицирующим компонентом, отмечают О.Г. Ульциферовым [67, с.83–84]. Сам Ульциферов предпочитает термин "квалифицирующий расширитель (комплемент)" [67, с.80] и использует его для обозначения компонента не только при глаголах, "обладающих в определенных лексико-синтаксических позициях информативной недостаточностью" [67, с.80], но также и при "некоторых глаголах, не отличающихся информативной недостаточностью" [67, с.81], т.е. для обозначения и такого компонента, устранение которого из предложения ведет к нарушению грамматической правильности последнего или (если считаться с возможностью признать предложение грамматически правильным) к иному истолкованию семантики глагола, и такого компонента, устранение которого из предложения не нарушает грамматической правильности последнего, а сказывается только на объеме передаваемой информации. Ср., с одной стороны, *Surajñā ne apne ko nirdoṣ batlāyā* 'Сураджна назвал себя невиновным' [67, с.86] и *māī āp ko marā huā samajhtā thā* 'Я считал вас погибшим' [67, с.82] и, с другой стороны, *māī ne unhē kabhī dukhī nahī dekhā* 'Я никогда не видел ее печальной' [67, с.86] с учетом того, что, во-первых, *Surajñā ne apne ko batlāyā* характеризуется грамматической неправильностью (ср. *Сураджна провозгласил себя' или *Сураджна сообщил себе'), во-вторых, что *māī āp ko samajhtā thā* может быть грамматически правильным только в смысле "Я вас понимал" (ср. *Я считал вас'), в-третьих, что *māī ne unhē kabhī nahī dekhā* безоговорочно принадлежит к грамматически правильным предложениям, передавая смысл "Я никогда не видел ее".

Объекто-квалифицирующий (или просто — квалифицирующий) комплемент, взятый в нашем понимании, наличествует только в первых двух из приведенных предложений (это слова *nirdoṣ* и *marā huā*, а отнюдь не *dukhī* третьего предложения). Учитывая же ту возможность появления квалифицирующего компонента, которую демонстрирует третье из предложений, мы считаем целесообразным разграничивать объекто-квал-

рова они были названы посредственно переходными и были охарактеризованы как требующие "для раскрытия своего действия двух объектов — прямого, указывающего на объект действия, и квалифицирующего, являющегося объектно-предикативным членом" [66, с.47]. Камтапрасад Гуру и Дуничанд пользуются термином "неполно-переходные глаголы" *apūrṇa sakarmak kriyāḥ* [98, с.127; 95, с.118].

лифицирующий (или просто — квалифицирующий) комплемент и объекто-квалифицирующее (или просто — квалифицирующее) расширение (расширитель) как две основные разновидности того, что на предложенческом уровне предстает в качестве квалификативно-предикативного члена, с которым соотносимо понятие объектно-предикативного (в отличие от субъектно-предикативного) члена, выработанное для языкознания преимущественно в англистике [11, с.81–82 ; 12, с.375–383; 29, с.281–282; 58, с.251–252].

Таким образом, наш объекто-квалифицирующий комплемент соответствует "предикативному определению" В.А.Чернышева, но только такому, которое выступает при переходных "глаголах неполной предикации" [77, с.83–87], а также (с глаголами этого же круга) "именному члену" (*nāmik ang*) "составного глагольно-именного сказуемого второго вида" (*dvitīya prakār kā vanyukta kriyā-nāmikvidhey*) З.М.Дышница [92, с.61; 25, с.116–117], "комплементу" (*vidhey-pūrak*) Дуничанда [95, с.265, 267–268, 272–273, 275–276], "объектному восполнителю" (*karma-pūrṭti*) или просто "восполнителю" (*pūrṭti*) Камтапрасада Туру [98, с.515, 523]. В связи с этим интересно также отметить, что у индийских лингвистов термин "комплемент" (*vidhey-pūrak*), или "восполнитель" (*pūrṭti*), служит и для обозначения присвязочного члена (предикатива) сказуемого.

Принцип, положенный нами в основу разграничения объекто-квалифицирующего комплемента и объекто-квалифицирующего расширения, отнюдь не ставит под сомнение возможность существования переходных случаев.

Круг глаголов, сочетающихся с объекто-квалифицирующим комплементом, уже с достаточной полнотой выявлен в опубликованных исследованиях по хинди [77, с.83–87; 67, с.80]. В него входят, в частности, такие глаголы, как:

- 1) *karnā* 'делать (что-то)' ~ 'делать(кем-то, чем-то, каким-то)'⁴⁵;
- 2) *kahnā* 'говорить' ~ 'называть (кем-то, каким-то)';
- 3) *ginnā* 'считать', 'высчитывать' ~ 'считать (кем-то, чем-то, каким-то)';
- 4) *cunnā* 'собирать', 'выбирать', 'отбирать' ~ 'избирать (кем-то, в качестве кого-то)';
- 5) *jānnā* 'знать' ~ 'считать', 'признавать (каким-то, кем-то, чем-то)';
- 6) *thahrānā* 'устанавливать' ~ 'определять', 'квалифицировать', 'признавать';
- 7) *pānā* 'получать' ~ 'заставать, обнаруживать (каким-то, в качестве кого-то)';
- 8) *pukārnā* 'кричать', 'звать' ~ 'называть', 'величать' (как синоним глагола *kahnā*);
- 9) *batānā* (*batlānā*) 'говорить', 'сообщать', 'объяснять' ~ 'называть, объявлять (кем-то, чем-то, каким-то)';
- 10) *badhā* 'устанавливать', '[пред/определять', 'держат пари' ~ 'предлагать, выдвигать, прочить (в качестве кого-то)';
- 11) *banānā* 'делать', 'создавать', 'строить' ~ 'делать (каким-то, чем-то, кем-то)';
- 12) *bolnā* 'говорить', ~ 'называть', 'величать', 'кликать' (как синоним глагола *kahnā*);
- 13) *mānnā* 'признавать', 'уважать',

⁴⁵ Здесь и ниже перевод глагола, приводимый после знака "тильда" (~), увязан со значением, которое приобретает глаголом в случае его сочетания с объекто-квалифицирующим комплементом.

'почитать' ~ 'считать', почитать (в качестве кого-то, чего-то, какого-то)'; 14) *rakṇā* 'ставить', 'класть', 'хранить' ~ 'содержать (в качестве кого-то)', 'принимать на службу (в качестве кого-то)', 'сохранять (каким-то)'; 15) *vatajñā* 'понимать', 'разуметь' ~ 'считать (кем-то, чем-то, каким-то)', 'принимать (за кого-то, что-то, какого-то)'.

К данному перечню простых глаголов примыкают сложные глаголы *svīkār karnā* 'признавать', 'принимать', *anubhav karnā* 'чувствовать себя (каким-то, кем-то)', *karār denā* 'устанавливать', 'решать' ~ 'принимать', 'допускать', 'считать', а также глагольно-именные сочетания, трактуемые О.Г.Ульциферовым как глагольные монолиты [67, с.89], типа *svīkṛt karnā* 'признавать', 'принимать', *mahsūs karnā* 'чувствовать себя (каким-то, кем-то)', *ghosīt karnā* 'объявлять', 'провозглашать', *prasiddha karnā* 'объявлять', 'возвещать', *siddha karnā* 'изображать', 'квалифицировать', *niyat karnā* 'утверждать', 'назначать', *niyukta karnā* 'назначать', *nirvācit karnā* 'избирать', первый компонент которых именно под воздействием объекто-квалифицирующего компонента низводится до положения модификатора глагола *karnā*⁴⁶.

Объекто-квалифицирующий компонент может входить в качестве единицы структурной основы в предложения, реализующие любую из тех пяти конструкций, которым свойственно воплощать структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений, а именно:

(а) активно-субъектную конструкцию — *donō mistar Gāulz ko atyanta sundar samajhtī thī* (КС, G, 106) 'Обе [они] считали мистера Гоулса чрезвычайно красивым', ... *[āp] ṭikaṭ kā dām sau rupayā rakhte hāi* (КС, G, 165) '... [Вы] берете сто рупий за билет' (букв. '...цену билета сто рупий устанавливаете');

(б) активно-объектную конструкцию — *kārīḍor mē pahūkar Vinod ne apnī cāl dhīmī kar dī* (Са, K, 116) 'Войдя в коридор, Винод замедлил шаг (букв. ... свой ход медленным сделал)', *musalmānō ne phir sampūrṇa deś kā nām "hind" rakh liyā* (KDV, 9) 'Мусульмане снова назвали всю страну "Хинд" (букв. ...имя страны "Хинд" положили)';

(в) активно-нейтральную конструкцию — *Surajnā ne apne ko nirdos batlāyā* (JK, S, 17) 'Сураджна назвал себя невиновным', ... *unhō ne burhiyā ko acet nahī, marā huā pāyā* (VV, M, 61) '...они застали старуху не потерявшей сознание, а уже мертвой';

⁴⁶ Воздействие объекто-квалифицирующего компонента на семантику глагола становится весьма ощутимым в случаях окказионального употребления последнего. См., например: *Harirāy jī ne Surdās ko "sagun batāibe mē oatur" likhā hai* (PNT, 55) 'Харирай охарактеризовал Сурдаса как [мудреца] "искусного в толковании предназначений"', где *likhā* выступает не просто в значении "писать", а приобретает смысл "характеризовать письменно", "описывать".

(г) инактивно-объектную конструкцию — *is vijñāpti mē Gandhī jī kī avasthā bahut cintājanak batāyī gaī thī* (Y, DB, 208) 'В этом заявлении состояние Ганди было названо вызывающим серьезные опасения', *pacāṣ-sāth rupaye kamānevālā manigya rājā samjhā jātā thā* (S, TY, 158) 'Человек, зарабатывающий пятьдесят-шестьдесят рупий, считался уже настоящим богачом (букв. раджей)';

(д) инактивно-нейтральную конструкцию — ... *is deś ke rahnevālō ko bhāratīya hī kahā jātā thā* (G, DR, 33) '... жителей этой страны индийцами называли', *āj uske man rahne par use aparādhinī thahrāyā jā rahā hai* (P, N, 193) 'Теперь из-за того, что она хранила молчание, ее признают виновной'.

В предложениях, реализующих три первые конструкции, комплемент входит в состав группы сказуемого вместе с именем прямого объекта действия. В предложениях, реализующих инактивно-объектную конструкцию, он включается в группу сказуемого, соотнесенного на синтагматической оси с подлежащим — именем объекта действия. В предложениях, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, он, как и имя прямого объекта, входит в группу единого главного члена, представленного финитным глаголом.

При всем многообразии способов выражения объекто-квалифицирующего комплемента⁴⁷, который в конситуативно-нейтральных предложениях непосредственно предшествует глаголу, наиболее типичны и представительны с точки зрения отражения специфики рассматриваемого явления те случаи, когда объекто-квалифицирующий комплемент бывает представлен именем существительным в форме прямого падежа, прилагательным, причастием.

Объекто-квалифицирующий комплемент, представленный словом, имеющим адъективную парадигму словоизменения, согласуется с именем прямого объекта при условии, если это имя выступает в форме прямого падежа: *ālasī aur kāyur manigya apne kartavya se apnī jān adhik pyārī samajhte hāī* 'Ленивые и трусливые считают свою жизнь дороже своего долга' [77, с.88–89], *kārīdor mē pahūckar Vinod ne apnī cāl dhīmī kar dī* (Sa, K, 116) 'Войдя в коридор, Винод замедлил шаг', *unhē coṭ khāstī āī batāte hāī* (JK, K, 57) 'Сообщают, что она сильно ушиблась' (букв. 'Ей удар хороший пришедшимся сообщают'), ... *vah sāvāt 1561 (san 1504) kī likhī kahī gayī hai* (PNT, 43) '...он (экземпляр книги. — В.Л.) датируется (букв. объявлен написанным) 1561 годом эры Викрамадиты (1504 годом)';

⁴⁷ По данному вопросу см., в частности, работу О.Г.Ульцифрова [67, с.81–88], где отмечается встречаемость того или иного способа выражения комплемента с тем или иным глаголом. В принципе же можно ожидать, что объекто-квалифицирующему комплементу не противопоставлен ни один из тех способов выражения, которыми характеризуется присвязочный член (предикатив) глагольно-связочных предложений.

Если же имя прямого объекта выступает в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что может касаться только местоимений, в форме объектного падежа, то в оформлении объекто-квалифицирующего комплемента, представленного словом, имеющим адъективную парадигму, открываются три возможности:

1) комплемент принимает нейтральную форму на *-ā - tā-*
rī ke naṣe mē ādmī moṭar-gārī ko bhī sastā samajhtā hai 'Напившись тари, человек даже автомашину считает дешевой' [77, с.89], [*Nirmalā*] *unke bacō ko apnā samjhegī* (P, N, 58) '[Нирмала] его детей будет считать своими', ...*unhō ne burhīyā ko acet nahī, marā huā pāyā* (VV, M, 61) '...они застали старуху не потерявшей сознание, а уже мертвой', ...*māno us-ko nagar ke dvār par khaṭā kar diyā gayā hai* ... (P, G, 358) '... словно его выставили [напоказ] у городских ворот...';

2) комплемент принимает форму, согласуемую в роде (практически женском) с именем прямого объекта, — *māī*
ne use jangal mē nanhī-sī phēkī huī pāyā thā (U, SA, 109) 'Я нашел ее, крошку, брошенной в лесу [на произвол судьбы]',
tujhe badlī samajhtā hai? 'Меня [ты] изменившейся считаешь?' [67, с.84] в целом данная возможность для причастий более характерна, чем для прилагательных);

3) комплемент принимает нейтральную форму на *-e* (показательны примеры с глаголом *pānā*) — *māī ne ek ... strī ko vahā khaṛe pāyā* [124, с.380] 'Я застал там стоявшей одну ... женщину', *logō ne sāhzāde ko pālne mē āgūthā cūste hue pāyā* 'Люди нашли маленького шаха, сосулого палец в колыбели' [67, с.87]. Сюда же, пожалуй, надлежит отнести и следующий случай с той, однако, оговоркой, что выступающее в качестве подлежащего имя наделено семантическим признаком субъекта действия, выраженного глаголом в форме причастия: ...*lekin koī sakti use roke rakhtī hai* (PL, 94) '... но какая-то сила ее удерживает (букв. держит [хранит остановленной] остановивши)!'.

Для предложений с финитным глаголом активного залога, в которых объекто-квалифицирующий комплемент бывает представлен именем существительным в форме прямого падежа, типичен контраст на синтагматической оси между этой формой и формой косвенного падежа с послелогом *ko* или, что может касаться местоимений, объектного падежа, выделяющей имя прямого объекта: ... *mere bagīce ko svarga kahte hāī* (Nn, 1975, XI, 123) '... мой сад называется раем', ... *parantu us samay log itne rupaye ko ek bhārī rakam samajhte the* (S, TY, 159) '... но в то время столько денег люди считали крупной суммой', *idhar Miltī ne apne bāg ke lie Gobar ko mālī rakh liyā thā* (P, G, 336) 'Малти же для своего сада взяла к себе Гобара садовником', *vah ant tak mujhe apnā bhāī mātā rahā* (HD, B, 43) 'Он до самого конца продолжал считать меня своим братом'. Данный контраст проявляется в предложениях, реализующих активно-субъектную и активно-нейтральную конструкции. С активно-объектной конструкцией он несовместим.

Следует, однако, принять во внимание, что данным контрастом, как показывает помещенный ниже пример, не исключается полностью возможность согласования финитного глагола в перфективной форме с именем — объекто-квалифицирующим компонентом: *parantu seṣan kortṇe ne usko kāfī vajah nahī mānī ...* (G, DR, 304) '... но сессонный суд не счел это достаточным основанием...'. Так, на месте предложения, которое реализовало бы активно-нейтральную конструкцию, возникает предложение, реализующее конструкцию, которую можно условно назвать *активно-комплементной*.

При отсутствии указанного контраста, связанном с одиновым оформлением обоих имен, а именно с их постановкой в форме прямого падежа, следует различать два случая:

1) имя, непосредственно предшествующее глаголу, предстает в качестве объекто-квалифицирующего компонента — *tum ne zamṭn sonā banā diyā ...* (P, M-7, 207)⁴⁸ 'Ты сделал землю золотом ...', причем факт согласования финитного глагола с этим именем (см. *sonā* 'золото' — существительное мужского рода, тогда как *zamṭn* 'земля' относится к существительным женского рода) служит основанием считать соответствующее предложение реализующим активно-комплементную конструкцию (см. выше), в общем-то языку хинди не свойственную;

2) соответствующее имя является именем объекта, но таким, расположение которого непосредственно перед глаголом служит его логическому выделению, нарушающему конституативную нейтральность предложения, — *Pākistān ne apnī rāṣṭrabhāṣā urdū ghoṣit kar dī ...* (KDV, 95) 'Своим национальным языком Пакистан провозгласил урду ...'⁴⁹ [ср. *...prāntīya sarkār ne hindī ko prānt kī rājbhāṣā ... ghoṣit kar diyā* (KDV, 97) '...провинциальное правительство провозгласило хинди официальным языком провинции...'].

Эти две возможности находят соответствие в предложениях с финитным глаголом инактивного залога, что иллюстрируется следующими предложениями:

1) *yuktaprānt kī sarkārī bhāṣā hindī aur lipi nāgarī ghoṣit honā ek krānti samjhī gāī thī ...* (KDV, 101) 'Провозглашение официальным языком Соединенных провинций [языка] хинди и письмом [письма] нагари было воспринято как революция...', где факт согласования финитного глагола с объекто-квалифицирующим компонентом (см. *krāntī* 'революция' — существительное женского рода) говорит о том,

⁴⁸ См. аналогичный пример, извлеченный из того же текста О.Г. Ульциферовым [66; с.214; 67, с.81].

⁴⁹ Не исключен и другой путь трактовки именных членов таких предложений. Он заключается в том, чтобы логическое выделение имени (в приведенном примере *urdū*) в предглагольной позиции принимать за признак, которым конституируется объекто-квалифицирующий компонент.

что соответствующее предложение реализует конструкцию, которую можно условно назвать *инактивно-комплементной*⁵⁰;

2) *yuktaprānt mē bilō aur kānūnō kī mūlbhāṣā hindī kar dī gaī hai* ... (KDV, 165) 'В Соединенных провинциях основным языком законопроектов и законов сделан хинди...'.
Своеобразие объекто-квалифицирующего компонента состоит в том, что он, будучи в окружении глагола одним из членов, обязанных своим появлением глагольной валентности, не является компонентом сказуемого или (в случае инактивно-нейтральной конструкции) единого главного члена, но в качестве выразителя квалифициативного отношения принадлежит предикативному центру, объединяясь в рамках последнего с финитным глаголом.

Однако к предложениям, в которых предикативный центр не сводим к сказуемому или единому главному члену, должны быть отнесены и такие предложения, в которых в качестве квалифициативно-предикативного члена выступает единица, не являющаяся релевантной для обеспечения завершенности синтаксической конструкции, т.е. объекто-квалифицирующее расширение (см. с.56): *us ne Rāj Kumārī ko bahut prasanna dekhā* (AP, D, 117) 'Он увидел Раджумари очень довольной', *Dukhmochan ne Nityabābū ko abhī uṣī tarah sotā chor diyā* (N, D, 133) 'Дукхмочан оставил Нитьябабу все еще так же спящим', *yaḥā par māī ne bahut-se logō ko bheṛ kī khāl ke bālō ke kapṛe pahne hue dekhā hai* (KC, G, 15) 'Здесь я увидел многих людей носящими одежду из овечьей шерсти', *unhō ne ek śakhs ko corī karte pakṛā hai* [123, с.79] 'Они поймали одного человека, когда он совершал кражу'.

Таким образом, объекто-квалифицирующий компонент и объекто-квалифицирующее расширение осложняют предикативный центр предложений, которые можно назвать *предложениями объектной квалификации* в отличие от предложений субъектной квалификации, упомянутых выше.

⁵⁰ По своему строению такие предложения напоминают глагольно-связочные предложения, в которых связка согласуется с присвязочным членом, или предикативом (см. с.49).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С АСПЕКТУАЛЬНО
И МОДАЛЬНО ДЕТЕРМИНИРОВАННЫМИ
ПРЕДИКАТИВНЫМИ ЦЕНТРАМИ

Осложнение предикативного центра бывает связанным с передачей аспектуальных и модальных значений. Оно проявляется в сочетании одной из нефинитных форм или основы глагола, несущего основную нагрузку по приписыванию признака референту именного компонента предложения, с финитной формой глаголов или глагольно-именных сочетаний — маркеров аспектуального и/или модального значения.

Та часть осложненного предикативного центра, которая представляет собой или включает инфинитив или же деепричастие либо основу глагола, семантически и по числу своих компонентов соотносится:

(а) со сказуемым собственно глагольных предложений — *tab se māi ne jhūle-hīdole par baiṭhnā hī choṛ diyā* (B, D, 153) 'С тех пор садиться на качели я перестала' (ср. *māi jhūle-hīdole par baiṭhti hū* 'Я сажусь на качели'), *donō botāl kholkār śarāb pīne lage* (UB, S, 128) 'Открыв бутылку, оба принялись пить вино' (ср. *donō śarāb pī rahe the* 'Оба пили вино'), *lekin Jamnā bāt ek bhī bāt na kah sakī* (NK, 1961, VIII, 25) 'Но Джамна-баи не смогла вымолвить ни единого слова' (ср. *Jamnā bāt ne ek bāt kahī* 'Джамна-баи вымолвила слово');

(б) со сказуемым глагольно-связочных предложений — *ab māi ne lajjit honā choṛ diyā thā ...* (KC, G, 98) '...теперь я перестал смущаться (букв. быть смущенный/смущенным)...' (ср. *māi lajjit thā* 'Я был смущен'), *mere bāl kapṛāṭiyō ke pās se safed hone lage the ...* (MR, A, 11–12) 'Мои волосы уже начали седеть (букв. быть белые/белыми) от висков...' (ср. *mere bāl safed hue the* 'Мои волосы уже поседели'), *svayam Dhanīyā anek bār prayatna kar bhī is kārya mē saphal na ho pātī thī* (AN, S, 374) 'Сама Дхания не сумела преуспеть в этом деле, несмотря на все свои неоднократные попытки' (ср. *Dhanīyā saphal huī thī* букв. 'Дхания преуспевшей стала');

(в) с предикативным центром предложений объектной квалификации — *vah Rukmīṇī Devī ko kisī bhī hālat mē akelā choṛnā nahī cāhtā thā* (Sa, K, 41) 'Он ни при каких обстоятельствах не хотел оставлять Рукмини Деву одну' (ср. *vah*

Rukmiṇī Devī ko akelā ehor detā thā 'Он оставлял Рукмини Деви одну', а также *Rukmiṇī Devī akelī ṇiklī* 'Рукмини Деви оказалась одна'), *vah apne hī priya putra ko śatru samajhne lage...* (P, N, 85) 'Своего же любимого сына он стал считать врагом...' (ср. *vah apne putra ko śatru samajhtā thā* 'Он считал своего сына врагом', а также *us ko putra śatru pratit hotā thā* 'Ему сын казался врагом'), ... *vah ek praśna ko dūse se alag bhī nahī kar pātī thī* (Aj, A, 136) '...ей не удавалось даже разделить один вопрос от другого' [ср. *vah ek praśna ko dūse se alag bhī nahī kartī thī* 'Она даже не отделяла (букв. не делала отдельный/отдельным) один вопрос от другого', а также *ek praśna dūse se alag nahī thā* 'Один вопрос не был изолирован от другого'];

(г) с предикативным центром предложений субъектной квалификации — *tuṃjhe akelā hī jāne do* [124, с. 381] 'Отпустите меня одного' или, что близко к буквальному переводу, 'Дайте мне уйти одному' (ср. *māi akelā gayā* 'Я ушел один', а также *māi akelā thā* 'Я был один').

Таким образом, не только содержание предикативного центра, равного по объему сказуемому собственно глагольных и глагольно-связочных предложений, представляет собой ту семантическую основу, на которую "наслаиваются" в ходе усложнения предикативного центра — дополнительные значения, связанные с характеристикой действия или квалификативного отношения. Такой семантической основой может быть и содержание предикативного центра, уже осложненного квалификативно-предикативным членом (объекто-квалифицирующим или субъекто-квалифицирующим), и в этом случае передача соответствующих дополнительных значений влечет за собой дальнейшее осложнение предикативного центра.

Ниже приводятся предложения с осложненным предикативным центром, различия в строении которого установлены с учетом, во-первых, того, чем (какой нефинитной формой, если не самой основой) представлен компонент, несущий основную семантическую нагрузку и соотносимый с финитным глаголом — компонентом предикативного центра, принимаемого за исходный, и, во-вторых, того, каким глаголом (или глагольно-именным сочетанием) представлен компонент, чье появление в финитной форме вслед за нефинитной формой или основой вносит дополнительное (отсутствующее у предикативного центра, принимаемого за исходный) значение, связанное с аспектуальной и/или модальной характеристикой действия или квалификативного отношения.

Для хинди типичны предложения, в которых осложненный предикативный центр имеет вид:

(1) инфинитив + располагающий признаком переходности (и агентивности) компонент (глагол или глагольно-именное сочетание) с фазисным значением, указывающий на начальную, конечную или промежуточную стадию протекания действия, а именно, *śurū karnā* и *ārambh (prārambh) karnā* 'начинать', *choṛnā* 'оставлять', 'прекращать', *band karnā* 'кон-

чать', 'прекращать', *khatam (khatm) karnā* 'кончать', 'пре-
кращать', *jārī rakhnā* 'продолжать'.

(1.1) с герундивным инфинитивом, следующим за именем
объекта действия, стоящим в форме прямого падежа;

(1.1.1) с перфективной формой финитного глагола, пред-
писывающей выполняющему функцию подлежащего имени субъ-
екта принятие послеложно-падежной формы на *ne*, — *dūre dīn*
prātaḥkāḷ gāv ke kaī ādmīyō ne ūkh kāṭnī śurū kī (P, G, 187)
'Утром следующего дня некоторые жители деревни начали
убирать сахарный тростник', ... *us ne ... ek hāth se patri-*
kā ke panne palāṭne śurū kar die ... (PL, 17) '... он...
одной рукой начал перелистывать страницы журнала...', ...
apnī hī cīntā karnī us ne choṛ dī thī (P, N, 96) '... о се-
бе же она перестала проявлять беспокойство', *māī ne yaḥ*
kitāb parhnī khatm kar dī hai 'Я кончил читать эту кни-
гу' [92; с.58], ... *us ne arzī denī band kar dī* (BG, S,
552) '...он перестал подавать заявление';

(1.1.2) с формой финитного глагола, не являющейся
перфективной, когда для подлежащего — имени субъекта
характерна форма прямого падежа, — ... *phīr hat āp ko var-*
hal banāne ke sādhan jūtāne ārambh kar dēge (G, DR, 235)
'... тогда мы начнем предоставлять вам средства, обес-
печивающие ваш успех', *māī ek ciṭṭhī likhnī śurū kartā hū*
[124, с.313] 'Я начинаю писать это письмо', *aīse asambhav*
sarpe dekhne vah kyō na choṛ de? (NK, 1962, II, 57) 'Почему
он не изобавится от таких невероятных сновидений?';

(1.2) с герундиальным инфинитивом;

(1.2.1) при отсутствии имени объекта в форме прямо-
го падежа (имя объекта или вообще отсутствует вследст-
вие интранзитивности представленного инфинитивом глаго-
ла либо вследствие нереализованности переходным глаго-
лом своей прямообъектной валентности, или же выступает
в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо, что мо-
жет касаться местоимений, в форме объектного падежа);

(1.2.1.1) с перфективной формой финитного глагола,
предписывающей выступающему в функции подлежащего име-
ни субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*, —
kuch logō ne bhāgnā śurū kiya ... (Y, Dd, 29) 'Некоторые
бросились бежать ...', *sab se pahle āp ne sanskr̥t mē likhnā*
ārambh kiya ... (UB, L, āvaran-pr̥stha) 'Сперва он начал пи-
сать на санскрите...', *Darśī ne apne sābar ke beg ko ṭaṭol-*
nā śurū kiya (B, D, 33) 'Дарши начала рыгаться в своей ко-
жаной сумочке (букв. обшаривать свою кожаную сумочку)',
māī ne kāleḥ jānā choṛ diya (Sa, K, 86) 'Я перестал хо-
дить в колледж', ... *usī dīn se naī amṭā ne mājḥ se paṛhnā*
choṛ diya (P, N, 102) '... с того самого раза мачеха пе-
рестала со мной заниматься', ... *baīlō tak ne apne gale kī*
ghaṇṭiyō ko ṭunṭunānā band kar diya thā (JY, 28. XII. 1975,
76) '...даже быки перестали звенеть колокольчиками, при-
вязанными к шее';

(1.2.1.2) с формой финитного глагола, не являющейся
перфективной, — *gānā jāī rakhe* (JK, S, 29) 'Пусть [он]
поет еще', *māī is ciṭṭhī ko likhnā śurū kartā hū* [124, с.313]

'Я начинаю писать это письмо', *likhnā choṛie nahē* (JK, K, 11) 'Пожалуйста, не бросайте писать';

(1.2.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа;

(1.2.2.1) с перфективной формой финитного глагола, предписывающей выполняющему функцию подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*;

(1.2.2.1.1) при отсутствии согласования финитного глагола с именем объекта действия, обозначенного глаголом в форме инфинитива, — ... *Pramadā ne ākhē curānā ārambh kiyā* (S, TY, 229) '... Прамада стала прятать [от него] глаза', *garbhīṇī Durgā ne ab bāt karnā choṛ diyā thā* (UB, S, 123) 'Будучи беременной, Дурга давно уже перестала разговаривать (≅ букв. вести разговор)', *Bhoḷā ne sutī kātā band kar diyā* ... (P, G, 218) 'Бхола перестал сучить веревку...';

(1.2.2.1.2) при согласовании финитного глагола с именем объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, — *bādiyō ne tarah tarah ve uskī badnāmī phailānā šurū kī* (AN, S, 292) 'Служанки начали всячески ее позорить (букв. распространять дурную славу)', *us ne cūlhe kī jalṭī lakṛī uṭhākar Māṇik ke ūpar, tarātar barsānā šurū kar dī* (UB, S, 123) 'Выхватив из очага горящую палку, она стала колотить ею Маника', *phir unhō ne patṭiyā kholnā šurū kī* (NK, 1962, III, 117) 'Затем он начал снимать бинты';

(1.2.2.2) с формой финитного глагола, не являющейся перфективной, — ... *vah cīkhnā-cillānā aur cīṣe toṛnā šurū kar detī hai* ... (MR, A, 141) '... она начинает кричать и ломать вещи...', ... *par larṛī bhūkh kī raṭ lagānā na choṛī thī* (P, N, 197) '... но девочка не переставала просить есть', *kavitā likhnā band kar do* ... (S, TY, 188) 'Прекратите писать стихотворение...';

На основании анализа языкового материала можно, пожалуй, утверждать, что в состав предикативного центра рассмотренных предложений инфинитив включается по-разному:

(а) герундивный инфинитив [см. примеры рубрик (1.1.1), (1.1.2)] входит в состав предикативного центра в качестве своеобразного объекто-квалифицирующего компонента глагола (или глагольно-именного сочетания), чему (в соответствии с традиционным пониманием герундива как "причастия необходимости будущего времени страдательного залога") может отвечать следующая трактовка семантики приведенных ниже в качестве образцов предложений — *Sītā ne citṭhī paṛhnī śurū kī* 'Сита начала читать письмо' = 'Сита начала письмо должествующим быть прочитанным (подлежащим прочтению)', *Sītā citṭhī paṛhnī śurū kartī hai* 'Сита начинает читать письмо' = 'Сита начинает письмо должествующим быть прочитанным (подлежащим прочтению)';

(б) герундиальный инфинитив, предшествующий согласуемому с именем объекта финитному глаголу [см. примеры рубрики (1.2.2.1.2)], входит в состав предикативного центра в минимальной степени "отягощенным" именными признаками и приобретающим поэтому статус компонента составного глагольного сказуемого;

(в) герундиальный инфинитив предложений, не содержащих имени объекта в форме прямого падежа [см. примеры рубрик (1.2.1.1) и (1.2.1.2)], а также предложений, в которых перфективная форма финитного глагола остается не согласованной с выступающим в форме прямого падежа именем объекта [см. примеры рубрики (1.2.2.1.1)], предстает в составе предикативного центра как аналог такого компонента предложения, в котором реализуется прямообъектная валентность финитного глагола [ср. предложения, где прямообъектная валентность соответствующего финитного глагола или глагольно-именного сочетания реализуется в имени существительном — *Lakṣmīdāś ne aṣṭi ghṛī kā vyāpār śurū kiyā thā* ... (NK, 1961, XI, 132) '...Лакшмидас начал торговлю настоящим топленным маслом...', *tum ne 'Irāvātī' mē kām choṛ diyā?* (MR, A, 364) 'Ты бросил работу в [газете] "Иравати"?', ... *muḥ se mel-jol band kar dē* (G, DR, 179) '... прекратите со мной общение'];

(г) герундиальный инфинитив предложений, содержащих имя объекта в форме прямого падежа и не являющийся перфективной формой финитного глагола [см. примеры рубрики (1.2.2.2)], не поддается однозначному толкованию в плане различения отмеченных выше случаев (б) и (в): как компонент предикативного центра он может соответствовать инфинитиву, охарактеризованному в п. (б), и, что представляется более естественным, инфинитиву, упомянутому в п. (в).

Однако было бы ошибочным делать упор на семантических различиях, связанных с разным вхождением инфинитива в состав предикативного центра. Во всех разобранных случаях определяющей для инфинитива является его позиция перед финитной формой глагола (или глагольно-именного сочетания) — индикатора фазы, а для связи инфинитива с именем объекта действия определяющей остается валентность глагола, представляющего в форме инфинитива. Существенный момент, скрадывающий имеющиеся семантические различия, заключается в следующем: когда имя объекта оказывается наделенным граммемами "мужской род" и "единственное число", происходит нивелирование, во-первых, предложений, подпадающих под рубрики (1.1.1), (1.2.2.1.1) и (1.2.2.1.2), и, во-вторых, предложений, подпадающих под рубрики (1.1.2) и (1.2.2.2). Это видно из сравнения двух столбцов помещенных ниже примеров, где использованы такие слова, как существительное мужского рода *yuvak* 'юноша', представленный в форме инфинитива глагол *paṛhnā* 'читать', глагол *śurū karmā* 'начинать' в финитной форме, существительное женского рода *ciṭṭhī* 'письмо' и существительное мужского рода *khat* того же значения:

(1.1.1)	<i>yuvak ne ciṭṭhī paṛhnī śurū kī</i>	<i>yuvak ne khat paṛhnā śurū kiyā</i>

(1.1.2)	<i>yuvak ciṭṭhī paṛhnī śurū kartā hai</i>	<i>yuvak khat paṛhnā śurū kartā hai</i>

(1.2.2.1.1)	<i>yuvak ne ciṭṭhī paṛhnā śurū kiyā</i>	<i>yuvak ne khat paṛhnā śurū kiyā</i>

(1.2.2.1.2)	<i>yuvak ne ciṭṭhī paṛhnā śurū kī</i>	<i>yuvak ne khat paṛhnā śurū kiyā</i>

(1.2.2.2)

yuvak cītṭhī paṛhnā śurū
kartā hai

yuvak khat paṛhnā śurū
kartā hai

Каждый из отмеченных выше видов нивелирования иллюстрирован ниже примером, взятым из оригинального текста: *uṭ kvaṇ mṭṣṭjī ne phir se abhilāṣāo kā bhavan banānā śurū kar diyā* (P, N, 134) 'Мунши [Тотарам] сразу же принялся снова строить воздушные замки', ... *vaḥ moṭe hokar kām karmā band na kar dē* (Y, Dd, 24) '... [чтобы] они, потолстев, не перестали выполнять работу'.

При пересечении граммем "множественное число" — "прямой падеж" формальным показателем вхождения предложений в круг предложений рубрик (1.2.2.1.1) и (1.2.2.2) бывает окончание *-e* существительных мужского рода I типа словоизменения, обозначающих объект действия: *yuvak ne paṛse paṛhnā śurū kiṭā* 'Юноша начал читать листовки' (ср. *yuvak ne paṛcā paṛhnā śurū kiṭā*, где нивелировано различие между предложениями рубрик (1.1.1), (1.2.2.1.1) и (1.2.2.1.2), и *yuvak ne khat paṛhnā śurū kiṭā*, где подобное нивелирование сопровождается применительно к предложениям рубрики (1.2.2.1.1) двусмысленностью в отношении значения числа — "письмо"/"письма"); *yuvak paṛse paṛhnā śurū kartā hai* 'Юноша начинает читать листовки' (ср. *yuvak paṛcā paṛhnā śurū kartā hai*, где нивелировано различие между предложениями рубрик (1.2.2.2) и (1.1.2), и *yuvak khat paṛhnā śurū kartā hai*, где такое же нивелирование сопровождается применительно к предложениям рубрики (1.2.2.2) неясностью в отношении значения числа — "письмо"/"письма").

В тех же случаях, когда имя объекта выражается существительным мужского рода II типа словоизменения, показателем этого же вхождения при том же пересечении граммем могут служить находящиеся в зависимости от имени объекта слова (например, согласуемые прилагательные, числительные): *yuvak ne paṛe khat (do khat) paṛhnā śurū kiṭā* 'Юноша начал читать новые письма (два письма)'; *yuvak paṛe khat (do khat) paṛhnā śurū kartā hai* 'Юноша начинает читать новые письма (два письма)'.

К вышесказанному следует добавить следующие замечания, имеющие более или менее частный характер:

(а) использование предложений, попадающих под рубрику (1.1.2), наблюдается в современном литературном хинди весьма редко; обычными же являются предложения, подлежащие отнесению к рубрике (1.2.2.2);

(б) предложения рубрики (1.2.2.1.2) далеко не столь характерны для хинди, как предложения рубрики (1.1.1) (особенно с финитным глаголом *śurū karmā* или *ārambh karmā*) и рубрики (1.2.2.1.1) (особенно с глагольно-именным сочетанием *band karmā*); см., однако, примеры из произведений С.Х.Манто и Куррат уль-Айн Хайдар на языке урду: *Maḥbūb ghālībaṇ is mē apnī koī pīkear banānā śurū' kī thī* (M, PP, 96) 'Махбуб, по-видимому, начал работать в ней (студии) над одной из своих картин (букв. начал делать картину)', *aur us ne apnī kahānī ... apne maḥsūs andāz mē vinānā śurū' kī* (M, PP, 119)

'И он повел свой рассказ ... в своей оригинальной манере', *mājhīyō ne apnī apnī kiṣṭiyō mē namāz paṛhnā śurū' kar dī* (QH, A, 742)

'Лодочки начали читать намаз на своих лодках', *us ne musalmān qa-um ke muta'alliq phir apnī maḥbūb thiorī dīl mē duhrānā śurū' kar*

ḍṭ (QH, A, 750) 'Он снова начал повторять про себя свою излюбленную историю о мусульманской нации';

(в) в предложениях рубрики (1.2.2.1.2), с одной стороны, и рубрики (1.1.2) — с другой, налицо противоположные принципы использования инфинитива: в одном случае инфинитив остается вне согласования с именем объекта при наличии согласуемого с этим именем финитного глагола, тогда как в другом случае инфинитив оказывается согласованным с именем объекта в условиях, исключающих согласование финитного глагола с именем объекта.

Предложения, подпадающие под рубрики (1.1.2), (1.2.1.2) и (1.2.2.2), воспроизводят активно-субъектную конструкцию, а предложения, подпадающие под остальные четыре рубрики, — активно-объектную конструкцию, причем, если в двух случаях [см. примеры рубрик (1.1.1) и (1.2.2.1.2)] прямообъектная валентность финитного глагола (или глагольно-именного сочетания) реализуется в имени объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, то в других двух случаях [см. примеры рубрик (1.2.1.1) и (1.2.2.1.1)] эту валентность следует считать реализующейся в самом герундиальном инфинитиве.

(2) Инфинитив + глагол *cāhnā* 'хотеть', 'желать';

(2.1) с герундивным инфинитивом, следующим за именем объекта действия, стоящим в форме прямого падежа;

(2.1.1) с перфективной формой глагола *cāhnā*, "предпринявшей выполняющему функцию подлежащего имени субъекта принятия послеложно-падежной формы на *ne*, — *māṭ ne kṣatā māgnī cāhī*. (S, TY, 80) 'Я хотела было попросить прощение...', *pahlē us ne citthiyō ke kuch anś moṛ dene cāhe*, *magar bād mē yaḥ khayāl chor āiyā* (MR, A, 136) 'Сначала она захотела (или хотела было) загнуть некоторые части писем, но потом оставила эту мысль';

(2.1.2) с формой глагола *cāhnā*, не являющейся перфективной, — *māṭ ek citṭhī likhnī cāhtā hū* [124, с.317] 'Я хочу написать письмо';

(2.2) с герундиальным инфинитивом;

(2.2.1) при отсутствии имени объекта в форме прямого падежа;

(2.2.1.1) с перфективной формой глагола *cāhnā*, предпринявшей выступающему в функции подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*, — *Hoṭī ne bhāgnā cāhā* (B, D, 117) 'Холи хотела было бежать', *Nārād jī ne līlā dekhne ke samay ek paricīt ko sāth lenā cāhā* (NK, 1961, VIII, 7) 'Во время представления Нарада хотел было взять с собой одного своего знакомого';

(2.2.1.2) с формой глагола *cāhnā*, не являющейся перфективной, — *ek cehṛā bhūkhī ākhō se uske śarīr ko nigalnā cāh gahā thā* (NK, 1962, I, 29) букв. 'Одно лицо [будто] жаждало поглотить его тело своими глазами', *ham ab gāv laut jānā cāhte the* (BG, S, 411) 'Теперь мы хотели вернуться в деревню';

(2.2.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа;

(2.2.2.1) с перфективной формой глагола *cāhnā*, "предписывающей" выполняющему функцию подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*;

(2.2.2.1.1) при отсутствии согласования финитной формы глагола *cāhnā* с именем объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, — *phir kisī mad-hur vārṇa kā bhāg samajhkar usne apnī ākhē band karnā cāhā...* (NK, 1962, II, 48) 'Затем, приняв это за отрывок какого-то сладкого сновидения, она захотела закрыть глаза...', [*Vi-dyā ne*] *donō hāthō kā sahārā dekar karvaṭ badalvā denā cāhā* (H, G, 6) '[Видья] хотела было своими руками помочь ему (Каруншанкару) перевернуться на другой бок';

(2.2.2.1.2) при согласовании финитной формы глагола *cāhnā* с именем объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом (см. ниже);

(2.2.2.2) с формой глагола *cāhnā*, не являющейся перфективной, — *is thandā mē vah ubaltī huī cāy pīnā cāhtā thā* (NK, 1962, IV, 5) 'В эту стужу он хотел пить горячий чай', *māi ek-do bātē tum se pūchnā cāhtā hū* (G, DR, 179) 'Я хочу задать вам несколько вопросов'.

Сказанное выше (см. с. 65–67) о манифестации предикативного центра в общем справедливо и по отношению к только что рассмотренным предложениям. Здесь также можно говорить об явлении нивелирования предложений разных рубрик. В частности, нивелирование, во-первых, предложений, подпадающих под рубрики (2.1.1), (2.2.2.1.1) и (2.2.2.1.2), и, во-вторых, предложений, подпадающих под рубрики (2.1.2) и (2.2.2.2), иллюстрируется следующими примерами: ... *us ne āge barṅhar andar kā darvāzā kholnā cāhā* ... (BG, S, 98) '... подавшись вперед, он хотел было открыть внутреннюю дверь...', *māi bhī āp se aur is sabhā se ek prāṣṇa pūchnā cāhtā hū* (BG, S, 68) '... и я тоже хочу задать вам и этой аудитории один вопрос'.

Однако в одном случае при подходе к анализу формальной стороны подобных предложений (в частности, в связи с трактовкой инфинитива) следует считаться, во-первых, со сравнительно малой употребительностью в литературном хинди предложений, подпадающих под рубрику (2.2.2.1.1), и, во-вторых, лишь с возможностью появления предложений рубрики (2.2.2.1.2.), возможностью, реализация которой свойственна урду в произведениях ряда авторов (например, С.Х.Манто, Исмаил Чугтаи, Куррат уль-Айн Хайдар), о чем свидетельствуют следующие примеры: *Safqat ne apne Hindūstān kī ābrū becānā cāhī* (M, MA, 35) 'Шафкат захотел вступить за честь своей Индии (букв. захотел защитить честь своей Индии)', *Kakkū ne bandarō se bahut jān chuṛānā cāhī* ... (Cu, 93) 'Какку хотел избавиться (букв. избавить душу) от обезьян...', *Harī Śankar ne tarafdārī karnā cāhī* (QH, A, 438) 'Хари Шанкар пожелал оказать поддержку'. В связи с этим первое из приведенных предложений языка хинди должно быть воспринято, скорее всего, как принадлежащее к предложениям рубрики (2.1.1).

В другом случае следует иметь в виду нетипичность для литературного хинди предложений, принадлежащих к рубрике (2.1.2), в связи с чем становится естественной трактовка второго предложения как подпадающего под рубрику (2.2.2.2).

Характерной особенностью сочетания инфинитива с финитной формой глагола *cāhnā* является способность принимать отрицательную частицу перед своим первым компонентом, т.е. перед инфинитивом, хотя по смыслу выражаемое отрицание соотносится со значением глагола *oāhnā*, а не глагола, представленного в форме инфинитива: *māṭ is citra ko lambā nahī khīcōnā cāhtā* (JK, K, 103) 'Я не собираюсь долго распространяться об этом (букв. рисовать эту картину длинной)', *Bholā usse āśrit bankar na rahnā cāhte the* (P, G, 272) 'Бхола не хотел жить у нее нахлебником', *...māṭ ne kabhī use dhokhe me nahī rakhmā cāhā* (MR, A, 522) '...у меня никогда не возникало желания оставлять ее в заблуждении (букв. введенной в заблуждение)...' [ср. предложения, в которых отрицательная частица стоит после инфинитива непосредственно перед *cāhmā*: *vah kisṭ se milnā-julnā nahī cāhtā thā* (AN, S, 322) 'Он не хотел ни с кем встречаться', *us ne soc me dūbe Keśav ko jagānā na cāhā thā* (NK, 1961, IX, 67) 'Она не хотела нарушить покой погруженного в свои мысли Кешава']. Отмеченную способность принимать отрицательную частицу можно считать наглядным показателем вхождения инфинитива, сочетающегося с финитной формой глагола *cāhmā*, в состав предикативного центра предложений в отличие, с одной стороны, от существительного, выполняющего при этом же глаголе-сказуемом функцию прямого дополнения [см. *miyā se us ne kabhī koṭ cīz nahī cāhī* (BG, S, 205) 'От мужа она никогда не желала какой-либо вещи', *unhō ne bhī bādāsh se isī vakt is jhagṛe kā faislā cāhā* (AN, S, 297) 'Она тоже желала от императора немедленного решения по поводу этого конфликта'] и, с другой стороны, от инфинитива, занимающего позицию прямого дополнения при каком-либо ином переходном глаголе [см. *vah parhnā nahī jāntī* ... (Aj, A, 106) 'Она не умеет читать...' при нарушении грамматической правильности в случае *nahī parhnā jāntī*, *mis Mālī ne dayā karnā na sīkhā thā* (P, G, 60) 'Мисс Малти не знала жалости (букв. не научилась проявлять милосердие)' при нарушении грамматической правильности в случае *na karnā sīkhā thā*].

(3) Инфинитив + располагающий признаком непереходности (и деагентивности) компонент (глагол или глагольно-именное сочетание) с фазисным значением, а именно *śurū honā* и *ārambh honā* 'начинаться', *band honā* и *khatam (khatm) honā* 'кончатся', 'оканчиваться', 'прекращаться';

(3.1) с герундивным инфинитивом — *kuch mahīnō bād hī Keśav par dhūl raṅgī śurū ho gaī* ... (NK, 1962, II, 103) 'Уже спустя несколько месяцев на Кешаве стала оседать пыль...', *is par bhī log ekatrit hone ārambh ho gae the* (G, DR, 46) 'Тем не менее люди уже начали собираться', *ekāek golī calnī band ho gayī* (Aj, A, 37) 'Неожиданно стрельба прекратилась' (см. *golī* 'пуля' — существительное женского рода, *calnā* 'двигаться'), *us dīn se khat āne-jāne khatam hue* 'С того дня переписка прекратилась' [77, с.38], *is vakt khet kaṭne khatm ho jāte hāī* [92, с.58] 'В это время на полях заканчивается уборка урожая' (см. *khet* 'поля', *kaṭnā* эд. 'убираться');

(3.2) с герундиальным инфинитивом — *us sāl bādāl jaldī ghumaṇā śurū ho gae the* (JK, S, 74) 'В том году тучи рано начали застилать небо (букв. кружить)', *...aur manūsyā ke vicār upānē bharne ke sthān par jamnā śurū ho jāte hāī*

(NK, 1962, III, 41) '... и мысли человека начинают цепенеть вместо того, чтобы высоко парить', ...*kṛmatē baḥna śurū ho gaī thī* (JY, 31.I.1977, 1) '... цены начали расти', *us dīn subah hī se aṣṭmī ānā śurū hue* (BG, S, 108) 'В этот день арендаторы стали приходить с самого утра';

(3.3) с инфинитивом, в котором сведено на нет различие между его герундивным и герундиальным употреблением, — *phīr vah bāḡan mere sāṁte kharā honā śurū ho jātā hai...* (A, BP, 17) 'Затем этот баклажан начинает возникать передо мной ...', *Bambāṭ se angrezī mē "Neṣanal franṭ" prakāśit honā śurū huā* ... (JY, 28.XII.1975, 50) '... в Бомбее стала издаваться на английском языке [газета] "Нэшнл франт" ...'.

Рассмотренные предложения отличает согласование фазисного глагола или эквивалентного ему глагольно-именного словосочетания с выступающим в функции подлежащего именем субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом. Они, таким образом, воспроизводят активно-субъектную конструкцию.

Герундивный инфинитив [см. примеры рубрики (3.1)] включается в состав предикативного центра как своего рода кваликативно-предикативный член, а именно как своеобразный субъекто-квалифицирующий компонент, синтаксически связанный с финитным глаголом или глагольно-именным сочетанием, чему (согласно пониманию герундива как причастия необходимости будущего времени) может отвечать истолкование такого, например, предложения, как *khat āne-jāne khatam hue* 'Переписка прекратилась', в смысле 'Письма прекратились долженствующими поступать и отправляться (подлежащими поступлению и отправке)'.

Герундиальный инфинитив [см. примеры рубрики (3.2)], будучи лишенным явных именных признаков, приобретает статус подлинно глагольного компонента составного сказуемого. Кстати сказать, предложения с таким инфинитивом широко представлены в урду, например, *Gaur ke viyāsī hālāt bigaṇā śurū hue* (QH, A, 200) 'Политическое положение Гаура стало ухудшаться', *bāhar daraxtō par bārīś barasnā śurū ho gayī thī* (QH, A, 24) 'Снаружи на деревья начал лить дождь', *lekin jō hī unkī tāj hīlnā band ho jātī* ... (M, PP, 45) 'Но как только его нога переставала двигаться ...'.

Однако для семантики рассмотренных предложений различие в использовании инфинитива является не столь существенным; важнее то обстоятельство, что глагол, выступающий в форме инфинитива, обозначает действие, приписываемое денотату имени-подлежащего.

От рассмотренных предложений конструктивно отличаются при всей их внешней схожести предложения, в которых:

а) не получает выражения имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива (причем непременно герундиального) глаголом, — *Dālmāṇḍī mē ānā-jānā śurū huā* (S, TY, 48) 'Началось посещение [района] Дальманди';

б) субъект действия, обозначенного стоящим в форме (герундиального) инфинитива глаголом, выражается предшествующим инфинитиву именем или местоимением с послелогом-транспозитором *kā* либо притяжательным местоимением, например, *uskā ronā band hī na ho rahā thā* (BG, S, 446) 'Ее плач вовсе не прекращался', *merā dhūmāyit honā band ho gayā hai* ... (HD, B, 254) '... я перестала чадить...';

в) финитный глагол или глагольно-именное сочетание не согласуется с предшествующим инфинитиву и выступающим без какого бы то ни было послелога именем субъекта действия—*ādhī calnā band ho gayā* [110, с.265] 'Ураган перестал бушевать' (см. *ādhī* 'буря', 'ураган', 'вихрь' — существительное женского рода, *calnā* 'двигаться').

Во всех трех случаях инфинитив предстает как заключительный компонент группы подлежащего. В первых двух случаях он, собственно говоря, и является подлежащим, с которым согласуется фазисный глагол или глагольно-именное сочетание в своей финитной форме. [Ср. предложение, где в функции подлежащего выступает имя существительное: *mikaddame kī sunvāyī surī huī* (BG, S, 658) 'Началось слушание дела', *phīr jang khatm ho gāī thī* ... (NK, 1961, XI, 132) 'Затем война окончилась...', *logō kī āvā-jāhī band ho gayī thī* (BG, S, 149) 'Хождение людей прекратилось'.] В третьем случае инфинитив входит в состав выступающего как подлежащее (на месте подлежащего) полупредикативного словосочетания, т.е. сочетания нефинитной глагольной формы (в данном случае инфинитива) с предшествующим ей существительным, причем данное существительное выступает в форме прямого падежа как аналог подлежащего, связанного с финитным глаголом. [Ср. предложение иного состава с подлежащим — полупредикативным словосочетанием: *do-do sītē milnā to bahut hī muškīl hai* (PL, 155) 'Найти же по два [свободных в автобусе] места невероятно трудно' (букв. 'Два-два места найтись невероятно трудно есть'); см. также предложение, где полупредикативное сочетание занимает позиции, отличные от позиции подлежащего: *hṛday mē ādar aur prem honā āp burā nahī samajhtī* (Y, Dd, 220) 'Ведь вы не считаете предосудительным наличие уважения и любви в сердце', *yunivarsiī khulne ke dīn āye* (BG, S, 43) 'Наступили дни открытия университета', ... *jhagre kā mīl kāraṇ musalmānō kā ek rājnītik dal honā hai* ... (G, DR, 77) '... основная причина конфликта — наличие политической партии у мусульман...']

(4) Супинный инфинитив + глагол *lagṇā* 'быть приложенным', 'прикладываться' (>'приниматься', 'начинать'), служащий передаче значения начала действия;

(4.1) с обычным инфинитивом, т.е. инфинитивом как носителем словарного значения глагола, или инфинитивом активного залога, в ходе манифестации активно-субъектной конструкции — ...*motī-motī būdē paṛne lagī* (PL, 159) '...начали падать крупные капли', *is ke bād vah bistar par girkar phūt-phūtkar rone lagī* (KC, G, 125) 'Потом, упав на постель, она зарыдала (≈начала плакать навзрыд)', *vah jaldī-jaldī likhne lagā* (Aj, N, 185) 'Он начал поспешно писать', *bhītar jākar vah kapṛe badalne lagā* (Aj, N, 236) 'Войдя внутрь, он стал переодеваться (букв. менять одежду)';

(4.2) с инактивным инфинитивом, т.е. инфинитивом в форме инактивного залога;

(4.2.1) в составе инактивно-объектной конструкции — *sthān-sthān par jalse kie jāne lage* ... (G, DR, 110) 'Повсеместно стали устраиваться собрания...', *pīknīk kā sā-mān baṭorā jāne lagā* (PL, 119) 'Начался сбор вещей для пикника';

(4.2.2) в составе инактивно-нейтральной конструкции — *use bare-bare gharō mē bulāyā bhī jāne lagā* (Y, Dd, 208) 'Его

даже стали звать в знатные дома', ... *use mahfilō mē utārā jāne lagtā* (AN, S, 281) '...ее начинали отправлять в компании'.

(5) Супинный инфинитив + глагол *pānā* 'получать' ('получать разрешение', 'получать возможность' с оттенком значения "удаваться" или "успевать") в ходе манифестации активно-субъектной конструкции — *vaḥā nau baḥe ke bād koṭ paḥne nahī pātā:..* (P, N, 94) 'Там после девяти часов никому не позволяют заниматься...', *tum uskā mūh bhī nahī dekhne pāye* (P, N, 154) 'Тебе даже не удалось увидеть его лицо', ... *betā, ghar calo, vaḥā tumhē koṭ taklīf na hone pāvegī ...* (P, N, 112) '...вернись, сынок, домой. Там не будет у тебя никаких затруднений...'

(6) Супинный инфинитив + глагол *denā* 'давать' (> 'разрешать', 'позволять', 'предоставлять возможность');

(6.1) с формой активного залога глагола *denā*, перфективной не являющейся, когда для имени (местоимения), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, характерна форма прямого падежа;

(6.1.1) при том условии, что субъект данного действия обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа, — ... *parantu Lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalne detī thī* (S, TY, 2) '... но Ладжаванти не позволяла Хемраджу выходить из дома';

(6.1.2) при условии оформления имени субъекта данного действия прямым падежом, — ... *āj se māi is par tumhārā sūyā bhī na paḥne dūgī* (P, N, 133) '... отныне я не позволю и тени вашей упасть на нее', *aur tum apnā ghar rah jāne doge?* (Aj, A, 85) 'А ты допустишь, чтобы твой дом сохранился (букв. дашь остаться свой дом)?';

(6.2) с перфективной формой активного залога глагола *denā*, "предписывающей" имени (местоимению), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, принятие послеложно-падежной формы на *ne*;

(6.2.1) при условии, что субъект данного действия обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(6.2.1.1) при отсутствии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола (как правило, тогда, когда представленный инфинитивом глагол является непереходным) — ... *parantu putra-sneh ne is cintā ko der tak na ṭaharne diyā* (S, TY, 7) '...но любовь к сыну не позволила этой мысли надолго задержаться [в сознании]', *pahredārō ne use ghusne nahī diyā* (U, SK, 98) 'Стражники не дали ему пройти внутрь', ... *māi ne apne mātā-pitā ko is hālat mē kyō vāpas jāne diyā?* (KC, G, 118) '... поче-

му при таких обстоятельствах я отпустил своих родителей (букв. позволил своим родителям уехать обратно)?', *Naval kī cācī aur Rāmāgar kī mā ne apne gharō ko dhuākhori ke addē nahī banne diyā* (N, D, 55) 'Тетка Наваля и мать Рамсагара не допустили того, чтобы их дома превратились в курильни';

(6.2.1.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола — *Huūbart ne binā kisī virodh ke apne jūte, moze unhē utārne die* (PL, 124) 'Губерт без всякого сопротивления позволил ему (доктору — В.Л.) снять с себя обувь и носки', *pandit jī ne mujhe apnā vākya pūrā nahī karne diyā* (KC, G, 73) 'Пандит не дал мне закончить предложение', *par māī ne vīvek ko bhāvnāō par vijay na rāne dī* (B, D, 68) 'Но я не позволил разуму взять верх над чувствами';

(6.2.2) при условии оформления имени субъекта данного действия прямым падежом — *us ne āsū nahī āne die* (JK, S, 120) 'Он сумел сдержать слезы (букв. не дал выступить слезам)', *us ne kal kī ghaṭnā kā koī ābhās bhī prakaṭ nahī hone diyā* (H, G, 87) 'Он не допустил, чтобы вчерашнее событие как-то дало о себе знать' (букв. 'Он не дал быть явным какое бы то ни было отражение вчерашнего события');

(6.3) с формой инактивного залога глагола *denā*;

(6.3.1) при том условии, что субъект действия, названного стоящим в форме инфинитива глаголом, обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(6.3.1.1) при отсутствии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола — ...; *laṛkiyō aur striyō ko galīyō ke rāste bhī akele nahī āne-jāne diyā jātā thā* (Y, VD, 340) '...девушкам и женщинам не разрешалось ходить одним даже переулками';

(6.3.1.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола — *na to Rānī ko us makān ke bāhar jāne diyā gayā, na hī usko Bhārat mē kisī ko ciṭṭhī likhne dī gāī* (G, DR, 215) 'Рани не было разрешено ни выходить из этого здания, ни писать письма кому-либо в Индию' [первая часть приведенного примера служит также иллюстрацией к рубрике (6.3.1.1)];

(6.3.2) при условии оформления имени субъекта данного действия прямым падежом — *yū to kisī bhī musalmān kī sam-pattī kisī bhī hindū ke pās rahne nahī dī jāegī* (G, DR, 38) 'Просто так не будет дозволено, чтобы имущество кого-либо из мусульман оставалось у какого-либо индуса'.

Финитная форма сочетающегося с супинным инфинитивом глагола *denā*, вступая в синтаксическую связь с именными компонентами предложений, ведет себя по-разному:

а) согласуется с именем (местоимением), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом [см. примеры рубрик (6.1.1) и (6.1.2)];

б) согласуется с именем субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом [см. примеры рубрик (6.2.2) и (6.3.2)];

в) согласуется с именем объекта такого действия [см. примеры рубрик (6.2.1.2) и (6.3.1.2)];

г) принимает нейтральную форму, совпадающую с формой 3-го лица единственного числа мужского рода [см. примеры рубрик (6.2.1.1) и (6.3.1.1)]; такая форма допустима и в рубрике (6.3.1.2)].

В рассмотренных предложениях сочетание "супинный инфинитив + *denā*" обнаруживает в известной мере семантические черты побудительных глаголов. Поэтому то имя (или местоимение), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, оказывается семантически близким имени субъекта действия, обозначаемого побудительным глаголом в какой-либо из его разновидностей (побудительно-объектным, побудительно-адресатным, каузативным).

Имя же субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, соотносимо по смыслу:

а) при условии, что данный глагол лишен прямообъектной направленности, с именем (местоимением), в котором реализуется прямообъектная валентность переходного (в том числе и побудительно-объектного) глагола (ср. *us ne āsū nahī bahne die* — *us ne āsū nahī bahāye*, *lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nikālne detī thī* — *lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nikāltī thī*);

б) при условии, что данный глагол, будучи переходным, имеет при себе имя объекта, с именем (местоимением), в котором реализуется каузативно-объектная или адресатно-объектная валентность соответственно каузативного или адресатно-объектного глагола (ср. *Hyūbart ne apne jūte unhē utārne die* — *Hyūbart ne apne jūte un se utarvāye*, *mā ne apne bacce ko dūdh pīne diyā* — *mā ne apne bacce ko dūdh pi-lāyā*).

Частое употребление таких сочетаний, как *jāne denā*, *āne denā*, *hone denā*, возможно, объясняется отчасти отсутствием в хинди переходных глаголов, производных от *jānā* 'идти', 'уходить', *ānā* 'приходить', 'прибывать', *honā* 'быть', 'становиться'.

Имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, оформляется косвенным падежом с послелогом *ko* или (что касается местоимений) объектным падежом, если оно указывает на лицо. Вместе с тем такое оформление имени субъекта призвано служить (вне зависимости от его лексического значения) созданию контраста на синтагматической оси между этим именем и именем объекта или аналога предикатива, выступающим в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола [см. примеры рубрик (6.2.1.2), где особенно показателен контраст между *vivek ko* и *vi-jay* третьего из примеров, пример рубрики (6.3.1.2), а также последний пример рубрики (6.2.1.1), в котором налицо контраст между *gharō ko* и *udde* в окружении связочного глагола *bannā* 'становиться', 'делаться'].

Сочетание "супинный инфинитив + *denā*" соотносимо также с сочетанием "супинный инфинитив + *pānā*", входящим в состав предложений, иллюстрированных выше примерами рубрики (5). Здесь усматривается своеобразное противопоставление залогового характера, проявляющееся прежде всего в том, что при использовании второго из

сочетаний имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, выступает в функции подлежащего предложений, манифестирующих активно-субъектную конструкцию, тогда как при использовании первого из сочетаний (т.е. сочетания "супинный инфинитив + *denā*") такое имя наделяется в предложениях иной синтаксической функцией в связи с появлением в них (на месте подлежащего) имени (местоимения), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление соответствующего действия (ср. *āsū nahī bahne pāye* — *us ne āsū nahī bahne diē*, *Hemrāj ghar se bāhar na nikalne pātā thā* — *Lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalne detī thī*, *ḍākṭar Hyūbart ke jūte utārne pāye* — *Hyūbart ne apne jūte ḍākṭar ko utārne diē*), и только в одном из случаев с формой инактивного залога глагола *denā* [см. пример рубрики (6.3.2)] имя субъекта действия может выступать в качестве подлежащего (ср. *āsū nahī bahne pāye* — *āsū nahī bahne diye gaye*).

Для других случаев с инактивной формой глагола *denā* [см. примеры рубрик (6.3.1.1) и (6.3.1.2)] характерны такие соотношения: *Hemrāj ghar se bāhar na nikalne pātā thā* — *Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalne diyā jātā thā*, *ḍākṭar Hyūbart ke jūte utārne pāye* — *ḍākṭar ko Hyūbart ke jūte utārne diye gaye*. Здесь компонент *Hemrāj ko* (см. второе предложение первой пары примеров) сочетает черты, с одной стороны, прямого дополнения предложений, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию в ее объектном варианте (ср. *Hemrāj ko ghar se bāhar na nikālā jātā thā*), и, с другой стороны, компонента конструкции, выражающей долженствование (ср. *Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalnā pātā thā*), а компонент *ḍākṭar ko* (см. второе предложение второй пары примеров) — черты, с одной стороны, дополнения адресата предложений, воплощающих инактивно-объектную конструкцию (ср. *ḍākṭar ko Hyūbart ke jūte diye gaye*), и, с другой стороны, компонента конструкции, выражающей долженствование (ср. *ḍākṭar ko Hyūbart ke jūte utārne pāye*).

Оценивая именные компоненты предложений, предикативный центр которых представлен сочетанием "супинный инфинитив + *denā*", с точки зрения выполнения такими компонентами синтаксических функций членов предложения, можно констатировать следующее:

а) имя (местоимение), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, выступает в функции подлежащего предложений с формой активного залога глагола *denā* [см. примеры в рубриках (6.1) и (6.2)];

б) имя объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, может в зависимости от синтаксических условий употребления быть прямым дополнением [см. примеры рубрики (6.2.1.2)] или подлежащим [см. пример рубрики (6.3.1.2)];

в) имя субъекта такого действия, будучи оформлено прямым падежом, выступает в зависимости от синтаксических условий или в функции подлежащего [см. пример рубрики (6.3.2)], или в функции своеобразного второстепенного члена предложения — *агентивно-прямого дополнения* [см. примеры рубрик (6.1.2) и (6.2.2)];

г) имя субъекта такого действия, оформленное косвенным падежом с послелогом *ko* или (что может касаться только местоимений) объектным падежом, может в зависимости от синтаксических условий употребления быть *агентивно-прямым* дополнением [см. примеры рубрик (6.2.

1.1) и (6.3.1.1), а также пример рубрики (6.1.1)] или своеобразным второстепенным членом, который следует квалифицировать как *аген-тивно-адресатное дополнение* [см. примеры рубрик (6.2.1.2) и (6.3.1.2)].

Рассмотренные предложения репрезентируют конструкцию, которую при учете их семантики можно назвать *пермиссивной* (ср. термин "пермиссивные глаголы", используемый для обозначения сочетаний инфинитива с *denā* [111, с.267]). Однако отдельными своими разновидностями эта конструкция обнаруживает принадлежность к ряду тех конструкций, которыми воплощается структурно-грамматический каркас предложений языка хинди, а именно:

- а) к активно-субъектной [см. примеры рубрик (6.1.1) и (6.1.2)];
- б) к активно-объектной [см. примеры рубрик (6.2.1.2) и (6.2.2)];
- в) к активно-нейтральной в ее объектном варианте [см. примеры рубрики (6.2.1.1)];
- г) к инактивно-объектной [см. примеры рубрик (6.3.1.2) и (6.3.2)];
- д) к инактивно-нейтральной в ее объектном варианте [см. пример рубрики (6.3.1.1)].

Отрицательная частица (*na*, *nahī*), помещенная перед супинным инфинитивом глагола, не служит показателем того, что выражаемое отрицание относится исключительно к действию, выраженному данным глаголом: *na nikalne detī thī* [см. пример в рубрике (6.1.1)] 'не позволяла выходить', а отнюдь не 'позволяла не выходить'.

(7) Супинный инфинитив + глагол *jānā* 'идти', 'уходить' (> 'собираться', 'быть на пути к скорому и сообразному с логикой вещей осуществлению') в процессивной форме (обычно в форме настоящего актуального или прошедшего актуального времени)¹ — *māi vahī kahne jā rahā thā* (AN, S, 406) 'Как раз это я и собирался сказать', *āiye pandī-tjī, māi to āp ko khat likhne jā rahī thī* (P, N, 56) 'Входите, почтенный пандит. А я вот собиралась писать вам письмо', ... *ek mukaddamā khatm huā, to ab dūsrā cālū hone jā rahā hai* (B, G, 640) '... один судебный процесс завершился, а тут уже надвигается другой', *hamārā larkā Arun. vah ab tīn sāl kā hone jā rahā hai* (MR, A, 14) '[Этот] наш сын Арун. Ему теперь исполняется три года'.

(8) Герундиальный инфинитив в форме на *-ne* с после-логом *ko* + глагол *honā* 'быть', 'становиться' (> 'собираться', 'проявлять готовность к скорому осуществлению') — ... *Nityabābū Dukhmocan ke pairō par girne ko hue* ... (N, D, 132) 'Нитьябабу был готов пасть к ногам Дукхмочана...', *uskī ākhō mē āye hue āsū nīcē girne ko ho rahe the* ... (PL, 158) 'Выступившие на ее глазах слезы готовы были скатиться по щекам (букв. упасть вниз)...', *to badhāt ho, tumhārā pariśram sapthal hone ko hai* (S, TY, 7) 'Поздравляю, ваши старания не будут напрасны (= готовы принести свои

¹ Ср. конструкцию "to be going + инфинитив" в английском языке.

плоды)', *tren chūṭne ko thī ...* (N, D, 56) 'Поезд готов был вот-вот отправиться...'

(9) Инфинитив + глагол *honā* 'быть', 'становиться' (> 'надлежать', 'следовать', 'предстоять', 'становиться необходимым в силу взятых обязательств, предварительной договоренности, принятой условности или в интересах успешного осуществления намеченного плана');

(9.1) при отсутствии прямопадежного оформления имени субъекта действия, когда субъект действия 'если он подлечит выражению) обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(9.1.1) с именем объекта действия в форме прямого падежа;

(9.1.1.1) с герундивным инфинитивом перед финитной формой глагола *honā* с именем объекта, — *us vyakti ko kisī kes mē Polhorām se salāh lenī thī* (B, D, 21) 'Тому человеку необходимо было получить совет у Польхорама по какому-то судебному делу', *bas kī sītē rizarv karvāne ke lie caprāsī ko rupaye dene hāī* (PL, 100) 'Для того чтобы забронировать места в автобусе, надлежит дать деньги посыльному', *ise gharō mē jhārū denī hotī hai...* (KC, A, 85) 'Она должна подметать в домах...', *kuch zarūrī kitābē bhī kharīdnī thī* (BG, S, 394) 'Следовало купить также и несколько нужных книг'²;

(9.1.1.2) с герундиальным инфинитивом;

(9.1.1.2.1) при отсутствии согласования финитной формы глагола *honā* с именем объекта действия, когда данная форма совпадает с формой 3-го лица единственного числа мужского рода, — *tujhe ek hazār rupaye lenā hai...* (NK, 1961, IX, 65) '[Если] тебе необходимо взять тысячу рупий ...';

(9.1.1.2.2) при согласовании финитной формы глагола *honā* с именем объекта действия, — *... aur śāyad isīlie Darśū ko rāt bhar jāgnā partā thā aur Śekośā se nazarē curānā hotī ...* (B, D, 25) '... и, быть может, именно поэтому Дарши приходилось бодрствовать всю ночь и надлежало отводить глаза от Шекоши ...'.

Примеры, относящиеся к рубрике (9.1.1.2) [т.е. (9.1.1.2.1) и (9.1.1.2.2)], не столь уж типичны для современного литературного хинди. В урду, в частности в языке произведений С.Х. Манто, обычны предложения с согласованной финитной формой, т.е. отвечающие рубрике (9.1.1.2.2): ... *use Tāj Maḥal pikcārā ke ek film kī nig-rānī karnā thī* (M, PP, 43) '... ему надлежало следить за производством одного из фильмов [компании] "Тадж Махал пикчарс"', ... *koī*

² Ср. постулируемый случай с инактивной формой герундивного инфинитива: *sabhā bulāyī jānī hai* 'Собрание должно быть создано' [26, с.546], когда возможность появления косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа для оформления субъекта действия вообще исключена.

ḍavā *harīdnā* *thī* (М, РР, 61) '... необходимо было купить какое-нибудь лекарство'.

Формальное различие между предложениями рубрик (9.1.1.2) и (9.1.1.1) сводится на нет при условии пересечения граммем "мужской род" — "единственное число" в имени объекта действия: *ḍākiye kā bhī kām postmāstar ko hī karnā hotā thā* (N, D, 70) 'Почтмейстеру же надлежало также выполнять работу и почтальона';

(9.1.2) без имени объекта действия в форме прямого падежа, когда финитной формой глагола *honā* сопровождается герундиальный инфинитив, — *mujhe das baje fāuntēn pain banāne vālī ek faikṭrī mē rahūcnā thā* (NK, 1961, X, 34) 'В десять часов мне следовало прибыть на фабрику авторучек', *unhē abhī ek-do marīzō ke ghar jānā thā* (PL, 125) 'Ему еще предстояло посетить на дому нескольких больных'; *hamē śikṣā ke dvārā mānavtā ko jagānā hai* (Si, 111) 'Посредством просвещения мы должны пробудить человечность' (содержащееся в данном примере имя объекта действия, названного стоящим в форме инфинитива глаголом, оформлено послелогом *ko: mānavtā ko*);

(9.2) с именем субъекта действия, выступающим в форме прямого падежа, — *tīsre caran mē 6 aprail ko Nayī Dillī mē vansad ke sūtte ek jan-satyāgrah honā thā* (JY, 28.XII.1975, 43) 'На третьем этапе 6 апреля должна была состояться массовая сатьяграха перед зданием парламента в Нью-Дели', ... *par jīt to merī hī honī thī* (B, D, 11) '... но по победе суждено было быть моей'. (В обоих приведенных примерах налицо герундивный инфинитив, сопровождаемый согласуемой с именем субъекта финитной формой глагола *honā*.)

(10) Инфинитив + глагол *parnā* 'падать', 'случаться' (> 'приходиться', 'становиться необходимым в силу внешних по отношению к субъекту-лицу и независимо от него сложившихся обстоятельств'). Субъект действия, названного стоящим в форме инфинитива глаголом, обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(10.1) с именем объекта действия в форме прямого падежа;

(10.1.1) с герундивным инфинитивом перед финитной формой глагола *parnā*, согласуемой с именем объекта, — *ḍāktar Dev ko moṭar rokṇī paṛī* (AP, D, 93) 'Доктору Дэву пришлось остановить автомашину', *ākhīr mujhe ghoṣṇā karṇī paṛī* (KC, G, 76) 'Наконец я был вынужден сделать заявление', *yahā āram ke badle kosne sunne paṛte hai* (P, N, 35) 'Здесь вместо отдыха приходится выслушивать брань';

(10.1.2) с герундиальным инфинитивом;

(10.1.2.1) при отсутствии согласования финитной формы глагола *parnā* с именем объекта действия, когда данная форма совпадает с формой 3-го лица единственного числа мужского рода, — *tum ko kitāb lānā paṛegā* [98, с.483] 'Вам придется принести книгу';

(10.1.2.2) при согласовании финитной формы глагола *paṛṇā* с именем объекта действия — *aur do varṣa kī āyī mē hī iṣe bāṛe kī roṭī khānā paṛṭī hai* (КС, А, 84) '... и уже в двухлетнем возрасте ему приходится есть просынные лепешки', *tum ko kitāb lānā paṛegī* [98, с.483] 'Вам придется принести книгу'.

Предложения, подводимые под рубрику 10.1.2 [т.е. (10.1.2.1) и (10.1.2.2)], не являются для литературного хинди типичными. Однако предложения, отвечающие рубрике (10.1.2.2), шире представлены в произведениях на урду ряда авторов (С.Х.Манто, Исмаил Чугтаи, Куррат уль-Айн Хайдар): ...*unhē uskī gālīyā aur ghurkīyā sahnā paṛṭī hāī* (М, РР, 98) '... им приходится сносить его брань и угрозы', *in cīzō ke banāne mē unhē bhī mehnat denā paṛī thī* (Су, 99) 'В процессе изготовления этих вещей им тоже пришлось приложить свои усилия', *use apnī zindagī mē āj tak itnī barmandgī nahī uṭhānā paṛī thī* (QH, А, 434) 'До сего дня ей никогда в жизни не приходилось испытывать такой стыд'.

При выражении значения единственного числа применительно к существительному мужского рода формальное различие между предложениями рубрик (10.1.1) и (10.1.2) оказывается сведенным на нет: *yahā mujhe bahut baṛā pariśram karnā paṛā* (КС, G, 22) 'Здесь мне пришлось выполнять колоссальную работу';

(10.2) без имени объекта действия в форме прямого падежа, когда финитной формой глагола *paṛṇā* сопровождается герундиальный инфинитив, — *abkī Sudhā ke sāth Nirmalā ko ānā paṛā* (Р, G, 162) 'На этот раз Нирмала была вынуждена приехать вместе с Судхой', *tujhe rachtanā paṛegā* (S, TY, 272) 'Придется тебе раскисаться', *tumhē vivāḥ ho mujhī ko sundartā kī rānī sunnā paṛegā* (КС, G, 140) 'Именно меня вам поневоле придется избрать королевой красоты'.

(11) Инфинитив + предикативное наречие *cāhiye* (< *cāhnā* 'хотеть', 'желать') 'желательно', 'нужно', 'надо', 'следует' [+ глагол *honā* в форме простого имперфекта];

(11.1) с обычным инфинитивом, или инфинитивом активного залога;

(11.1.1) при отсутствии прямопадежного оформления имени субъекта действия, когда субъект действия (если он подлежаит выражению) обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(11.1.1.1) с именем объекта действия в форме прямого падежа;

(11.1.1.1.1) с герундивным инфинитивом, когда форма простого имперфекта от глагола *honā* согласуется с именем объекта, а *cāhiye* (*cāhiē*) может принимать согласуемую форму множественного числа — *cāhiyē* (*cāhiē*), — *unhē zarūrāt par merī madad karnī hī cāhiē* (В, G, 445) 'Им ведь следует оказывать мне помощь в случае необходимости', *hamē ruk*

kar laṛnā cāhie, aur unke ghoṛe chīn lene cāhie (Aj, A, 37) 'Нам нужно остановиться, завязать бой и отбить у них лошадей', ... *use Bambaṭ ke bacce dekhne cāhie* (KC, S, 128) '... ему нужно видеть бомбейских детей', ... *use Yūrop se āne ke bād hī yahā do-ek pradārṣan kar dene cāhiē the* (MR, A, 186) '... по прибытии из Европы ей следовало [бы] устроить здесь несколько выставок', *tumhē āj ye sab bātē nahī karnī cāhiē thī* (MR, A, 423) 'Сегодня тебе не следовало говорить все это';

(11.1.1.1.2) с герундиальным инфинитивом;

(11.1.1.1.2.1) при отсутствии показателей согласования с именем объекта действия у формы простого имперфекта от глагола *honā* и/или у *cāhiye* (*cāhie*) — ... *unhē hamāre ghar ānā cāhie thā, pitājī se bāt karnā cāhie thā?* (BG, S, 162) '... [разве тогда] им нужно было приходиться к нам в дом и вести с отцом беседу?', *miḥe unkī sevā karnā cāhiye thā* [98, с.482] 'Мне нужно было ухаживать за ними', ... *ab miḥe is prakār kī bātē socnā bhī nahī cāhie* ... (S, TY, 125) '... теперь мне не подобает даже думать о подобных вещах ...', *islie mittī khānā cāhie* (NK, 1961, VI, 10) 'Поэтому нужно есть землю';

(11.1.1.1.2.2) при появлении таких показателей — *miḥe unkī sevā karnā cāhiye thī* [98, с.482] 'Мне нужно было ухаживать за ними' (см. пример из урду: *aīsī choṭī choṭī cīzē to tumhē xud dho lenā cāhiyē* 'Такие мелкие вещи вам нужно постирать самим' [31, с.71]);

Предложения, подпадающие под рубрику (11.1.1.1.2), не столь характерны для хинди, как предложения рубрики (11.1.1.1.1). Формальное различие между предложениями обеих рубрик сводится на нет при условии пересечения граммем "мужской род" — "единственное число" у имени объекта действия: *śānt rahne kā abhyās karnā cāhiye* (Si, 20) 'Надо уметь сохранять спокойствие', *Rambhā ko tumhē samay denā cāhie* (NK, 1961, XI, 115) 'Рамбхе вы должны предоставить время';

(11.1.1.2) без имени объекта действия в форме прямого падежа, когда *cāhiye* (вместе с формой простого имперфекта от глагола *honā* или без нее) следует за герундиальным инфинитивом, — *tumhē to kisī barī-sī mil kā mainejār honā cāhie thā* (MR, A, 67) 'Вам следовало бы быть управляющим на какой-либо крупной фабрике', *śaraṇārthiyō ke adhikārō kī rakṣā ke liye kyā hamē ḍaṭ kar na laṛnā cāhiye?* (KC, A, 17) 'Разве нам не следует решительно выступить в защиту прав беженцев?', ... *hamē is bāt ko bhūl jānā cāhie* (MR, A, 437) '... нам нужно забыть об этом', *vyaktigat jhagṛō ko mol na lenā cāhiye* ... (Si, 20) 'Надо избегать личных ссор...';

(11.1.2) с именем субъекта действия в форме прямого падежа;

(11.1.2.1) с герундивным инфинитивом, когда форма имперфекта от глагола *honā* согласуется с именем субъек-

та, а *cāhiye (cāhie)* может принимать согласуемую форму множественного числа — *cāhiyē (cāhiē)*, — *tumhārī rāy mē kitnī tankhvāh mahriyō ko milnī cāhie?* (N, D, 80) 'А какое, по моему мнению, жалование должны получать служанки?', *aīsī jagah kam se kam tīn ādmī hone cāhie* (Y, VD, 331) 'В таком месте нужно находиться по меньшей мере трем человекам', *pahinne ke vastra āsānī se caṛhne utarne vāle hone cāhiē* [98, с. 271] 'Одежда, предназначенная для ношения, должна легко надеваться и сниматься', ... *ek ālīśān koṭhī unhē yahā bhī milnī cāhie thī* ... (KC, G, 9) '... и здесь тоже ему должен был достаться великолепный особняк ...', *hamārī senāē ... rahūs jānī cāhiē thī* (G, DR, 61) 'Нашим войскам ... следовало прибыть ...';

(11.1.2.2) с герундиальным инфинитивом [возможность такого случая, совсем не типичного для хинди, подсказывается примером из урду — ... *hal-cal masnā cāhiye thī*... (P, Gd, 202) '... сумятица должна была возникнуть...', где форма *thī* от глагола *honā* является показателем отнесения существительного *hal-cal* к существительным женского рода];

(11.1.2.3) с инфинитивом, в котором сведено на нет различие между его герундивным и герундиальным употреблением вследствие выражения значения единственного числа существительным мужского рода — именем субъекта, — *yahā tum ko kisī kism kā ḍar nahī lagnā cāhie* (G, DR, 213) 'Здесь вы не должны испытывать никакого страха', *āj to koṭī muṣāyarā honā cāhie thā* (P, G, 95) 'Сегодня следовало бы быть состязанию поэтов', ... *Avadh ke takhtotāj kā mālik donō or se ālā khāndān kā honā cāhie* (AN, S, 55) '... владыка престола Аудха должен быть высокого происхождения по обеим линиям'.

Данная рубрика обязана своим появлением выделению рубрики (11.1.2.2); практически же — если учесть нетипичность для хинди предложений, которые могли бы быть отнесены к рубрике (11.1.2.2), — ее предложения едва ли стоит отличать от предложений рубрики (11.1.2.1) и дробить единую рубрику (11.1.2) на более частные;

(11.2) с инактивным инфинитивом, т.е. инфинитивом в форме инактивного залога;

(11.2.1) с герундивным инфинитивом, согласуемым со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия, — ... *ganne kī khetī naī bhūmī par kī jānī cāhie* (HN, 170) '... возделывание сахарного тростника должно производиться на новых землях', ... *śartō mē parivartan kā savālī nahī uthāyā jānā cāhie* (JY, 27.VI.1974, 1) '... вопрос об изменении условий не должен подниматься';

(11.2.2) с герундиальным инфинитивом — ... *apīl ko svīkār kiya jānā cāhie* ... (JY, 12.VIII.1975, 1) '... апелляции следует удовлетворить ...' (в данном примере имя объекта действия, представленное существительным женского рода *apīl* 'апелляция', имеет при себе послелог *ko*).

С учетом семантики предложений, подпадающих под общие рубрики (9), (10) и (11), репрезентируемые этими предложениями конструкции принято именовать *конструкциями долженствования*.

В зависимости от того, какой лексической единицей сопровождается имеющийся в составе таких предложений инфинитив, в их употреблении обнаруживаются следующие закономерности:

1) предложениям с *raṭnā* [см. рубрику (10)] в отличие от предложений с *honā* и *cāhiye* [см. рубрики (9) и (11)] не свойственно включать имя субъекта в форме прямого падежа;

2) для предложений с *cāhiye* [см. рубрику (11)] в отличие от предложений с *honā* и *raṭnā* [см. рубрики (9) и (10)] характерна способность принимать инфинитив в форме пассивного залога.

В плане семантики предложения с *raṭnā* отличаются таким смысловым моментом, как "подчинение субъекта-лица внешним обстоятельствам", т.е. значением вынужденной необходимости; предложения с *cāhiye* — способностью указывать на желательность осуществления действия и/или на его сообразность с обстановкой; предложения с *honā* — нацеленностью на выражение таких значений, как обязанность или обусловленная факторами субъективного свойства (договоренностью, взятыми обязательствами) необходимость осуществления действия субъектом-лицом, необходимость как нечто предстоящее или предусмотренное, диктуемая логикой вещей неизбежность.

Сказанное следует дополнить некоторыми частными замечаниями, касающимися семантических особенностей предложений:

1) прямой падеж имени является показателем инактивности обозначенного данным именем субъекта действия (именно поэтому косвенным падежом с послелогом *ko* оформляется по преимуществу имя субъекта-лица);

2) для предложений, в которых *cāhiye* сопровождается формой имперфекта от глагола *honā* (т.е. *thā, the, thī, thī*), характерна способность указывать при определенных условиях на то, что действие, которое должно было осуществиться, не осуществилось, или (в случае наличия отрицательной частицы) что действие, которому не надлежало быть осуществленным, на самом деле имело место, — *āj to śikār khelne ke lāyāḥ dīn nahī hai. āj to koī miṭāyārā honā cāhiē thā* (P, G, 95) 'Сегодняшний день не подходит для охоты. Сегодня следовало бы быть состязанию поэтов', *"tumhē āj ye sab bātē nahī karnī cāhiē thī"*, *uske calē jāne par māī ne Harbans se kahā* (MR, A, 423) '"Сегодня тебе не следовало говорить [ай] все это", — сказал я Харбансу, когда она ушла'; в этой связи показательно утверждение Ш.К.Вермы [141, с. 129], что *use kal vahā jānā cāhiye thā* означает *vah nahī gayā*, а *use nahī jānā cāhiye thā* означает *vah gayā* [ср., однако, пример, где "семантический компонент нереальности", о котором говорит Ш.К.Верма, отсутствует: ... *ek ālīṣān koṭhī unhē yahā bhī milnī cāhiē thī, so bhagvān kī kṛpā se unhē Sayyād Karāmat Alī Sāh kī naī banī-banāī koṭhī mil gāī* (KC, G, 9) '... и здесь тоже ему должен был достаться великолепный особняк, вот по божьей милости ему и достался только что выстроенный особняк Сейида Карамат Али Шаха'];

3) предложения, в которых за инфинитивом следует глагол *honā* в форме будущего времени, могут семантически сближаться с предложениями, содержащими после инфинитива глагол *raṭnā*, благодаря приобретаемой ими способности указывать на категорическую необходи-

мость, исключающую невыполнение подлежащего осуществлению действия, — ... *kanyā-pāṭhṣālā barī burī hālat mē hai, uskī vyavasthā kā bhār ap ko sābhālnā hogā* (N, D, 162) '... школа девочек находится в бедственном положении. Вам предстоит нести бремя управления ею' (данное явление отмечено Ш.К.Вермой [141, с.133], который отрицает допустимость таких высказываний, как *Mohan ko jānā hogā par vah nahī jāegā* и *Mohan ko jānā parēgā par vah nahī jāegā*, противопоставляя их принимаемым за правильные высказываниям: *Mohan ko jānā cāhiye par vah nahī jāegā* и *Mohan ko jānā hai par vah nahī jā sakegā*);

4) отрицание, относящееся к модальному компоненту смысла (т.е. выражение значения "не следует" и т.п.), обычно передается предложениями с *cāhiye*, причем для отрицательной частицы (*nahī* или *na*) нормальной является позиция перед инфинитивом (в том числе и перед инфинитивом инактивного залога), — *tumhē āj ye sab bātē nahī karī cāhiē thī* (MR, A, 423) 'Сегодня тебе не следовало говорить все это', *phir mere pati ko kisī kā naukar na honā cāhiē* (NK, 1962, I, 103) 'А еще мой муж не должен быть чьим-либо слугой', ... *śartō mē parivartan kā savāl nahī uṭhāyā jānā cāhiē* (JY, 27. VI.1974, 1) '... вопрос об изменении условий не должен подниматься'.

Предложения рубрики (11.2.1) можно считать принадлежащими инактивно-объектной конструкции, предложения рубрики (11.2.2) — инактивно-нейтральной конструкции, предложения рубрик (9.2) и (11.1.2) [включая (11.1.2.2), где инфинитив не "отягощен" именными признаками] — активно-субъектной конструкции.

Своеобразием отличаются все другие предложения, относимые к конструкциям должествования, а именно предложения, в которых есть инфинитив, не характеризующийся формой инактивного залога, и нет формы прямого падежа имени субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом. Они распадаются на четыре серии, каждая из которых объединяет предложения с *honā*, *raṭnā* и *cāhiye*:

(а) предложения, в которых все компоненты осложненного предикативного центра согласуются с именем объекта действия, стоящим в форме прямого падежа [см. рубрики (9.1.1.1), (10.1.1) и (11.1.1.1.1)];

(б) предложения, в которых компоненты предикативного центра не согласуются со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия [см. рубрики (9.1.1.2.1), (10.1.2.1) и (11.1.1.1.2.1)];

(в) предложения, в которых согласование со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия распространяется только на тот компонент осложненного предикативного центра, который следует за инфинитивом [см. рубрики (9.1.1.2.2), (10.1.2.2) и (11.1.1.1.2.2)];

(г) предложения, в которых отсутствием имени объекта в форме прямого падежа имплицитно используется герундиальное использование инфинитива [см. рубрики (9.1.2), (10.2) и (11.1.1.2)].

Для предложений этих серий существенным в конструктивном отношении является, во-первых, то, что имя субъекта оформляется косвенным падежом с послелогом *ko* или (что может касаться только местоимений) объектным падежом, и, во-вторых, то, что оформление инфинитива как компонента предикативного центра подчиняется тем же правилам, что и оформление инфинитива при его сочетании в составе предикативного центра с перфективной формой таких глаголов,

как, например, *śurī* (*ārambh*) *karnā* и *cāhnā* [см. выше рубрики (1.1.1.) и (2.1.1.), (1.2.2.1.1) и (2.2.2.1.1), (1.2.2.1.2) и (2.2.2.1.2), (1.2.1.1) и (2.2.1.1)]].

Таким образом, форма косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа служит, как и послеложно-падежная форма на *ne*, для выражения функционального значения субъекта действия, а именно субъекта такого действия, которое обозначается стоящим в форме инфинитива глаголом. Однако если послеложно-падежная форма на *ne* находится в отношении дополнительного распределения с формой прямого падежа, служащего для выражения того же функционального значения, в связи с различием форм перфективных и форм неперфективных в рамках определенного подмножества глаголов, к которому, в частности, принадлежат *śurī* (*ārambh*) *karnā* и *cāhnā*, то форма косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа дополнительным распределением подобного рода не характеризуется. Поэтому имя субъекта действия, оформленное косвенным падежом с послелогом *ko* или объектным падежом, не следует считать подлежащим предложений, воплощающих конструкции долженствования. (Ср. точку зрения Камтапрасада Гуру на такое имя как на подлежащее [98, с.523].)

Рассматривать такое имя как особого рода дополнение (ср. точку зрения В.А.Чернышева, согласно которой такое имя — дополнение адресата [77, с.94]) тоже не представляется возможным, поскольку сочетания инфинитива с *hopā*, *paṇā* или *cāhiye* не трактуются нами как особого рода сложные глаголы (ср. бытующую точку зрения на такие сочетания как на сложные глаголы [95, с.178; 98, с.313]) и не расцениваются как особые финитные формы глаголов (ср. точку зрения К.Ч.Бахля на сочетания инфинитива с формами глагола *hopā* как на регулярные члены парадигмы спряжения глаголов [85, с.234–237; 84, с.342]).

Имеются основания думать, что использование формы косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа для наделения имени (имени существительного или субстантивного местоимения) семантической функцией субъекта действия предопределяется составом предикативного центра, а именно тем, что за инфинитивом следует лексическая единица, не обладающая ни признаком агентивности, ни признаком переходности (известную оговорку можно сделать относительно *cāhiye*, поскольку *cāhiye* восходит к *cāhnā*). Отсюда вытекает необходимость трактовать это имя как компонент структурно-семантического каркаса предложений, воплощающих конструкции долженствования, а именно как детерминант с функциональным значением субъекта.

Правомерность такой трактовки подкрепляется наличием в хинди предложений следующих двух видов, где указание на необходимость или долженствование заключено в определенных лексемах:

1) *āp ko yah svāg bharme kī kyā zarūrat thī ?* (KC, G, 37) 'За-чем Вам понадобилось так притворяться?', *so, is savāl ke bāre mē āpko cintā karne kī zarūrat nahī paṛegī* (BG, S, 106) 'У Вас, таким образом, не возникнет необходимости беспокоиться по этому поводу' (см. *zarūrat* 'необходимость');

2) ... *unhē kahī jāl-vāyū badalne ke lie jānā zarūrī hai* (P, N, 126) '... ему для перемены климата необходимо куда-нибудь поехать', ... *Rāj ko sevāśram mē dopahar se pahle hī pahūc jānā āvāśyak thā* (Y, Dd, 97) '... Радж еще до полудня должна была прибыть

в "обитель служения" (см. прилагательные *garūrī* и *āvaśyak* 'необходимый').

Остается открытым вопрос о том, какова синтаксическая функция имени объекта в предложениях серий (а) и (в). Поскольку модальный компонент смысла этих предложений [как и предложений серии (б), и тех предложений серии (г), в которых имеющееся имя объекта оформлено косвенным падежом с послелогом *ko* или местоименным объектным падежом] не имеет прямого отношения к содержательной стороне данного имени, появление которого обусловлено валентностью представленного инфинитивом глагола, постольку отмеченные выше факты согласования с именем объекта не могут служить достаточным основанием для того, чтобы принимать это имя за подлежащее. Более правомерной представляется трактовка этого имени [равно как и имени объекта в предложениях серий (б) и (г)] как прямого дополнения.

Однако в качестве структуры, исходной для формирования предложений всех четырех серий (особенно предложений с *honā* и *parṁā*) следует рассматривать активно-субъектную конструкцию предложений с детерминантом N-*ko*, имеющим семантическую характеристику или субъекта, оказывающегося в зависимости от исходящих извне установок либо волеизъявления другого лица (других лиц), или субъекта, чье состояние определяется внешними факторами объективного свойства (см. выше, с.33-34). В соответствии с этим инфинитив предложений серии (а), т.е. герундивный инфинитив, должен возводиться к инфинитиву — субъекто-квалифицирующему компоненту предложения (*Ṣītā ko citṭhī parṁhī hai* 'Сита должна читать письмо' < 'Сите есть письмо должествующим быть прочитанным'), а инфинитив предложений серий (б) и (г) — к инфинитиву-подлежащему, реализующему субъектную валентность глагола. В предложениях же серии (в) за инфинитивом сохраняется исходный статус глагольного компонента составного глагольного сказуемого.

(12) Глагольное прилагательное (в форме активного залога) + глагол *honā* 'быть', 'становиться' (обычно в форме простого презенса или простого имперфекта) в связи с указанием на близкое осуществление предстоящего действия — *mis Latikā jaldī kījīe, bārīś śurū hone vālī hai* (PL, 121) 'Поторапливайтесь, мисс Латика. Вот-вот начнется дождь', *us rāt ham Banāras se vidā ho rahe the. hamārī trenē ādhī rāt ke bād ravānā honevālī thī* (NK, 1961, XII, 65) 'В тот вечер мы расставались с Бенаресом. Наши поезда отправлялись после полуночи', *us din nagarī ke sabhī pratiṣṭhit nagarvāsī āne vāle the* (HD, B, 239) 'В тот день ожидалось прибытие всех почтенных жителей городка' (или '... все почтенные жители городка готовы были прибыть').

(13) Герундий (в форме активного залога) + глагол *cāhṁā* 'хотеть', 'желать' (обычно в форме настоящего общего времени) в связи с указанием на предстоящее действие как на непосредственно наступающее — *abhī ghaṁtī bajā cāhtī hai* (NK, 1962, VII, 22) 'Вот-вот раздастся звонок', *āṭh bajā cāhte hāī* (Y, VD, 195) 'Скоро [будет] восемь [часов]', ... *muāmlā sangīn huā cāhtā hai* ... (P, M-4, 69)

'... дело принимает серьезный оборот ...', *Bhajan bhī āyā hī cāhtā hai* (Y, Dd, 282) 'Да и Бхаджан вот-вот придет'.

Предложения, подпадающие под рубрику (13), по передаваемому ими значению в общем совпадают с предложениями рубрик (7), (8) и (12).

Показательно то, что предикативные центры, свойственные всем таким предложениям, встречаются в первой части сложных предложений при сообщении о действии, не успевшем осуществиться к моменту наступления другого действия, о котором говорится во второй части, вводимой союзом *ki*, например: *ghar lautkar vah pānī kā ghūṭ piyā hī cāhtā thā ki Rahimgul kā ghūsā uskī gardan par ā paṛā ...* (Y, Dd, 46) 'Вернувшись домой, он не успел выпить и глотка воды, как получил от Рахимгуля удар кулаком по шее ...', *māi kuch kahne jā rahā thā ki pati bīc mē bole ...* (JK, K, 11) 'Только я собирался (= Не успел я) сказать, как [ее] супруг проговорил ...', *māi uttar dene hī ko thā ki sāmme se Pāro ātī dikhāī dī* (KC, S, 97) 'Не успел я ответить, как впереди показалась приближающаяся Паро', *māi lautne hī vālā thā ki āp lautte hue nazar āye* (P, M-4, 301) 'Я собирался уже отправиться в обратный путь, как [вдруг] увидел, что он сам возвращается'.

Отмеченная синонимия распространяется в рамках структуры сложного предложения и на случаи с предикативным центром предложений рубрик (2), (4) и (5): *dāsī jānā hī cāhtī thī ki mahārāj ne use pināḥ ākarṣit kiya ...* (U, SA, 86) 'Служанка хотела было идти, как махараджа снова привлёк ее к себе ...', *būphā kuch uttar dene lagā thā ki use khāsī kā dūrā huā* (A, BP, 13) 'Старик уже готов был ответить, как его одолел приступ кашля', *Dhaniyā abhī kuch kahne na pāyī thī ki vah phir cal dī ...* (P, G, 153) 'Не успела Дхания что-либо сказать, как она (Пунни) снова [куда-то] пошла ...'.

(14) Простое адвербиальное причастие (как правило, имперфективное) + глагол *bannā* 'делаться', 'становиться';

(14.1) с формой глагола *bannā*, согласуемой с именем объекта действия, обозначенного стоящим в форме причастия глаголом, — ... *par usse kisī bhāti bhī kaṭhortā prakat karte na bantī ...* (JK, S, 83) '... но она никак не могла проявить твердость ...', *usse duḥkh ke māre bāt bhī karte nahī ban rahī thī* (AY-1, 12) 'Она от огорчения не могла даже говорить';

(14.2) с нейтральной формой глагола *bannā*, совпадающей с формой 3-го лица единственного числа мужского рода;

(14.2.1) при наличии имени объекта действия в форме прямого падежа — *besne ke liye pukār lagāte na bantā thā* (Y, VD, 490) '[Ему] было невмочь зазывать покупателей' (см. *pukār* 'зов' — существительное женского рода), *rotī hī laṛkī kī or ākh uṭhāte na bantā thā* (Y, DB, 111) '[Тара] не могла смотреть на плачущую девочку' (см. *ākh* 'глаз' — существительное женского рода, *uṭhānā* 'поднимать');

(14.2.2) при отсутствии имени объекта действия в форме прямого падежа — ... *usse bolte bhī nahī ban paṛ rahā*

thā (Y, VD, 525) '... она была не в силах даже говорить', ... *Daljīt kī bāt se nikalte na bantā thā* (AN, S, 391) '[Насируддин] никак не мог не считаться с мнением Дальджита'.

Подобные предложения характеризуются при условии наличия отрицательной частицы при глаголе *banā* значением причинно обусловленной неспособности субъекта осуществить действие, относящееся к сфере его (субъекта) волеустремления. Без отрицательной частицы передается значение реализации действия в меру имеющихся у субъекта возможностей: *ghūr lēge jītnā unse ghūrte banegā* (P, N, 143) 'Будет паялить глаза сколько ему влезет'. Однако Камтапрасад Гуру указывает также на выражение значения зависимости или вынужденности (*parādhīntā vā vivaštā*), приводя такой пример: *usse āte banā* 'Он вынужден был прийти' [98, с.321].

Имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме причастия глаголом, обычно оформляется косвенным падежом с послелогом *se*. Оформление имени субъекта косвенным падежом с послелогом *ko* (или местоименным объектным падежом) служит, о чем можно судить по приводимым в лингвистической литературе примерам, передаче значения зависимости или вынужденности: *burhiyā ko vahā se hatte hī banā* 'Старухе пришлось убраться оттуда' [63, с.265], *kāzī ko yahī hukm dete banā* [98, с.511] 'Судья был вынужден вынести именно этот приговор'.

Имя субъекта играет в рассмотренных предложениях роль детерминанта, семантически близкого или агентивному дополнению, связанному с глаголом в форме инактивного залога, или (в случае оформления косвенным падежом с послелогом *ko*) детерминанту с функциональным значением субъекта в конструкциях долженствования. Встречающееся имя объекта целесообразно трактовать как прямое дополнение не только в предложениях рубрики (14.2), но и в предложениях рубрики (14.1).

Формальное различие между предложениями рубрики (14.1) и (14.2.1) сводится на нет, если именем объекта является существительное мужского рода, характеризующееся граммемой единственного числа: *usse hār choṛte na bantā thā* (BLK, 125) 'Он был не в силах расстаться с ожерельем' (см. *hār* 'ожерелье' — существительное мужского рода) *usse kuch uttar dete na banā* (AY-1, 41) 'Она не смогла дать ответ' (см. *uttar* 'ответ' — существительное мужского рода).

(15) Деепричастие (в краткой форме) + глагол *saknā* 'мочь', 'быть в состоянии';

(15.1) с деепричастием в форме активного залога при манифестации активно-субъектной конструкции — *ab tū jā saktā hai* (NK, 1961, X, 37) 'Теперь ты можешь идти', *lekin Jantā bāt ek bhī bāt na kah sakī* (NK, 1961, VIII, 25) 'Но Джамна-баи не смогла вымолвить ни единого слова', *Dev ab lauṭ nahī saktā thā ...* (AP, D, 59) 'Теперь Дэв вернуться не мог ...';

(15.2) с деепричастием в форме инактивного залога;

(15.2.1) в составе инактивно-объектной конструкции — ... *jhōṛe mē din kāṭe jā sakte hāī ...* (P, N, 54) '... в

лачуге могут быть проведены дни ...', ...*parantu vah na rakrā jā sakā* ... (S, TY, 168) '... но его поймать не удалось ...', *vetan us dīn bātā na jā sakā* (S, TY, 59) 'Жалованье в тот день выдать было нельзя', *uskī salāh kī upē-kā na kī jā saktī thī* (P, G, 91) 'Его советом нельзя было пренебрегать';

(15.2.2) в составе инактивно-нейтральной конструкции—...*to unhē kisī samay bhī naukarī se alag kiyā jā saktā hai* (KC, G, 43) '... то их в любое время можно уволить со службы'.

(16) Деепричастие (в краткой форме) + глагол *cuknā* 'кончатся', 'оканчиваться' в связи с выражением значения завершения (прекращения) действия, достигшего полной меры своего проявления;

(16.1) с деепричастием в форме активного залога в ходе манифестации активно-субъектной конструкции — *rāt bīt cukī thī* (Aj, A, 138) 'Ночь уже прошла', *klark ghar jā cu-ke the* (S, TY, 59) 'Чиновники уже ушли домой', *mistar Sinhā tumhāre bāre mē do bār pūch cuke hāī* (Y, DB, 97) 'Мистер Синха уже два раза спрашивался о вас', *māī is praśna kā ut-tar pahle de cukā hū* (KC, G, 69) 'Я уже раньше дал ответ на этот вопрос';

(16.2) с деепричастием в форме инактивного залога — *vivāh ke mantra paṛhe jā cuke the* (AP, D, 72) 'Были уже прочитаны свадебные мантры', ... *un mē se cāy rī jā cukī hai* (AP, D, 13) '... чай из них (чашек) уже выпит' (приведенными примерами представлена инактивно-объектная конструкция).

(17) Глагольная основа + глагол *pānā* 'получать' в связи с выражением потенциального значения, которое в зависимости от наличия или отсутствия отрицательной частицы проявляется или как невозможность осуществления действия, обусловленная внешними обстоятельствами, или как реализация предоставившейся в силу внешних обстоятельств возможности осуществления действия, нередко приобретая дополнительные оттенки ("удаваться", "успевать" в негативном или позитивном плане), — *Lakkhī sīdhe leṭ na pā hī thī* ... (Y, VD, 524) 'Лежать прямо Лаккхи не могла ...', *maidān mē baiṭhe hue log so nahī pāye the* (Aj, A, 91) 'Сидевшим на площади людям уснуть так и не удалось', *māī ab tak uskā mizāj nahī samajh pāyā* (P, G, 90) 'Мне пока не удалось понять ее характер', *māī bahut kaṭhināī se apnā mūh khol pāyā* (MR, A, 484) 'Я еле-еле открыл рот', "*mānī hāī*" *Bhuvan itnā hī kah pāyā* (Aj, N, 33) 'Есть смысл', — только и успел сказать Бхуван', ... *aur us koṭhrī tak sūrya kā prakāś kabhī nahī ā pātā thā* (Aj, A, 48) '... и до этой каморки солнечный свет не доходил'.

Во всех приведенных выше предложениях рубрики (17) представлена активно-субъектная конструкция, что обусловлено утратой глаголом *rāpā*, сочетающимся с основой глагола, синтаксического признака агентивности. Однако для случаев с основой от переходных глаголов, предшествующей перфективным формам глагола *rāpā*, нельзя исключать возможность оформления имени субъекта послелогом *ne*, что подтверждается следующими примерами, воспроизводящими активно-объектную конструкцию: *tere viṣay mē Rājārām ne aīst kyā śīkāyat sun pāyī hogī ?* (Y, Dd, 287) 'И что за жалобу на меня мог услышать Раджарам?', *māī ne uskā nām nahī rūch pāyā* (Sa, K, 26) 'Я не успел спросить ее имя'. Как видно из приведенных примеров, отрицательная частица может занимать место как непосредственно перед основой, так и перед финитной формой глагола *rāpā*.

Предикативный центр отмеченного состава встречается в первой части сложных предложений при сообщении о действии, не успевшем осуществиться к моменту наступления другого действия: *śīpāhī lauṭkar nahī ā pāye the ki ghāyal kā prāṇānt ho gayā* (VV, M, 458) 'Не успели воины возвратиться, как раненый уже умер', *Sukhdā kuch kah bhī nahī pāyī thī ki yuvak bhītar calā āyā* (Aj, A, 125) 'Не успела Сукхда что-либо сказать, как вошел юноша'. Тем самым расширяются рамки той синонимии, о которой говорилось в одном из предыдущих примечаний (см. с.87).

Существуют также предложения, в которых над одним из перечисленных центров "надстраивается, подчиняя его себе", другой предикативный центр, определяющий модальный и временной план высказывания: *Rāj use jāne nahī denā cāhtī* (Y, Dd, 314) 'Радж не хотела ее отпускать' [(6) + (2)], ... *māī āp se dārnā ārambh karnā cāhtā hū* (JK, K, 53) '...я хочу начать бояться вас' [(1) + (2)], *rājkanṇyā kahnā cāhne lagī* ... (JK, S, 11) 'Принцесса захотела сказать ...' [(2) + (4)], ... *māī kabhī bhī tasvīrē banānā śurū kar saktā hū* ... (NK, 1962, VII, 80) '... я смогу рисовать картины ...' [(1) + (15)].

Глава III

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ И ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ СТРУКТУРЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ КАК ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

В речевой цепи знаменательные слова объединяются синтаксической связью. Двумя основными, четко противопоставленными друг другу видами синтаксической связи между знаменательными словами являются сочинительная связь (сочинение) и подчинительная связь (подчинение).

Сочинительная связь характеризуется равноправием связываемых компонентов относительно друг друга и их функциональной тождественностью, обусловленной одинаковым отношением каждого из компонентов и всей группы компонентов в целом к определенному элементу (или фрагменту) остальной части речевой цепи. В своем возникновении сочинительная связь как таковая не опирается на различия в категориальных свойствах слов, вытекающие из принадлежности последних к разным частям речи.

Объединение слов сочинительной связью иллюстрируют следующие примеры: *dukān aur makān* 'лавка и дом', *kām hī nahī, pratyut karttavya* 'не только обязанность, но и долг', *niḥsahāy aur nirāśrit* 'беспомощный и беззащитный', *mādu kintu dṛṣṭh* 'нежный, но твердый', *cār yā āṭh* 'четыре или восемь', *dekhtā hai aur hāstā hai* 'видит и смеется', *na badalnā, na sṅkhnā* 'не изменяться, не учиться'.

Выражению сочинительной связи служат союзы, которые в соответствии с их назначением принято называть сочинительными. Они обеспечивают в рамках сочинения дифференциацию смысловых отношений между словами, таких, в частности, как соединительные, противительные, разделительные, градационные отношения (см. в вышеприведенных примерах союзы *aur* 'и', *kintu* 'но', *yā* 'или', *pratyut* 'более того').

Бессоюзная сочинительная связь обозначает прежде всего перечисление, связанное с указанием на соединительные отношения: *striyā, bṛ̥ḥe, javān, bālak* 'женщины, старики, юноши, дети', *umr, anubhav, tahzīb* 'возраст, опыт, воспитание', *kaṭhor, ṭhos, patthar-sī [bhūmī]* 'твердая, непо-

датливая, камнеподобная [земля]'. Обозначение перечисления достигается также повтором разделительного союза: *sitār yā belā yā kuch aur* 'ситар, или скрипка, или что-либо еще'.

Показателем исчерпывающего характера перечисления служит одиночный соединительный или разделительный союз, помещенный перед последним компонентом перечислительного ряда, содержащего больше двух членов: *izzat, šuhrat aur daulat* 'честь, слава и богатство', *Prayāg, Hāth-ras tathā Fatehpur* 'Аллахабад, Хатхрас и Фатехпур', *jhūṭh, kapaṭ, beṭmānī vā anyāy* 'ложь, лицемерие, бесчестность и несправедливость', *ārthik, sāmājīk evam ādhyātmik [sanskṛti]* 'материальная, социальная и духовная [культура]', *āśā-rya, ānand vā tīraskār* 'удивление, радость или пренебрежение'. Сигналом же того, что перечисление не носит исчерпывающего характера, что перечислительный ряд полностью не развернут, служит используемое в качестве постпозитивной частицы какое-либо из таких слов, как *ādi, ityādi, vagairah (vagairā)*¹ 'и другие', 'и так далее', 'и прочее', например: *makkhiyā, macchar, cēte ādi* 'мухи, комары, муравьи и прочее'; *Haiderābād, Karācī, Pešāvar ityādi* 'Хайдарабад, Карачи, Пешавар и так далее'; *gavaie, sāzinde, cāplūs, vidūṣak vagairā* 'певцы, музыканты, льстецы, шуты и другие'. Подобный сигнал может, как показывают помещенные ниже примеры, наличествовать и тогда, когда последнему слову в группе слов, объединенных сочинительной связью, предшествует одиночный соединительный союз: *Yuktaprānt, Madhyaprānt tathā Rājasthān ādi* 'Соединенные провинции, Центральные провинции, Раджастхан и так далее', *Lālmohar, Dhunnīrām aur Palatdās vagairah* 'Лалмохар, Дхуннирам, Палатдас и другие'.

При сочинении можно наблюдать тесную семантическую спаянность двух слов, базирующуюся на их принадлежности в силу присущего им лексического значения к одному ассоциативному ряду. Если каждое из таких слов в отдельности не имеет при себе каких-либо зависимых членов, то показателем этой спаянности является отсутствие союза, отображаемое на письме дефисом: *laṛke-laṛkiyā* 'мальчики и девочки' *chokrō-chokriyō [aur auratō kī bhī]* '[скопление] ребят-девчат [и женщин]', *ṭāgō-moṭarō kī [bahut adhik bhī]*

¹ Слова *ādi* и *ityādi* (< *iti* + *ādi*) принадлежат к этимологическому слою лексики татсама; слово же *vagairah (vagairā)* является словом видехи арабского происхождения. Следует отметить, что *ādi* способно использоваться постпозитивно и в качестве показателя не реализуемой возможности образования перечислительного ряда. См., например, *yantrādi* в *vaijñānik yantrādi le jāne kā parmit* (Aj, N, 143) 'разрешение забрать научные приборы и прочее' (ср. конструкцию, содержащую слово-частицу *mātra* 'только': *vaijñānik yantra-mātra le jāne kā parmit* 'разрешение забрать только одни научные приборы').

'[огромное скопление] повозок и автомашин'. В этих случаях синтаксические сочетания двух слов сближаются структурно со сложными словами типа двандва.

Сочинение может быть и комбинированным по своему характеру. В частности, для хинди характерен комбинированный тип сочинения, заключающийся в том, что соединительный союз связывает слова попарно, тогда как между парами слов, приводимыми в порядке перечисления, союз отсутствует, например: *Vārānasī aur Vindhyaśāl mē, Bambaī aur Bilāspur mē, Kāśmīr aur Kalkattē mē, Haīdarābād aur Harīdvār mē, Nepāl aur Nainītāl mē* 'в Бенаресе и Виндхьячале, в Бомбее и Биласпуре, в Кашмире и Калькутте, в Хайдарабаде и Хардваре, в Непале и Найнитале', *mātā aur pitā kī, betī aur beṭe kī, bāhan aur bhāī kī* [*muhabbat mē*] '[в любви] матери и отца, дочери и сына, сестры и брата'.

Подчинительная связь характеризуется иерархической организацией соединяемых единиц, опирающейся на существующие различия в категориальных свойствах знаменательных слов как представителей разных частей речи или на принадлежность слов к разным подклассам в рамках одной и той же части речи и заключающейся в том, что включение в речевую цепь одного слова (в определенной форме, если это слово изменяемо) диктуется наличием другого, формально не обязанного своим появлением первому. Таким образом, в результате подчинительной связи возникают разного рода бинарные (двучленные) структуры, состоящие из разнофункциональных компонентов с внутренним отношением "хозяина" и "слуги", т.е. главенствующего (главного) и зависимого компонента. Бинарную структуру, образованную подчинением, следует назвать *подчинительной синтагмой* (или *подчинительным словосочетанием* в узком смысле, что квалифицируется О.Г.Ульциферовым как словосочетание на уровне "языка" [64, с.199, 201–202; 66, с.45]).

Формально-строєвая роль (роль, заключающаяся в дифференциации "хозяина" и "слуги") компонентов внутри подчинительных синтагм, а также конкретный характер возникающих между компонентами семантико-синтаксических отношений (таких, например, как атрибутивное, обстоятельственное, объектное) обуславливается, прежде всего, взаимодействием компонентов как представителей определенных частей речи, т.е. как представителей таких классов слов, которые отличаются друг от друга в семантическом плане по признаку назывной направленности (номинативной ориентации). Этот признак отражает (в пределах каждой из частей речи вместе с местоименными субститутами охватываемых ею слов) единство общеграмматического (категориального) значения и основных (первичных) свойств сочетаемости (валентных свойств).

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ

И ВИДЫ ВЫРАЖАЕМЫХ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В зависимости от того, к какой части речи принадлежит главенствующее слово, т.е. то слово, наличием которого диктуется появление другого слова в синтагме, подчинительные синтагмы бывают:

- 1) субстантивными — *tīṇō bahānē* '[все] три сестры', *tumhārā patra* 'ваше письмо';
- 2) адъективными — *nihāyat dilcasp* 'чрезвычайно интересный', *jān se pyārā* 'дороже жизни';
- 3) вербальными — *darvāyā khaṭkhaṭānā* 'стучать в дверь', *cor-nazar se dekhnā* 'смотреть украдкой';
- 4) адвербиальными — *bahut dhīme se* 'очень медленно', *prāyaḥ pūrṇatayā* 'почти полностью';
- 5) нумеральными — *lag-bhag do sau* 'приблизительно две-сти', *un mē se do* 'из них два';
- 6) прономинальными — *ham mē se pratyek* 'каждый из нас', *do mē se koī* 'кто-либо из двух'².

Зависимые компоненты с у б с т а н т и в н ы х синтагм бывают представлены:

- 1) именем прилагательным — *ṭhaṇḍā pānī* 'холодная вода';
- 2) именем числительным — *pāc rupaye* 'пять рупий';
- 3) именем существительным — *bahānō kī āvāzē* 'голоса сестер';
- 4) наречием — *pūrṇatayā jñān* 'полное знание' (букв. 'знание полностью').

Зависимые компоненты а д ъ е к т и в н ы х синтагм бывают представлены:

- 1) наречием — *sarvathā nirāśrit* 'совсем беспомощный';
- 2) именем прилагательным — *baṛī lambī [dāstān]* 'очень длинная [история]';
- 3) именем числительным — *donō se acchā* 'лучший из двух', 'лучше обоих';
- 4) именем существительным — *saṁāj ke liye āvaśyak* [66, с.297] 'необходимый для общества'.

Зависимые компоненты в е р б а л ь н ы х синтагм бывают представлены:

- 1) именем существительным — *reṭ par caṛhnā* 'влезать на дерево';
- 2) наречием — *niyamānusār ānā* 'приходить регулярно';
- 3) именем прилагательным — *bhūkhā marmā* 'умирать от голода' (букв. 'умирать голодный/голодным');;
- 4) именем числительным — *pāc mē se ghaṭānā* 'вычитать из пяти'.

Зависимые компоненты а д в е р б и а л ь н ы х синтагм бывают представлены:

² См. классы словосочетаний на уровне "языка", выделенные О.Г.Ульциферовым [64, с.209].

- 1) наречием — *bilkul ūpar* 'совсем высоко';
- 2) именем существительным — *ghar se dūr* [66, с.315] 'прочь от дома';
- 3) именем числительным — *donō se ţṭghra* 'быстрее обо-их'.

Зависимые компоненты нумеральных синтагм быва-ют представлены:

- 1) наречием — *lag-bhag pāc sau* 'приблизительно пять-сот';
- 2) именем прилагательным — *pūrī pacṣis [roṭiyā]* 'все-го двадцать пять [лепешек]';
- 3) именем существительным — *ghaṭnāō mē se ek* [66, с.311] 'одно из событий';
- 4) именем числительным — *āṭhō mē se cār* [66, с.312] 'из восьмерых четверо'.

Использование местоимений в составе подчинительных синтагм в качестве главенствующих и зависимых компонен-тов в значительной мере определяется характером их (местоимений) дейктического поля: они входят в состав синтагм как местоимения-существительные (*do mē se koī* 'кто-либо из двух', *ham mē se pratyek* 'каждый из нас'), местоимения-прилагательные (*aise kamre* 'такие комнаты', *koī javāb* 'какой-нибудь ответ'), местоимения-наречия (*vahā pahūcā* 'прибывать туда', *idhar ānā* 'приходить сю-да') и местоимения-числительные (*kitne rupaye* 'сколько रुपий', *itne varṣa* 'столько лет').

Таким образом, при разграничении компонентов подчи-нительных синтагм на зависимые и главенствующие с уче-том их принадлежности к пяти частям речи (имя существи-тельное — С, имя прилагательное — П, глагол — Г, наре-чие — Н, имя числительное — Ч) поддаются выделению 19 разновидностей синтагм, каждая из которых предстает как сочетание слова какой-то определенной части речи в ка-честве главенствующего компонента, с представителем той же или иной части речи в качестве зависимого компонен-та.

Как видно из вышеизложенного, в качестве главенст-вующего компонента существительное, прилагательное, гла-гол и числительное формируют по четыре разновидности синтагм (ПС, ЧС, СС, НС; НП, ПП, ЧП, СП; СГ, НГ, ПГ, ЧГ; НЧ, ПЧ, СЧ, ЧЧ), а наречие — три разновидности (НН, СН, ЧН); в качестве же зависимого компонента существи-тельное, наречие и числительное формируют по пяти раз-новидностям синтагм (СС, СП, СГ, СН, СЧ; НС, НП, НГ, НН, НЧ; ЧС, ЧП, ЧГ, ЧН, ЧЧ), а прилагательное — четыре раз-новидности (ПС, ПП, ПГ, ПЧ). Зависимым компонентом под-чинительной синтагмы не может быть глагол в финитной форме.

Синтагмами указанных 19 разновидностей обеспечивает-ся выражение 14 видов семантико-синтаксических отноше-ний. Эти отношения, специфика которых определяется в

семантическом плане функцией зависимого компонента от-носительно главенствующего, суть следующие:

1) *объектное* — *śabdō par tubāhasā* [66, с.104] 'спор о сло-вах' (СС), *satāj ke liye āvaśyak* [66, с.297] 'необходи-мый для общества' (СП), *dard ko dabānā* 'подавлять боль' (СГ), *pās mē se ghatānā* 'вычитать из пяти' (ЧГ);

2) *субъектное* — *kīśānō dvārā pradarśan* 'демонстрация кре-стьян (букв. крестьянами)' (СС), *janatā dvārā nirvācit* 'из-бранные народом' (СП), *uske dvārā dekḥā jānā* 'быть увиден-ной им' (СГ);

3) *атрибутивное* — *ṭhaṇḍā pānī* 'холодная вода' (ПС), *iktīs janvarī* 'тридцать первое января' (ЧС), *tīnō kā.man* 'душа троих' (ЧС), *bahānō kī āvāzē* 'голоса сестер' (СС), *pūrmatayā jñān* 'полное знание' (НС), *sadyah vidhāvā* 'теперь вдова' (НС), *kānūnan adhikār* [66, с.179] 'право по закону' (НС), *āj kā akhbār* 'сегодняшняя газета' (НС);

4) *обстоятельственное* — *deś-vidēś mē paribhraman* [66, с.88] 'поездка по странам' (СС), *sarvatra ākarṣak* [66, с.308] 'везде притягательный' (НП), *sarak par ēkatrit* [66, с.293] 'сконцентрированный на улице' (СП), *per par carṇnā* 'вле-зать на дерево' (СГ), *niyamānusār ānā* 'приходить регулярно' (НГ), *vīdhī calī jānā* 'пойти прямо' (о женщине) (ПГ), *kal rāt* [66, с.314] 'вчера ночью' (НН), *ghar se dūr* [66, с.315] 'прочь от дома' (СН);

5) *признакоопределяющее* (зависимый компонент синтаг-мы имеет семантическую характеристику "быть показате-лем интенсивности признака, степени его проявления или показателем оттенка признака") — *bilkul aparicīt* 'совер-шенно незнакомый' (НП), *sarvathā nirāśrit* 'совсем безза-щитный' (НП), *barī lambī [dāstān]* 'очень длинная [история]' (ПП), *halkā sāvlā [rang]* 'слегка смуглый [цвет]' (ПП), *śuddha ahinsātmak* 'чисто ненасильственный' (ПП), *bhayaṇak atīr* 'ужасно богатый' (ПП), *mīlō gahrā [samudra]* '[океан] глубиной в несколько миль' (СП), *bilkul ūpar* 'совсем вы-соко' (НН), *prāyaḥ pūrmatayā* 'почти полностью' (НН), *ādḥ mīl dūr* 'на расстоянии полумили' (СН), *koṣṭ dūr* 'на уда-лении во много косов' (СН);

6) *количественное* — *pās rupaye* 'пять рупий' (ЧС), *tīnō ba-hanē* '[все] три сестры' (ЧС), *gharō pānī* 'целые кувшины воды', 'не один кувшин воды' (СС), *bīghō zamīn* 'не одна бигха земли', 'бигхи земли' (СС), *darjānō bhāṣāē* 'десят-ки (букв. дюжины) языков' (СС);

7) *прецизенное*, или *числоопределяющее* (зависимый ком-понент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть показателем степени точности числового выражения"), — *lag- bhag pās sai* 'примерно пятьсот' (НЧ), *pūrī rassīs [rotiyā]* 'всего двадцать пять [лепешек]', 'итого двадцать пять [лепешек]' (ПЧ);

8) *компаративное*, или *сравнительное* (зависимый компонент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть поло-женным в основу сравнения"), — *pahle se acchā* 'лучше, чем прежде' (НП), *do-tīn sai se kam* [66, с.308] 'меньше двух-сот-трехсот' (ЧП), *jān se pyārā* 'дороже жизни' (СП), *golī*

se *śīghra* [66, с.52] 'быстрее пули' (СН), *pahle se śīghra* 'быстрее, чем прежде' (НН), *donḍ se śīghra* 'быстрее обо-их' (ЧН);

9) *элективное* (зависимый компонент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть сферой выбора") — *ghaṭ-
nāḍo mē se ek* [66, с.311] 'одно из событий' (СЧ), *āṭhḍo mē se
oār* [66, с.312] 'из восьми четверо' (ЧЧ);

10) *присвязочно-квалификативное* — *ḍūlhan bannā* 'становиться невестой' (СГ), *ḍūr honā* 'быть далеко' (НГ), *pyārī lagnā* 'казаться милой' (ПГ), *chaḥ honā* 'быть [в количестве] ше-сти' (ЧГ);

11) *комплетивно-квалификативное* (зависимый компонент син-тагмы раскрывает содержание действия через кваликатив-ное отношение к его объекту) — *khīlāunā samajhnā* 'считать игрушкой' (СГ), *sundar samajhnā* 'считать красивым' (ПГ), *ek karnā* 'объединять', букв. 'делать одним' (ЧГ);

12) *спецификативное* (зависимый компонент синтагмы име-ет семантическую характеристику "быть признаком, выде-ляющим действие своим отношением к его субъекту") — *bhū-
khā marnā* 'умирать от голода', букв. 'умирать голодный/
голодным' (ПГ), *akelī calī jānā* 'отправляться одной' (ПГ);

13) *модально-связочное* (зависимый компонент синтагмы вы-ступает как модификатор связи) — *mālūm honā* 'казаться' (ср. *mālūm* 'известный', 'очевидный', 'явный', *honā* 'быть') (ПГ), *siddha honā* 'оказываться' (ср. *siddha* 'доказанный', 'установленный', *honā* 'быть') (ПГ);

14) *вербо-конститутивное* (зависимый компонент синтагмы выступает как "грамматически неоформленный лексический показатель действия" [66, с.20]) — *ārambh honā* 'начинать-ся' (ср. *ārambh* 'начало', *honā* 'быть', 'становиться') (СГ), *kṣamā karnā* 'прощать', 'извинять' (ср. *kṣamā* 'проще-ние', 'извинение', *karnā* 'делать') (СГ).

Один и тот же вид семантико-синтаксических отношений может характеризовать синтагмы с различным составом ком-понентов и, наоборот, синтагмы с одинаковым составом, т.е. с одними и теми же компонентами, представленными в терминах частей речи, могут характеризоваться разными семантико-синтаксическими отношениями. Это обстоятель-ство позволяет выделить синтагмы 46 видов, что находит отражение в таблице 1, где синтагме какого-либо одного из 46 видов соответствует знак "плюс" на "пересечении" графы состава компонентов синтагм с графой семантико-синтаксических отношений.

Из таблицы явствует, что в качестве главенствующего компонента синтагм существительное обслуживает 5 видов семантико-синтаксических отношений, прилагательное — то-же 5, глагол — 8 видов, наречие — 3 и числительное — 2 вида, а в качестве зависимого компонента синтагм сущест-вительное обслуживает 11 видов семантико-синтаксических отношений, прилагательное — 8, наречие — 6 и числитель-ное — 7 видов. При этом главенствующим компонентом суще-ствительное является в 9 синтагмах из общего числа 46,

Таблица 1

Семантико-синтаксические отношения	Состав компонентов синтагм															
	ПС	ЧС	СС	НС	НП	ПП	ЧП	СП	СТ	ЕТ	ПТ	ЧТ	НН	СН	ЧН	НЧ
1. Объектное			+					+	+			+				
2. Субъектное			+					+	+							
3. Атрибутивное	+	+	+	+												
4. Обстоятельственное			+		+			+	+	+	+		+	+		
5. Признакоопределятельное					+	+		+					+	+		
6. Квантитативное		+	+													
7. Прецедентное													+		+	
8. Компаративное					+		+						+	+		
9. Энективное															+	+
10. Присвязочно-кванлификативное									+	+	+	+				
11. Комплетивно-кванлификативное									+		+	+				
12. Спецификативное											+		+			
13. Модально-связочное											+					
14. Вербоконститутивное									+							

прилагательное — в 10, глагол — в 16, наречие — в 7, числительное — в 4 синтагмах; в качестве же зависимого компонента существительное выступает в 20 синтагмах, прилагательное — в 8, наречие — в 10 и числительное — в 8 синтагмах.

Итак, каждому из отмеченных выше семантико-синтаксических отношений соответствует определенный набор составов компонентов, что находит отражение в следующих формулах:

1. $\begin{bmatrix} \text{С} & \begin{Bmatrix} \text{С} \\ \text{П} \\ \text{Г} \end{Bmatrix} \\ \text{Ч} & \text{Г} \end{bmatrix}$	8. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{Н} \\ \text{С} \\ \text{Ч} \end{Bmatrix} & \begin{Bmatrix} \text{П} \\ \text{Н} \end{Bmatrix} \end{bmatrix}$
2. $\begin{bmatrix} \text{С} & \begin{Bmatrix} \text{Г} \\ \text{С} \\ \text{П} \end{Bmatrix} \end{bmatrix}$	9. $\left[\begin{Bmatrix} \text{С} \\ \text{Ч} \end{Bmatrix} \text{ Ч} \right]$
3. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{П} \\ \text{Ч} \\ \text{С} \end{Bmatrix} & \text{С} \\ \text{Н} & \text{С} \end{bmatrix}$	10. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{С} \\ \text{Н} \\ \text{П} \\ \text{Ч} \end{Bmatrix} & \text{Г} \end{bmatrix}$
4. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{Н} \\ \text{С} \end{Bmatrix} & \begin{Bmatrix} \text{П} \\ \text{Г} \\ \text{Н} \end{Bmatrix} \\ \text{С} & \text{С} \\ \text{П} & \text{Г} \end{bmatrix}$	11. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{С} \\ \text{П} \\ \text{Ч} \end{Bmatrix} & \text{Г} \end{bmatrix}$
5. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{Н} \\ \text{С} \end{Bmatrix} & \begin{Bmatrix} \text{П} \\ \text{Н} \end{Bmatrix} \\ \text{П} & \text{П} \end{bmatrix}$	12. $\left[\text{П} \quad \text{Г} \right]$
6. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{Ч} \\ \text{С} \end{Bmatrix} & \text{С} \end{bmatrix}$	13. $\left[\text{П} \quad \text{Г} \right]$
7. $\begin{bmatrix} \begin{Bmatrix} \text{Н} \\ \text{П} \end{Bmatrix} & \text{Ч} \end{bmatrix}$	14. $\left[\text{С} \quad \text{Г} \right]$

Среди разных составов компонентов в синтагмах, служащих выражению какого-то одного определенного вида семантико-синтаксических отношений, некоторые составы могут быть выделены с учетом первичных валентных свойств частей речи как наиболее типичные для данного вида. Так, для объектного отношения наиболее типично быть представленным составом СГ, для атрибутивного отношения — составом ПС, для обстоятельственного — составами НГ и СГ, для признакоопределятельного — составом НП, для прецедентного — составом НЧ, для компаративного составом СП, для присвязочно-квалификативного и комплетивно-квалификативного — составами СГ и ПГ.

В порядке дальнейшей конкретизации приведенной классификации важно отметить следующие моменты.

1. Обстоятельственное отношение в синтагмах с глаголом как главенствующим компонентом предстает по преимуществу или как собственно-обстоятельственное (см., например, *per par carhmā* 'влезать на дерево', *pīche phirmā* 'поворачивать назад'), или как определительно-обстоятельственное (см., например, *dhyān se dekhnā* 'смотреть внимательно', *dhī-me se kahnā* 'говорить тихо').

2. Среди синтагм, характеризующихся атрибутивным отношением между их компонентами — именами существительными, особое место занимают синтагмы, которые могут быть охарактеризованы как субъектно-атрибутивные (см., например, *mahārāj kā iṣārā* 'знак, поданный махараджей', *ḍāktar kī hidāyat* 'наставление доктора', *mazdūrō kī unnatī* 'прогресс рабочих'), и противопоставляемые им синтагмы, которые можно назвать объектно-атрибутивными и распределить в зависимости от лексического значения главенствующего компонента (имя действия или имя деятеля) по двум разрядам (см., например, *garībō kī sahāyatā* 'помощь бедным', *deś kī rakṣā* 'защита страны', с одной стороны, и *śānti kā samarthak* 'сторонник мира', *mazdūr kā rakṣak* 'защитник рабочего человека', — с другой)³.

3. Вне круга охваченных предложенной классификацией синтаксических единиц оказались: (а) соединения слов, опирающиеся на индивидуальное лексическое значение одного из слов, например, *adhik yuktisangat* 'более логичный', *zyādā tez* 'более острый', *kam kuṣal* 'менее квалифицированный', 'обладающий низкой квалификацией', где слова *ad-*

³ Так, О.Г.Ульциферов среди 11 разновидностей словосочетаний "существительное+существительное" с послелогом-транспозитором *kā*, сопровождающим зависимый компонент, различает "субстанциальные по-сессино-агентивные словосочетания" [66, с.68] и "субстанциальные объектные словосочетания" [66, с.76]. Вообще же о семантическом многообразии синтагм отмеченного строения (С + *kā* + С) можно судить по тому, что те из них, компоненты которых представлены только конкретными именами существительными, поддаются разбиению, как это показано на материале урду в работе Г.М.Дашенко, на 17 семантических классов [22].

hik и *zuāda* 'большой/больше', 'большой/много', 'значительный/значительно', сочетаясь с прилагательным, выступают как показатели повышенной степени обозначенного прилагательным качества, а слово *kam* 'меньший/меньше', 'малый/мало' — как показатель пониженной степени качества; (б) соединения слов, опирающиеся на индивидуальный случай употребления одного из слов, например, *pacāw ek* 'около пятидесяти', где числительное *ek* 'один', следуя за другим числительным, служит для выражения значения приблизительного количества, *koṭ oār* 'около четырех', где для выражения того же значения служит местоимение *koṭ*, используемое перед числительным в качестве особой частицы со значением "около" (семантически эти соединения слов примыкают к синтагмам, характеризующимся прецедентным отношением); (в) соединения, основанные на повторе одного и того же слова, например, *lambe-lambe [bāl]* 'длинные-длинные [волосы]', *korā kā korā* 'глупый-преглупый', *baṭe se baṭā* 'наибольший', *ek se ek* букв. 'один из одного' в значении "исключительно" (см., например, *ek se ek bar-hiyā* 'исключительно хороший', 'лучший из лучших', где сочетание-повтор *ek se ek* предстает как зависимый компонент синтагмы, семантически примыкающей к синтагмам, характеризующимся признакоопределятельным отношением), *kam se kam* 'самое меньшее', 'по крайней мере' (см., например, *kam se kam wāṛhe tīn* 'по крайней мере три с половиной', где сочетание-повтор *kam se kam* предстает как зависимый компонент синтагмы, примыкающей к синтагмам, характеризующимся прецедентным отношением); (г) специализированные местоименные сочетания (в том числе и основанные на повторе), например, *saḥ koṭ* 'все', 'каждый', *har koṭ* 'любой', 'всякий', 'каждый', *koṭ na koṭ* 'кто-либо', 'кто-нибудь', *koṭ ek* 'кто-то', *saḥ kuch* 'все', *kuch na kuch* 'что-либо', 'что-нибудь', *kuch kā kuch* 'совсем другой', *kuch ek* 'несколько', 'некоторые', *ek na ek* 'всякий', *har ek* 'всякий', 'каждый', *ek dūsre ko* 'один другого'; (д) сочетания двух числительных, обозначающих близкие величины, — *pāc-sāt* 'пять-семь', *bīs-paccīs* 'двадцать — двадцать пять'.

4. Позиция зависимого компонента в синтагмах с главенствующим компонентом-прилагательным, характеризующихся признакоопределятельным отношением, а также в синтагмах с главенствующим компонентом — глаголом, характеризующихся обстоятельственным отношением, и в синтагмах, характеризующихся прецедентным отношением, является такой позицией, в которой противопоставление между прилагательным и наречием, будучи снятым в плане содержания, не находит внешнего выражения в той мере, в какой употребляемые в качестве зависимого компонента слова обходятся без форм словоизменения и/или без словообразовательных примет определенной части речи (см., например, *pihāyat dilcasp* 'чрезвычайно интересный', *khūb samajhnā* 'хорошо понимать', *kul sāt hazār* [66, с.313] 'всего семь тысяч').

5. То или иное семантико-синтаксическое отношение, существующее между компонентами синтагм, может быть положено в основу наименования соответствующих синтагм, в связи с чем становится возможным говорить об объектных, атрибутивных, обстоятельственных, признакоопределятельных и других синтагмах (см. выше перечень 14 видов семантико-синтаксических отношений), а при учете состава их компонентов — об объектных синтагмах структуры СГ, атрибутивных синтагмах структуры ПС, обстоятельственных синтагмах структуры НГ, признакоопределятельных синтагмах структуры ПП и т.п. (см. выше упоминание о 46 видах синтагм и таблице 1).

К 14 видам синтагм, различающимся между собой характером передаваемых семантико-синтаксических отношений, целесообразно добавить в качестве еще одного вида, по счету 15-го, *аппозитивные* синтагмы — паратактические или оформленные особыми служебными словами (в частности, пояснительными союзами) соединения существительных или их функциональных эквивалентов (т.е. субстантивированных слов, каковыми могут быть прилагательные, числительные и, разумеется, местоимения), относимых к одному и тому же референту (предмету, лицу и т.п.): *sikkā arthāt mudrā* 'монета, т.е. металлический денежный знак', *Rāmeśvar yā Rām* 'Рамешвар, или [просто] Рам', *Bholārām urf Bholū* 'Бхоларам, или [просто] Бхолу' ('Бхоларам, по кличке Бхолу'), *Raśīd kalaṅgar* 'лудильщик Рашид', *sipahsālār Jaysinh* 'военачальник Джайсинх', *dāktar Dev* 'доктор Дэв', *paṇḍit Śāḍrām* 'пандит Шадирам', *inspektar Balvantsinh* '[полицейский] инспектор. Балвантсинх', *śrīmatī Cōpṛā* 'госпожа Чопра', *Lāhaur nagar* 'город Лахор', *Yamunā nadī* 'река Джамна', *sunār-larḱā* 'мальчик-ювелир', *musalmān kirāedār* 'съемщики-мусульмане', *ham garīb* 'мы, бедняки', *ham mard* 'мы, мужчины' [см., например, *ham mardō kā kām* (S, TY, 255) 'занятие для нас, мужчин'], *ve tīṇō* 'они трое' ('они втроем'), *tū khud* 'ты сам', *māī svayam* 'я сам', *banīyā āp hī* 'лавочник сам же'.

Своеобразие аппозитивных синтагм заключается в том, что связь, объединяющая их компоненты, предстает как подчинение (как правило, с детерминацией идентификации, основанной на различении идентифицирующего и идентифицируемого членов, или с детерминацией включения класса предметов в другой класс либо какого-нибудь определенного элемента в класс, опирающейся на различение включающего и включаемого членов) в форме сочинения⁴.

⁴ Вот почему в языкознании традиционной точке зрения, согласно которой аппозиция (приложение) рассматривается в кругу средств выражения атрибутивных (определятельных) отношений, противостоит взгляд на аппозицию как на частный случай реализации сочинительной связи [11, с.123; 105, с.185]. Применительно к хинди такой взгляд нашел отражение в работе О.Г.Ульциферова, где аппозитивные соединения слов оставлены без рассмотрения согласно утверждению, что "соединения слов, возникающие на основе сочинительных отношений, не относятся к строю словосочетаний" [66, с.10]. Следует заметить, что

СИНТАГМЫ С ЗАВИСИМЫМ КОМПОНЕНТОМ —
НЕФИНИТНОЙ ФОРМОЙ ГЛАГОЛА

Особого внимания заслуживают не рассмотренные выше подчинительные синтагмы с компонентами — нефинитными формами глаголов, в которых та или иная нефинитная форма выступает в качестве зависимого компонента.

К нефинитным формам глагола языка хинди относятся:

(1) инфинитив, внутри которого, взятого как нечто целое, формально различаются герундиальный, супинный и герундивный инфинитивы; (2) причастия — имперфективное, перфективное и процессивное; (3) глагольное прилагательное, т.е. особого рода причастное образование с суффиксальной морфемой *-vālā*, присоединенной к инфинитиву (супинному); (4) деепричастие; (5) герундий. Все они могут выступать в качестве зависимых компонентов подчинительных синтагм, и для всех них характерна способность играть роль главенствующего компонента синтагмы.

Проявляясь как отглагольное имя, герундиальный инфинитив служит зависимым компонентом:

а) объектных синтагм с главенствующим компонентом — глаголом, например, *batānā bhūl jānā* 'забыть сообщить', *parhnā jānā* 'уметь читать', *lene par tulnā* 'собираться взять', *larne se rokṇā* 'удерживать от сражения', *hatāne ko kaṇṇā* 'велесть убрать' (ср. объектные синтагмы структуры СГ);

б) объектных синтагм с главенствующим компонентом — прилагательным, например, *larne ko taiyār* 'готовый сражаться', *rāgne mē līn* 'поглощенный покраской', *āne se khus* 'довольный приездом', *dikhāne ke kābīl* 'достойный [того, чтобы самому] показать', *sosne kā āḍ* 'привыкший думать' (ср. объектные синтагмы структуры СП);

в) объектных синтагм с главенствующим компонентом — существительным, например, *karne mē sankoc* 'стыд от совершения (букв. в совершении)', *sikhne se cīṛh* 'недовольство учением' (ср. объектные синтагмы структуры СС);

г) обстоятельственных синтагм с главенствующим компонентом — глаголом, например, *āne ke bād baithnā* 'сидеть после прихода', *anurodh karne par bhī nahī lenā* 'не брать, несмотря на просьбу' (ср. обстоятельственные синтагмы структуры СГ);

д) атрибутивных синтагм, например, *āne kā vādā* 'обещание прийти', *lene kā irādā* 'намерение взять', *dekhne kī utkaṇṭhā* 'желание видеть', *dene kī māṅ* 'требование предоставить', *kaṇne kī āvaśyaktā* 'необходимость сказать', *urṇe ke ghaṇṭe* 'часы полета' [66, с.163], *tairne kā tā-lāb* 'плавательный бассейн' [в подобных синтагмах инфинитива]

в рамках традиционной точки зрения отсутствует в ряде случаев ясность по поводу того, какое из слов считать зависимым (определяющим, модифицирующим), а какое — главенствующим [29, с.290; 112, с.39].

нитив сопровождается послелогом-транспозитором *kā* (*kī*, *ke*)⁵;

е) присвязочно-квалификативных синтагм, например, *mānā honā* букв. 'быть верить' [*dekho Rāmālāi, hamārā kām netāo kā kahā mānā hai* (G, DR, 31) 'Смотри, Рамлал! Наше дело верить словам руководителей'], *bhejne kā honā* букв. 'быть отправления' [... *unkī icchā tumhē yahā bhejne kī na thī* (P, N, 100) '... у нее не было никакого желания (букв. ее желание не было) отправить тебя сюда'], *chūtne ko honā* 'быть готовым вот-вот отправиться' [*tren chūtne ko thī...* (N, D, 56) 'Поезд готов был вот-вот отправиться...']⁶;

ж) комплетивно-квалификативных синтагм, например, *nichāvar karnā kahā* букв. 'называть жертвовать' [*aisā be-lauz ādmī ham ne nahī dekhā; dūstre par apne ko nichāvar karnā isī ko kahte hāī!* (BG, S, 151) 'Такого бескорыстного человека я не видел. Это называется (букв. это называют) жертвовать собой ради других'] (ср. комплетивно-квалификативные синтагмы структуры СГ).

Супинный инфинитив служит зависимым компонентом:

а) обстоятельственных синтагм, в которых главенствующий компонент бывает представлен глаголом — обычно глаголом движения или перемещения (при этом внутри супинного инфинитива как инфинитива со значением цели можно различать инфинитив субъектный и инфинитив объектный), например, *khelne jānā* 'идти играть', *choṛne ānā* 'приходить провожать', *nahāne calā jānā* 'уходить купаться', *paṛhne baithnā* 'садиться читать', *ṭahalne le jānā* [66, с. 263] 'водить гулять', *lene bhejnā* 'посылать взять';

б) объектных синтагм с главенствующим компонентом — прилагательным, принадлежащим к закрытому списку прилагательных, например, *rāne yogya* 'достойный [того, чтобы самому] получить', *dekhne kābīl* 'достойный [того, чтобы быть осмотренным]', 'достойный созерцания';

в) объектных синтагм с главенствующим компонентом — глаголом *kahā* 'говорить' (> 'обещать'), например, *dene kahā* 'обещать отдать' [*tum ne ūkh perkar rupae dene kahā thā* (P, G, 155) 'Ведь ты же обещал отдать деньги сразу же после выжимки сахарного тростника'].

⁵ Конкретные смысловые связи между компонентами таких синтагм в рамках устанавливаемого атрибутивного отношения различны. См. по данному вопросу работу О.Г.Ульциферова [66, с.158—164].

⁶ В первом из примеров инфинитив в форме на *-nā* занимает при связке то место, которое отводится в присвязочно-квалификативных синтагмах именам существительным в форме прямого падежа; во втором примере инфинитив, сопровождаемый послелогом-транспозитором *kā* (*kī*, *ke*), занимает место имен существительных с тем же послелогом-транспозитором или имен прилагательных. В третьем примере употребление инфинитива, сопровождаемого послелогом *ko*, в присвязочной позиции имеет специфический характер в связи с указанием на действие, осуществление которого представляется немедленным.

Кроме того, супинный инфинитив служит зависимым компонентом ряда особых синтагм, которые можно условно называть *инцептивными, акквизитивными, пермиссивными* и *проспективными*⁷, а именно синтагм, в которых роль главенствующего компонента играет один из следующих глаголов:

глагол *lagṇā* 'быть приложенным', 'прикладываться' (> 'приниматься', 'начинать'), например, *gone lagṇā* 'заплакать', 'начинать плакать', *likhne lagṇā* 'начинать писать'⁸;

глагол *pāṇā* 'получать' (> 'получать разрешение', 'получать возможность' с оттенком значения "удаваться" или "успевать"), например, *nahī jāne pāṇā* 'не получать разрешения идти', *raḥne nahī pāṇā* 'не получать возможности учиться', *na bītnē pāṇā* 'не успеть пройти' (о времени);

глагол *denā* 'давать' (> 'разрешать', 'позволять', 'предоставлять возможность'), например, *na nikalne denā* 'не позволять выходить', *ghuṣne nahī denā* 'не давать проникнуть', *utārne denā* 'позволять снимать';

глагол *jāṇā* 'идти', 'уходить' (> 'собираться', 'быть на пути к скорому осуществлению'), например, *kaḥne jāṇā* 'собираться сказать', *sunāne jāṇā* 'собираться рассказать' (ср. 'идти сказать', 'идти рассказывать' применительно к случаю с *jāṇā* как глаголом движения, выступающим в качестве главенствующего компонента обстоятельственной синтагмы).

Герундивный инфинитив может быть расценен как альтернатива герундиального инфинитива на *-nā* (т.е. герундиального инфинитива в форме прямого падежа) в синтагмах, составляющих определенную часть сферы употребления последнего в качестве зависимого компонента, а именно в объектных синтагмах с главенствующим компонентом — глаголом, например: *māgnī cāhnā* (ср. *māgnā cāhnā*) 'хотеть просить' [*māī ne kṣamā māgnī cāhī ...* (S, TY, 80)] 'Я хотела было попросить прощения ...', *denī samajhnā* (ср. *denā samajhnā*) букв. 'считать дать' [*Candra ne Nīrā ke dehānt kī sūcnā sab se pahle mā ko denī ucit samjhī* (G, DR, 297)] 'Сообщить (букв. дать сообщение) о кончине Нире Чандра счел уместным прежде всего матери'].

Однако можно считать допустимой и другую трактовку герундивного инфинитива как зависимого компонента синтагм, а именно трактовку, непосредственно вытекающую из понимания герундивного инфинитива как герундива, т.е. в значении причастия долженствования. Согласно такой

⁷ Ср. термины "инцептивный", "акквизитивный" и "пермиссивный", использованные для обозначения отдельных разрядов "сложных глаголов" [111, с. 267–268].

⁸ См., однако, синтагму, в которой в качестве главенствующего компонента выступает *jut jāṇā* 'взяться', 'приняться', а именно синтагму *dekhne jut jāṇā* (*dekhne jut gayā*) следующего предложения: *zatānā ... paye vijñān kā samatkār dekhne jut gayā* (AN, S, 314) 'Мир ... принялся смотреть на чудо новой науки'.

трактровке, герундивный инфинитив двух приведенных выше примеров предстает в качестве зависимого компонента комплетивно-квалификативных синтагм: [*kṣamā*] māgnī cāh-nā 'хотеть [прошение] таким, которое нужно просить', [*sūcā*] denī [*ucit*] samajhnā 'считать /сообщение уместно/ таким, которое надлежит дать' (соответственно *kṣamā cāhnā* и *sūcā denā* должны быть восприняты как объектные синтагмы).

Такой подход к герундивному инфинитиву открывает возможность рассматривать его также в качестве зависимого компонента а) присвязочно-квалификативных и б) спецификативных синтагм:

а) milnī ho jānā 'становится таким, которое должно быть получено', 'становиться подлежащим получению' [*... gāv mē majūrī milnī bhī kaṭhin ho gayī* (P, G, 182) '... в деревне стало трудно даже жалованье получить' (букв. '... в деревне жалованье даже таким, которое должно быть получено, трудно стало')], kāṭnī ho jānā 'становиться такими, которые предстоит проводить' [*... Dillī mē ye do mahīnō kī chuttiyā bhī kāṭnī dūbhar ho jāī hāī* (PL, 110) '... в Дели становится тяжело проводить даже эти двухмесячные каникулы' (букв. '... в Дели даже эти двухмесячные каникулы такими, которые предстоит проводить, тяжки становятся')];

б) paṇī śurū ho jānā 'начаться таким (в качестве такого), который должен наступить' [*thand paṇī śurū ho gāī thī ...* (RY, S, 50) 'Уже начало холодать ...' (букв. 'Холод таким, который должен наступить, начался ...')], kaṇī ānā 'даваться (приходить) такими, которые следует говорить' [*sentimental bātē mujhe kaṇī hī nāhī ātī, Gaurājī* (Aj, N, 258) 'Совсем я не умею, Гаура, говорить сентиментальности' (букв. 'Сентиментальности мне такими, которые следует говорить, не даются, Гаура-джи')].

Возможен и третий подход к трактровке герундивного инфинитива как зависимого компонента синтагм, заключающийся в том, чтобы, исходя из факта согласования герундивного инфинитива с именем существительным, рассматривать его в качестве зависимого компонента особого рода атрибутивных синтагм, что применительно к приведенным выше примерам-предложениям выглядит следующим образом: *kṣamā māgnī* 'прошение, которое нужно просить', *sūcā denī* 'сообщение, которое надлежит дать', *majūrī milnī* 'жалованье, которое должно быть получено', *chuttiyā kāṭnī* 'каникулы, которые предстоит проводить', *thand paṇī* 'холод, который должен наступить (наступление которого следует ожидать)', *bātē kaṇī* 'вещи, которые следует говорить'. Такого рода атрибутивные синтагмы было бы проще назвать герундивными синтагмами, имея при этом в виду (помимо того, что зависимый компонент представлен герундивным инфинитивом) такие их особенности, как употребление имени существительного — главенствующего компонента только в форме прямого падежа и постпозиция зависимого компонента относительно главенствующего.

Причастиям свойственно выступать в качестве зависимого компонента следующих синтагм:

а) атрибутивных, например, *uṭṭī bhāp* 'поднимающийся пар', *āyī striyā* 'прибывшие женщины', *likhī pustakē* 'написанные книги', *[inām] pāyā huā larākā* 'получивший [премию] мальчик', *[kaprā] rahne striyā* 'одетые женщины', *paṛ rahī būde* 'падающие капли';

б) обстоятельственных с главенствующим компонентом — глаголом, например, *sakucāte hue pūchmā* 'смущаясь, спрашивать', *lete hue dekhmā* 'смотреть лежа', *baithī tāknā* 'сидя [глядеть]' (о женщине), *[ākhē] mūde socnā* 'думать, закрыв глаза', 'думать с закрытыми глазами' (ср. обстоятельственные синтагмы структуры НГ и структуры ПГ);

в) присвязочно-квалификативных, например, *so gaye mālum honā* 'казаться уснувшими', *ghūmtā huā lagnā* 'казаться вращающимся', *bichā huā honā* 'быть расстеленным', *likhā huā honā* 'быть написанным', *[jaiket]* rahne hue honā 'быть в жакете' (букв. '[жакет] надевши, быть' 'быть с надетым жакетом'), *[dilcasprī] le rahā pratī honā* 'казаться проявляющим [интерес]' (ср. присвязочно-квалификативные синтагмы структуры ПГ);

г) комплетивно-квалификативных, например, *[dhūl] urṭī huī dekhmā* 'видеть [пыль/клубящейся]', *[dūdh] bikhrā huā pānā* 'обнаруживать [молоко] разлитым', *[Mohan ko] sahme hue dekhmā* 'видеть [Мохана] напуганным', *[use] jātā huā dekhmā* 'видеть [его] идущим', 'смотреть, как [он] идет', *[hāth] barhāye rakhmā* 'держать [руку] протянутой', *[rājā ko kafnī] bādhe dekhmā* 'видеть [раджу] облаченным [в балахон]', *[use] phēkī huī pānā* 'обнаруживать [ее] брошенной', *[avhelnā] ho rahī dekhmā* 'видеть [пренебрежение] имеющим место' (ср. комплетивно-квалификативные синтагмы структуры ПГ);

д) спецификативных, например, *jātā mil jānā* 'встретиться идущим', *cartā huā nazār ānā* 'появляться пасущимся', *raṁgā huā ānā* 'являться [будучи] пойманным' (ср. структуру ПГ спецификативных синтагм).

Итак, использование причастий в качестве зависимых компонентов синтагм сопоставимо с использованием прилагательного в синтагмах с главенствующим компонентом — существительным или глаголом, а также с использованием наречия в синтагмах с главенствующим компонентом — глаголом.

Следует особо отметить атрибутивные синтагмы типа *āte vakt* 'во время прихода', *lauṭī velā* 'во время возвращения', где какой-то определенный отрезок времени характеризуется путем указания на приуроченное к нему действие, выраженное глаголом, стоящим в форме причастия (имперфективного).

Важно подчеркнуть, что в качестве зависимого компонента обстоятельственных синтагм причастие (имперфективное, перфективное) может служить базой абсолютных причастных оборотов.

Глагольное прилагательное выступает в качестве зависимого компонента:

а) в атрибутивных синтагмах, например, *āne vāle yātrī* 'прибывающие путники', *[baksā] dhone vālā ādmī* 'человек, несущий [ящик]', *bolne vālī gurīyā* 'говорящая кукла';

б) в присвязочно-квалификативных синтагмах, приобретающих, как правило, семантические черты "перспективных" синтагм (см. выше с.105), например, *šurū hone vālā honā* 'быть готовым немедленно начаться', *lauṭne vālā honā* 'быть готовым немедленно возвратиться', 'собираться возвратиться'.

Деепричастие расценивается как зависимый компонент обстоятельственных синтагм с главенствующим компонентом — глаголом: *ghūmkar dekh lenā* 'повернувшись, посмотреть', *[kusang mē] raṅkar bigaṛnā* 'портиться, попав [в дурную компанию]'. Оно может служить при этом базой абсолютных деепричастных оборотов.

Кроме того, деепричастие (в своей краткой форме) выступает в качестве зависимого компонента особых синтагм, каковыми являются синтагмы с главенствующим компонентом — глаголом *saknā* 'мочь', 'быть в состоянии' и *suknā* 'кончаться', 'оканчиваться': *jā saknā* 'иметь возможность идти', 'быть способным идти', *jā suknā* 'уже уйти'.

Синтагму, образуемую герундием совместно с глаголом *cāhnā* 'хотеть', 'желать' как главенствующим компонентом, можно условно назвать дезидеративной⁹, не оставляя, однако, без внимания ее семантическое сходство с "перспективной" синтагмой: *āyā cāhnā* 'быть готовым немедленно прийти', *baṛjā cāhnā* 'вот-вот прозвенеть'¹⁰.

СИНТАГМЫ С ГЛАВЕНСТВУЮЩИМ КОМПОНЕНТОМ — НЕФИНИТНОЙ ФОРМОЙ ГЛАГОЛА

Среди субъектных и объектных синтагм существуют такие подчинительные синтагмы, специфика которых определяется вхождением в их состав нефинитной формы в качестве главенствующего компонента.

К субъектным синтагмам такого рода принадлежат:

а) синтагмы с главенствующим компонентом — герундиальным инфинитивом, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямого падежа, — *sṭṭē milnā* 'получение мест' (букв. 'места доставаться'), *yu-*

⁹ Ср. термин "дезидеративные сложные глаголы" [111, с.266].

¹⁰ С упором на семантику можно говорить о "перспективных" синтагмах четырех видов, а именно: *bolne ko honā* (присвязочно-квалификативная синтагма, с зависимым компонентом — герундиальным инфинитивом), *bolne jānā* (собственно "перспективная" синтагма), *bolnevālā honā* (присвязочно-квалификативная синтагма с зависимым компонентом — глагольным прилагательным), *bolā cāhnā* ("дезидеративная" синтагма).

nivarsitī khulne [*ke din*] '[дни] открытия университета', *sūraj* dūbne mē 'при заходе солнца' (поскольку существительное выступает здесь как аналог подлежащего, связанного со сказуемым — финитным глаголом, такие синтагмы можно считать полупредикативными);

б) синтагмы с главенствующим компонентом — герундальным инфинитивом, в которых зависимый компонент представлен именем существительным или его местоименным субститутом с послелогом-транспозитором *kā* либо притяжательным местоимением, — *kukīrti ke mitne mē* 'при исчезновении дурной славы', *mahilā ke [śor]* mācāne par 'после того как женщина подняла (поднимет) [крик]', *dil kā calnā* 'биение сердца', *unkā ghūmnā* 'его блуждание', *ākramankā-kriyā kā [āge]* barhnā 'продвижение захватчиков [вперед]', *merā [pahār]* jānā 'моя поездка [в горы]' (такие синтагмы удобно назвать атрибутивно-субъектными, имея в виду их противопоставленность, с одной стороны, полупредикативным синтагмам, только что отмеченным выше, и, с другой — субъектно-атрибутивным синтагмам, выделяемым внутри атрибутивных синтагм структуры СС; см. выше с.100);

в) синтагмы с главенствующим компонентом — герундальным инфинитивом, не характеризующимся формой инактивного залога, в которых зависимый компонент оформлен послелогом [*ke*] *dvārā* 'посредством', 'при помощи', 'через', *kendra dvārā [yah uttardāyitva]* chor dene par 'после отказа центра [от этой ответственности]', *lekhaḥ dvārā [sammelan mē bhāg lene]* ānā 'приезд писателя [для участия в конференции]';

г) синтагмы с главенствующим компонентом — перфективным причастием переходного глагола, в которых зависимый компонент представлен именем существительным или его местоименным субститутом с послелогом-транспозитором *kā* либо притяжательным местоимением, — *bāḍṣāh kī māgāi huī [vastu]* 'заказанная императором [вещь]', *dādā-pardādā ke banvāye [makān]* 'возведенные предками [строения]', *unhī kī lagāyī huī [āg]* 'ею же разведенный [огонь]', *merī likhī [pustakē]* 'написанные мной [книги]';

д) синтагмы с главенствующим компонентом — перфективным причастием непереходного глагола, выступающим как аналог зависимого компонента атрибутивной синтагмы, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямого падежа, — *surtā lagī [ākhe]* 'подведенные сурьмой [глаза]' (букв. 'сурьма-прилипшие глаза' в смысле "глаза, к которым пристала сурьма"), *pānī parī huī [vākh]* 'облитый водой пепел' (букв. 'вода-попавший пепел' в смысле "пепел, на который попала вода"), *konā-muṛā [pannā]* 'страница с загнутым углом' (букв. 'угол-загнувшаяся страница' в смысле "страница, у которой загнулся угол");

е) синтагмы с главенствующим компонентом — причастием (имперфективным, перфективным), являющимся базой абсолютного причастного оборота, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямо-

го падежа, — *[pahḷā] mahīnā guzarte hī* 'сразу же по истечении [первого] месяца', *[ādhi] rāt bīte* 'по истечении [полу]ночи';

ж) синтагмы с главенствующим компонентом — причастием (имперфективным, перфективным), являющимся базой абсолютного причастного оборота, в которых зависимый компонент представлен именем существительным или его местоименным субститутом с послелогом-транспозитором *kā* в форме *ke* либо притяжательным местоимением (в форме на *-e*), — *khirkī ke khulte hī* 'как только открылось (откроется) окно', *Latikā ke [khirkī] kholte hī* 'как только [окно] открыла (откроет) Латика', *mere bolte hī* 'как только я сказал (скажу)', *hamāre rahte* 'пока мы живы', *mere gae bhī* 'несмотря на мой плач', *binā āpke āye hue* 'без вашего прихода';

з) синтагмы с главенствующим компонентом — деепричастием, являющимся базой абсолютного деепричастного оборота, в которых зависимый компонент представлен именем существительным, стоящим в форме прямого падежа, — *rāt bītkar* 'по прошествии ночи', *sardī lagkar* 'от холода', 'от простуды' (букв. 'холод пристав').

Говорить о субъектных синтагмах с главенствующим компонентом — герундивным инфинитивом, а именно инфинитивом, согласованным с именем субъекта соответствующего действия, допустимо лишь в том случае, если герундивный инфинитив расценивать как альтернант герундиального в синтагмах, отмеченных выше в п. "а", — *sītē milnī* (= *sītē milnā*) 'получение мест', *majūrī milnī* 'получение жалованья'. [Такая оценка герундивного инфинитива противостоит второму и третьему подходам к трактовке этой глагольной формы как зависимого компонента синтагм, упомянутым выше (см. с. 105–106).]

Выше уже говорилось, что субъектные синтагмы, отмеченные в п. "а", могут квалифицироваться как синтагмы полупредикативные. К числу полупредикативных синтагм можно отнести также и синтагмы, отмеченные в п.п. "д", "е", "з", так как в них, как и в синтагмах пункта "а", имя субъекта обозначенного нефинитным глаголом действия характеризуется формой прямого падежа, т.е. формой, свойственной имени, выступающему в роли подлежащего при сказуемом — финитном глаголе (иначе говоря, формой, которой бывает представлено имя, являющееся компонентом предикативной синтагмы). Согласно иной точке зрения, которая базируется на положении, что в таких синтагмах связь между компонентами имеет двустороннюю направленность, синтагмы всех четырех пунктов подлежат включению в ряд *содиагматических* синтагм [23].

Своеобразие субъектных синтагм, отмеченных в п. "ж", состоит в том, что в них главенствующий компонент, представленный причастием, приобретает черты имени действия (помен actionis) и сближается функционально с герундиальным инфинитивом определенных синтагм, входящих в число субъектных синтагм пункта "б" (*khirkī ke khulte hī* ≡ *khirkī ke khulne par*).

Предложенному выделению субъектных синтагм пункта "г" может быть противопоставлена точка зрения, согласно которой в тех случаях, когда причастие сопровождается именем объекта соответствующего действия, их именной компонент следовало бы считать принадлежащим другим синтагмам, а именно зависимым компонентом атрибутивных синтагм с главенствующим компонентом — существительным, помещенным после причастия, уже связанного с данным существительным на основе атрибутивного отношения: *bādśāh kī [māgāī huī] vastu* букв. 'императора [заказанная] вещь', *dādā-pardādā ke [banvāye] makān* букв. 'предков [возведенные] строения', *unhī kī [lagāyī huī] āg* букв. 'ее же [разведенный] огонь', *merī [likhī] pustakē* букв. 'мой [написанные] книги'. В тех же случаях, когда за причастием следует связочный глагол, подобный именной компонент можно было бы принять за зависимый компонент присвязочно-кваликативных синтагм с главенствующим компонентом — связочным глаголом, помещенным после причастия, уже объединенного со связкой на основе присвязочно-кваликативного отношения: *[vastu] bādśāh kī [māgāī huī] hai (honā)* и т.п. Такой же ход рассуждения можно распространить и на комплетивно-кваликативные синтагмы применительно к тем случаям, когда за причастием следует переходный глагол типа *samajhnā* 'думать', 'считать', *batānā* 'сообщать', 'провозглашать' и т.п.

Фактически же значение агенсности, благодаря которому последовательность слов "имя + *kā* + причастие" принимается за субъектную синтагму, есть функция семантического взаимодействия слов как зависимых компонентов синтагм с общим главенствующим компонентом, влекущего перестройку подчинения из радиального в последовательное (о радиальном и последовательном подчинении см. ниже). См., например, сочетание слов *bādśāh kī māgāī huī vastu*, где набор синтагм *māgāī huī vastu* и *bādśāh kī māgāī huī* противостоит "изначальный" набор синтагм *māgāī huī vastu* и *bādśāh kī vastu*.

К объектным синтагмам, специфика которых как подчинительных определяется вхождением в их состав нефинитной формы в качестве главенствующего компонента, принадлежат:

а) синтагмы с главенствующим компонентом — герундиальным инфинитивом в форме инактивного залога, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямого падежа (такие синтагмы могут быть расценены как полупредикативные на том основании, что существительное в них выступает как аналог подлежащего, связанного со сказуемым — финитным глаголом, — *pyāī dīyā jāne par* 'после вручения чашки', *[do sau] logō ke māre jāne [kī āsankā]* '[опасение, что] погибло [двести] человек';

б) синтагмы с главенствующим компонентом — герундиальным инфинитивом (в том числе с герундиальным инфинитивом в форме инактивного залога), в которых зависимый компонент, обозначающий имя объекта соответствующего действия, сопровождается послелогом-транспозитором *kā*,

например: *praśnō kā tālnā* 'уклонение от ответа на вопросы' (см. *tālnā* 'отодвигать', 'отстранять'), *āgrezī kā paṛhṇā* 'изучение английского языка' (см. *paṛhṇā* 'изучать'), *unkā phēk diyā jānā* 'их сбрасывание' ('их участь быть сброшенными'; см. *phēk denā* 'сбросить'); *kaīmpō ke tōṛ diye jāne [ke virodh mē]* '[против] разрушения лагерей' (см. *tōṛ denā* 'разрушить'); такие синтагмы являются объектными синтагмами особого рода, а именно атрибутивно-объектными синтагмами.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ И РАДИАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

В речевой цепи одно и то же слово может быть компонентом более чем одной синтагмы. Это наблюдается в случаях последовательного и радиального подчинения. При последовательном подчинении определенный компонент выступает как главенствующий по отношению к одному синтаксически связанному с ним слову и как зависимый по отношению к другому слову. Так, например, в сочетаниях слов *koṭ. javāb denā* 'давать какой-либо ответ', *halvāī kī dukān par pahūcṇā* 'добираться до лавки кондитера', *bāglā bolnevālī kaśmīrīn* 'говорящая по-бенгальски кашмирка', *barānde ke farś kā sīmenṭ* 'цемент пола веранды' каждое из таких слов, как *javāb* 'ответ', *dukān* 'лавка' с послелогом *par*, *bolnevālī* 'говорящая', *farś* 'пол' с послелогом-транспозитором *kā*, выступает как главенствующий компонент по отношению к предшествующему слову и как зависимый компонент по отношению к последующему, в связи с чем выделяются синтагмы: *koṭ javāb* 'какой-либо ответ', *javāb denā* 'давать ответ'; *halvāī kī dukān par* 'до лавки кондитера' (ср. *halvāī kī dukān* 'лавка кондитера'), *dukān par pahūcṇā* 'добираться до лавки'; *bāglā bolnevālī* 'говорящая по-бенгальски', *bolnevālī kaśmīrīn* 'говорящая кашмирка'; *barānde ke farś kā* 'пола веранды' (ср. *barānde kā farś* 'пол веранды'), *farś kā sīmenṭ* 'цемент пола'. Нередко на основе последовательного подчинения возникают последовательности слов, содержащие более одного члена, обладающего качеством главенствующего компонента одной синтагмы и зависимого компонента другой, например: *kaī viśvavidyālayō ke kām se sambaddha kām* 'связанная с работой нескольких университетов деятельность', *ghirtī sājh ke ākāś ke paṭ par* 'на фоне неба опускающихся сумерек', *uṣī rāt dekhe hue film kā varṇan kartā* 'давать (букв. делать) описание просмотренного тем же вечером фильма', где отмеченным качеством обладают слова *sambaddha* 'связанный', *kām* 'работа' (с послелогом *se*), *viśvavidyālay* 'университет' (в форме косвенного падежа множественного числа с послелогом-транспозитором *kā > ke*); *paṭ* 'фон' (с послелогом *par*), *ākāś* 'небо' (с послелогом-транспозитором *kā > ke*), *sājh* 'вечер', 'сумерки' (с послелогом-транспозитором *kā > ke*); *varṇan* 'описание', *film* 'фильм' (с послелогом-транспозитором *kā*), *dekha hūā* 'просмотренный' (в форме косвенного падежа мужского ро-

да, отражающей грамматическую характеристику существительного *film*). Словопорядок в речевой цепи, образованной последовательным подчинением, определяется принципом расположения зависимого компонента перед господствующим.

При радиальном подчинении определенный компонент выступает в качестве главенствующего по отношению к нескольким (двум и более) словам, не объединенным между собой сочинительной связью. Так, например, в сочетаниях слов *tamāśāiyō ko ṭikaṭ bāṭnā* 'раздавать зрителям билеты', *Gaurā se Bhuvan kā paricay* 'знакомство Бхувана с Гаурой', *jārō kī udās sandhyā* 'унылый зимний вечер', *sāvadhānī se āine ke sāṁme ākkō mē surmā sajanā* 'подводить перед зеркалом глаза сурьмой', таким качеством обладают слова *bāṭnā* 'раздавать' (см. синтагмы *ṭikaṭ bāṭnā* 'раздавать билеты' и *tamāśāiyō ko bāṭnā* 'раздавать зрителям'), *paricay* 'знакомство' (см. синтагмы *Bhuvan kā paricay* 'знакомство Бхувана' и *Gaurā se paricay* 'знакомство с Гаурой'), *sandhyā* 'вечер' (см. синтагмы *udās sandhyā* 'унылый вечер' и *jārō kī sandhyā* 'зимний вечер'), *sajanā* 'подводить' (см. синтагмы *surmā sajanā* 'подводить сурьмой', букв. 'сурьму наносить', *ākkō mē sajanā* 'подводить глаза', букв. 'наносить в глаза', *āine ke sāṁme sajanā* 'подводить перед зеркалом', *sāvadhānī se sajanā* 'подводить тщательно').

При радиальном подчинении зависимые компоненты разных синтагм, имеющих общий главенствующий компонент, оказываются дифференцированными в плане грамматической семантики, что обнаруживается в области синтаксических связей слов. Эта дифференциация зависимых компонентов сказывается на их взаимном расположении относительно друг друга в рамках предложений, и ей свойственно получать эксплицитное выражение в их различном оформлении (см., например, выше *tamāśāiyō ko* и *ṭikaṭ* в *tamāśāiyō ko ṭikaṭ bāṭnā*, *Gaurā se* и *Bhuvan kā* в *Gaurā se Bhuvan kā paricay*).

Последовательное и радиальное подчинение могут дополнять друг друга в ходе развертывания речевой цепи, например: *jangal ke arddha prakāśit ādhare mē rāstā dḥūṛhṇā* 'искать дорогу в полутьме (букв. в полуосвещенной темноте) леса' (здесь прослеживаются две линии последовательного подчинения, а именно: *jangal ke arddha prakāśit ādhare mē dḥūṛhṇā* 'искать в темноте леса' и *arddha prakāśit ādhare mē dḥūṛhṇā* 'искать в полуосвещенной темноте', и два узла радиального подчинения, а именно: *ādhare mē rāstā dḥūṛhṇā* 'искать дорогу в темноте' с главенствующим компонентом *dḥūṛhṇā*, общим для двух синтагм, и *jangal ke arddha prakāśit ādhare mē* букв. 'в полуосвещенной темноте леса' с главенствующим компонентом *ādhare mē* 'в темноте', общим тоже для двух синтагм); *dīye kī battī ke pās jaltī huī mācis ko baṛhānā* 'подносить горящую спичку к фитилю светильника' (здесь две линии последовательного подчинения, а именно: *jaltī huī mācis ko baṛhānā* 'подносить горящую спичку' и *dīye kī battī ke pās baṛhānā* 'подносить к фитилю светильника', исходя из одного и того же узла радиального подчинения: *battī ke pās mācis*

ko baṛhānā 'подносить спичку к фитилю'); *peṛ kī ṭahnī ko cā-kū se chīlkar choṭī-sī bēt banā lenā* 'изготовить небольшую трость, обстругав ножом ветку дерева' (здесь прослеживаются три линии последовательного подчинения, а именно: *choṭī-sī bēt banā lenā* 'изготовить небольшую трость', *peṛ kī ṭahnī ko chīlkar banā lenā* 'изготовить, обстругав ветку дерева', *cākū se chīlkar banā lenā* 'изготовить, обстругав ножом', и два узла радиального подчинения, а именно: *chīlkar bēt banā lenā* 'изготовить трость, обстругав' и *ṭahnī ko cākū se chīlkar* 'обстругав ножом ветку').

Следует отметить, что радиальное подчинение проявляется не только тогда, когда синтагмы различаются семантико-синтаксически, как это имеет место в следующем примере: *skūl mē urdū paṛhnā* 'изучать урду в школе', где *urdū paṛhnā* 'изучать урду' — объектная синтагма, *skūl mē paṛhnā* 'изучать в школе' — обстоятельственная синтагма. Поскольку при одном и том же семантико-синтаксическом отношении семантические связи между словами бывают различными, постольку радиальное подчинение проявляется также в рамках одного и того же семантико-синтаксического отношения, например объектного (*tamāśāiyō ko ṭikaṭ bātnā* 'раздавать зрителям билеты') или атрибутивного (*vīṇā kā madhur svar* 'нежный звук вины', *apnī sālānā chuṭṭī* 'свой отпуск за год', *purānā sāptāhik samācār-patra* 'старая еженедельная газета'). В таком примере, как *purānā sāptāhik samācār-patra* 'старая еженедельная газета', однородность семантико-синтаксического отношения (в данном случае атрибутивного) синтагм *sāptāhik samācār-patra* и *purānā samācār-patra* нарушается тем, что слово *purānā* 'старый' относится по смыслу к *sāptāhik samācār-patra* 'еженедельная газета'.

КОМБИНАЦИИ ПОДЧИНТЕЛЬНОГО И СОЧИНТЕЛЬНОГО ВИДОВ СВЯЗИ

В языке хинди, как и в других языках, встречаются различные комбинации подчинения и сочинения, например: *īṭ aur patthar ke ṭukṛe* 'куски кирпича и камня', *Gulābkhā kī izzat, śuhrat aur dāulat* 'честь, слава и богатство Гулабхана', *apne kamre kī sīlan aur ṭhaṇḍ se bacnā* 'спасаться от сырости и холода своей комнаты', *pairō kī cāp aur lālṭen kī roṣnī se cākūkar jāgnā* 'внезапно (букв. вздрогнув) просыпаться от звука шагов и света фонаря', *tathya aur satya ke बारे में Candramādhav aur Bhuvan kī rāy* 'мнение Чандрамадхава и Бхувана относительно факта и истины'. В первом из примеров группа слов, объединенная сочинением, а именно *īṭ aur patthar* 'кирпич и камень' (с послелогом-транспозиторм *kā > ke*), занимает место "слуги", зависимость от одного "хозяина" (*ṭukṛe* 'куски'); во втором примере объединенная сочинением группа слов (*izzat, śuhrat aur dāulat* 'честь, слава и богатство') занимает место "хозяина", которому подчинен один "слуга" (*Gulābkhā kī* 'Гулабхана'); в третьем примере объединенная сочинением группа слов,

а именно *sīlan aur thand* 'сырость и холод' (с послелогом *se*), занимает место компонента, главенствующего по отношению к предшествующему ей знаменательному слову (*kamre* 'комната', см. *kamre kī* 'комнаты') и зависимо от следующего за ней слова (*baṇā* 'спасаться'); в четвертом примере каждое из слов, связанных между собой сочинением, т.е. *cār* 'звук [шагов]' и *roṣṇī* 'свет' (с послелогом *se*), имеет при себе своего "служу" (соответственно *pairō kī* букв. 'ног' и *lālṭen kī* 'фонаря'), но вся группа, объединенная сочинением, занимает место компонента, зависимо от своего "хозяина" (*jāgnā* 'просыпаться'); в пятом же из примеров на базе одного главенствующего компонента (*rāy* 'мнение') осуществляется радиальное подчинение двух объединенных сочинением словесных групп (*Candramādhav aur Bhuvan kī* 'Чандрамадхава и Бхувана' и *tathya aur satya ke bāre me* 'относительно факта и истины').

В различных комбинациях подчинения и сочинения слова, объединяемые между собой сочинительной связью, выступают в качестве зависимых компонентов, характеризующихся одинаковым в семантико-синтаксическом плане отношением к одному и тому же главенствующему слову, или в качестве главенствующих компонентов, характеризующихся одинаковым отношением к одному и тому же зависимому слову. Так, например, в сочетании слов *īṭ aur patthar ke ṭukre* 'куски кирпича и камня' выделяются равнозначные в семантико-синтаксическом плане синтагмы *īṭ ke ṭukre* 'куски кирпича' и *patthar ke ṭukre* 'куски камня', имеющие один и тот же главенствующий компонент (*ṭukre* 'куски'), а в сочетании слов *kamre kī sīlan aur thand* 'сырость и холод комнаты' налицо две равнозначные синтагмы *kamre kī sīlan* 'сырость комнаты' и *kamre kī thand* 'холод комнаты', располагающие одним и тем же зависимым компонентом (*kamre kī* 'комнаты'). Приминительно к двум отмеченным (в известной мере полярным) случаям возникает необходимость терминологически разграничивать между собой *дивергентное* (расходящееся из одной точки)¹¹ и *конвергентное* (сходящееся в одной точке) подчинение.

Слова, объединенные сочинительной связью со значением перечисления, могут вступать в аппозитивное отношение с обобщающим их словом, например: *Raṇakī aur Pūraṇand*

¹¹ Таким образом, дивергентное подчинение, в противоположность радиальному (см. выше), имеет дело с зависимыми компонентами синтагм, в семантико-синтаксическом плане друг от друга не отличающимися. Ср., например, *dhān aur lakṣī dhonā* 'перевозить рис и древесину', с одной стороны, и *tamāṣāiyō ko ṭikaṭ bāṭnā* 'раздавать зрителям билеты' — с другой. Оба этих подчинения подводятся под традиционное понятие *соподчинения*: в одном случае однородного, в другом — неоднородного. Если мы отвлечемся от признака семантико-синтаксической равнозначности/неравнозначности зависимых компонентов синтагм как признака, положенного в основу разграничения дивергентного и радиального подчинения, то соответствующие понятия окажутся одинаковыми по объему.

donḍ 'Паунаки и Пуранчанд — оба', *Īhardvār, Ṛsikeś, Mathurā, Vṛndāvan, Banāras, Jagannāth — sab sthānō mē* 'в Хардваре, Ришिकеше, Матхуре, Вриндаване, Бенаресе, Джаганнатхе — во всех местах'. Тем самым так называемые перечисляющие приложения, взятые в совокупности, в аппозитивной синтагме предстают как единый ее компонент и находятся вне сферы как дивергентного, так и конвергентного подчинения.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОСЛОВНЫХ СТРУКТУР

Выше говорилось о синтагмах как бинарных структурах, состоящих из двух знаменательных слов. Однако следует считаться с факторами, ведущими к формированию структур, содержащих более двух знаменательных слов.

Одним из таких факторов служит отмеченное выше (см. с. 114) несоблюдение однородности в рамках определенного семантико-синтаксического отношения. Так, например, тот факт, что в последовательности слов *purānā sāptāhik samācār-patra* 'старая еженедельная газета' или *pratyek kālī ghaṭā* 'каждое темное облако' слово *purānā* относится по смыслу к *sāptāhik samācār-patra* 'еженедельная газета', а слово *pratyek* — к *kālī ghaṭā* 'темное облако', мог бы служить основанием для утверждения, что в каждом из случаев на месте двух двусловных синтагм (*sāptāhik samācār-patra* и *purānā samācār-patra* — в одном случае, *kālī ghaṭā* и *pratyek ghaṭā* — в другом случае) выступает лишь по одной такой трехсловной структуре, бинарность которой обусловлена делением по непосредственно составляющим с границей между первым и вторым словами (*purānā|sāptāhik samācār-patra* и *pratyek|kālī ghaṭā*).

Другой фактор — это использование определенного слова в качестве зависимого компонента одной синтагмы при условии его вхождения на правах главенствующего компонента в состав другой. Например, в таких последовательностях слов, как *pāc gailon petṛol* 'пять галлонов бензина', *chaḥ rattī sonā* 'шесть ратти золота', *das borā sīment* 'десять мешков цемента', *cār ghare pānī* 'четыре кувшина воды', *tīn joṛī ākhē* 'три пары глаз', *tīn kanyā santān* 'потомство, состоящее из трех дочерей', существительное в форме прямого падежа единственного или множественного числа, служащее названием единицы измерения (см. *gailon* 'галлон', *rattī* 'ратти') или приобретающее значение такой единицы (см. *borā* 'мешок', *gharā* 'кувшин', *joṛī* 'пара' и даже *kanyā* 'девочка', 'дочь'), выступает как зависимый компонент квантитативных синтагм структуры СС (*gailon petṛol*, *rattī sonā*, *borā sīment*, *ghare pānī*, *joṛī ākhē*, *kanyā santān*), однако это обусловлено его вхождением в квантитативные синтагмы структуры ЧС (*pāc gailon*, *chaḥ rattī*, *das borā*, *cār ghare*, *tīn joṛī*, *tīn kanyā*). Поэтому можно допустить, что в каждом из отмеченных случаев две двусловные синтагмы,

репрезентирующие последовательное подчинение, уступают место одной трехсловной структуре, бинарность которой базируется на делении по непосредственно составляющим с границей между вторым и третьим словами (*pāc gaillon | petrol, chah rattī | sonā, das borā | śīmeṭ, cār ghare | pānī, tīn jorī | ākhē, tīn kānyā | santān*)¹².

Подобным же образом дело обстоит со случаями типа *das fuṭ ṭcā* 'высотой в десять футов', букв. 'десять футов вы-сокий' (*das fuṭ | ṭcā*), где на базе последовательного подчинения различимы две синтагмы: признакоопределятельная структуры СП (*fuṭ ṭcā*) и количественная структуры ЧС (*das fuṭ*).

Третий фактор — семантическое несоответствие компоненту синтагмы другого ее компонента, обусловленное ролью последнего в другой синтагме, куда он входит, будучи общим компонентом двух синтагм. Например, в последовательности слов типа *rang urā lahāgā* 'вылинявшая юбка' (букв. 'цвет-улетучившаяся юбка' в смысле 'юбка, цвет которой улетучился, стал блеклым') слову *lahāgā* 'юбка' как главенствующему компоненту атрибутивной синтагмы семантически не соответствует представленный причастием компонент *urā* (образование *urā lahāgā*, взятое само по себе, означало бы 'улетевшая юбка', *urmā* 'летать', 'исчезать', 'улетучиваться') в силу того, что данное причастие входит на правах главенствующего компонента в субъектную синтагму, а именно в синтагму *rang urā* 'такой, чей цвет улетучился' (> 'блеклый', 'вылинявший', 'бледный'). Наблюдаемое в плане семантики нарушение линии последовательного подчинения может служить основанием для утверждения, что в подобных случаях на месте двух двусловных синтагм, имеющих общий компонент, появляется одна трехсловная структура, бинарность которой базируется на делении по непосредственно составляющим с границей между вторым и третьим словами (*rang urā | lahāgā*). Фактически же первое из непосредственно составляющих (т.е. субъектная синтагма) может быть подвержено процессу лексикализации, превращения в сложное слово, процессу, с завершением которого связано появление в хинди таких прилагательных, как *dum-kaṭā* 'куцый', *man-calā* 'легкомысленный', *mūh-jalā* 'низкий', 'подлый'.

Еще один фактор — это наблюдающееся в аппозитивных синтагмах распространение детерминации идентификации или детерминации включения на многословные образования: *miṣṭar Varmā fāreṣṭ āfisar sāhab* 'мистер Варма — чиновник департамента лесов', *Mahīcan Raiḍās kī betī Mālārī* 'дочь Махичана Райдаса [по имени] Малари', *prakhyaṭ frānsīsī upa-nyāskār Alegzaindar Dyūmā* 'знаменитый французский романист Александр Дюма'.

¹² Существует, однако, точка зрения на такие трехсловные структуры как на характеризующиеся аппозитивным отношением [98, с. 444].

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОЙ СИНТАГМЕ

Различным видам подчинительных синтагм противопоставляются *предикативные синтагмы*, т.е. синтагмы, семантически-синтаксическое отношение в которых раскрывается как приписывание определенного признака предмету и актуализация представления о данном признаке в плане категорий модальности и времени. Каждая предикативная синтагма служит конституированию элементарного предложения (самостоятельного предложения или части сложного, каковой может быть главное предложение, придаточное предложение, часть сложносочиненного предложения). Ей имплицитно дается двусоставность предложения, и каждый из ее двух компонентов предстает как вершина разворачивания подчинительной связи на участке речевой цепи, ограниченном рамками элементарного предложения.

Одним из двух компонентов предикативной синтагмы бывает глагол в финитной форме, взятый сам по себе или, если он является связочным (включая случаи его сочетания с прилагательным — модификатором связки при манифестации модально-связочного отношения), вместе с зависимым компонентом присвязочно-квалификативной синтагмы. Другой компонент предикативной синтагмы представлен именем существительным или его местоименным субститутотом (равно как любым субстантивированным словом) в форме прямого падежа или в послеложно-падежной форме с послелогом *ne*. Свойство быть компонентом предикативных синтагм присуще герундиальному инфинитиву в форме на *-nā*. Трактовку же герундивного инфинитива как компонента предикативных синтагм следует считать допустимой лишь в том случае, если исключается возможность его рассмотрения в качестве зависимого компонента присвязочно-квалификативных и спецификативных синтагм и в качестве зависимого компонента особого рода атрибутивных синтагм (см. выше, с.106).

Не будучи связочным, финитный глагол обозначает в силу присущего ему лексического значения процессуальный (динамический) признак, приписываемый в рамках предикативной синтагмы предмету, и актуализирует своей формой времени и/или наклонения представление о данном признаке. Таким образом, две линии предикативного отношения, а именно приписывание признака предмету и актуализация представления о данном признаке в плане категорий модальности и времени, исходят в случаях с несвязочным финитным глаголом из слова-глагола как из одной точки.

В случаях же со связочным глаголом последний призван лишь актуализировать своей формой представление о признаке (непроцессуальном), получающем выражение в слове — зависимом компоненте присвязочно-квалификативной синтагмы. Тем самым две линии предикативного отношения, отмеченные выше, как бы существуют отдельно одна от другой, соединяя с именем предмета, которому приписывается актуализованный признак, в одном случае глагол-связку, а в

другом случае присвязочный член. Поэтому точке зрения на присвязочно-квалификативную синтагму как на единый компонент предикативной синтагмы может быть противопоставлена точка зрения, согласно которой каждый из компонентов присвязочно-квалификативной синтагмы является одновременно компонентом своей предикативной синтагмы из числа двух синтагм (актуализирующей и признаконаделяющей) с общим компонентом-именем, дифференцированных в рамках единого семантико-синтаксического отношения, а именно — предикативного.

Место каждого из двух компонентов предикативной синтагмы может быть занято группой слов, объединенных сочинением, чем обуславливается наличие предложений с однородными главными членами: подлежащими и/или сказуемыми.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И СПОСОБЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВ

Для обеспечения выражения синтаксических связей слов и для передачи многообразия семантико-синтаксических отношений между ними язык хинди использует разные средства, способные на том или ином участке речевой цепи дополнять друг друга, а именно: (а) словопорядок, т.е. взаимное расположение слов относительно друг друга; (б) служебные слова, как-то: послелого, послеложные частицы-транспозиторы, союзы и частицы; (в) формы знаменательных слов и некоторых служебных слов (например, послелога-транспозитора *kā* и послеложных транспозиторов); (г) интонацию [77, с.7].

СЛОВОПОРЯДОК И ЕГО РОЛЬ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВ

Основные принципы, определяющие словопорядок, соответствующий конситуативной нейтральности высказываний на языке хинди, сводятся к следующим:

1) зависимый компонент подчинительной синтагмы предшествует главенствующему компоненту;

2) финитный глагол (сам по себе или же в сочетании с зависимым компонентом присвязочно-кваликативной синтагмы) выступает как заключительный компонент предикативной синтагмы и отделяется от ее компонента, находящегося на первом месте, теми словами, с которыми он (равно как и предикатив) сочетается в качестве вершины развертывания подчинительной связи.

Именно словопорядком создаются способы синтаксической организации слов, при реализации которых качество какого-либо слова как компонента, зависимого от другого компонента (или, шире, синтаксически связанного с другим компонентом), определяется исключительно или преимущественно его позицией по отношению к последнему.

Здесь следует различать следующие явления:

1) позиционное примыкание слова, когда то или иное слово обходится без формы словоизменения, выбор которой был бы зависим от оформления и/или грамматических (в пла-

не дифференциации граммем) свойств другого определенно-го слова, т.е. без формы, которая выступала бы как обусловленная связью данного слова с другим определенным словом, например, *āsān nāstā* 'легкий путь' (атрибутивная синтагма структуры ПС), *tīn sāl* 'три года' (квантитативная синтагма структуры ЧС), *sarvathā nirāśrit* 'совсем беззащитный' (признакоопределятельная синтагма структуры НП), *sarvatra ākarṣak* 'везде притягательный' (обстоятельственная синтагма структуры НП), *lag-bhag pa-cās* 'приблизительно пятьдесят' (прецизентная синтагма структуры НЧ), *turant kaṇṇā* 'говорить немедленно' (обстоятельственная синтагма структуры НГ), *pramukhtam lek-hak* 'виднейший писатель' (атрибутивная синтагма структуры ПС, в которой форма превосходной степени прилагательного не отражает ни родовой принадлежности существительного, ни его падежной формы, ни формы числа), *do ruālī dūdh* 'две чашки молока' (трехкомпонентное образование с двухступенчатым примыканием, возникшее на базе двух квантитативных синтагм), *das fuṭ ūcā* 'высоту в десять футов' (трехкомпонентное образование с двухступенчатым примыканием, возникшее на базе двух синтагм — квантитативной и признакоопределятельной) ;

2) позиционное примыкание словоформы, наделенной особым значением, на основе семантической избирательности со стороны связанных с ней слов, а именно — (а) формы на -ō числительных, служащей для передачи значения собирательности (либо замкнутой совокупности), неопределенной множественности или приблизительного количества в квантитативных синтагмах структуры ЧС, например, *tīnō bhāt* 'трое братьев', *bārahō mahīne* 'все двенадцать месяцев', 'круглый год', *lākhō janatā* 'сотни тысяч людей', *hazārō log* 'тысячи людей', *bīsō gārīyā* 'десятка два повозок'; (б) формы на -ō (т.е. формы косвенного падежа множественного числа в именной парадигме), отличающейся значением неопределенной множественности у существительных счетно-числовой семантики — первых компонентов квантитативных синтагм структуры СС, например, *bīsīyō ḍabbe* 'десятки (букв. двадцатки) банок', *saikṛō musāfir* 'сотни путешественников', *darjānō bhāṣā* 'десятки (букв. дюжины) языков'; (в) той же формы, отличающейся тем же значением у существительных, выступающих в качестве названий единиц измерения, — первых компонентов квантитативных синтагм структуры СС, а также признакоопределятельных синтагм структуры СП и структуры СН, например, *ghaṭō pānī* '[целые] кувшины воды', 'не один кувшин воды', 'вода [целыми] кувшинами', *bīghō zamīn* 'бигхи земли', *mīlō gahrā* 'глубиной (букв. глубокий) в несколько миль', *koṣō dūr* 'на удалении во много косов';

3) позиционное примыкание деепричастия (деепричастной формы глагола), например, ... *ek mez ke pās jākar ba iṭṭh gayā* (MR, A, 194) '... подойдя к столу, сел', ... *vardī pahankar nikaḷtā* (Y, Dd, 22) '...появлялся, надев форму',

... *dāktar ke sir par hāth dharkar pūchā* (Y, Dd, 13) '...положив руку на голову доктора, спросила'¹;

4) стяжение слов (как правило, существительных), оцениваемое как результат грамматической компрессии, позволяющей обходиться без "морфологических и синтаксических показателей (послелогов и флексий)" связи слов [9, с. 41], например, *Bhārat sarkār* 'правительство Индии', *ḍīpāvalī viśeṣāṅk* 'специальный номер [журнала, посвященный празднику] дивали', *kṛṣi utpādan* 'сельскохозяйственное производство';

5) аппозитивное сложение слов, например, *śrīmatī Coprā* 'госпожа Чопра', *dhobī patī* 'муж-прачка', *Lāhaur nagar* 'город Лахор', *mitra tāgevalā* 'друг-извозчик';

6) изафетное объединение слов как результат реализации синтаксического приема, свойственного персидскому языку (сам изафет, этот морфологический показатель главенствующего компонента, занимающего в атрибутивной синтагме позицию перед зависимым компонентом, может и отсутствовать): *maidān-e jāng* 'поле боя' [*is maidān-e-jang mē* (NK, 1962, III, 47) 'на этом поле боя'], *zabān-e-mubārak* (AN, S, 400) 'благословенный язык', *kurān pāk* (NK, 1961, XII, 103) 'священный Коран';

7) аранжировка слов, зависимых на основе радиального подчинения от одного и того же слова — главенствующего компонента синтагм, что ниже иллюстрируется примерами —

(а) с главенствующим компонентом — именем прилагательным — *bṛhaspati se kāfī choṭā* 'значительно меньше Юпитера', 'значительно меньше, чем Юпитер', *pahle se kahī adhik balvān* 'намного могущественнее, чем прежде' (в каждом из примеров зависимый компонент компаративной синтагмы, а именно *bṛhaspati se* и *pahle se*, предшествует зависимому компоненту признакоопределяющей синтагмы, т.е. компоненту *kāfī* и *kahī*, причем во втором примере прилагательное осложнено выступающим непосредственно перед ним показателем повышенной степени качества — словом *adhik* 'большой/больше', 'большой/много' > 'более');

(б) с главенствующим компонентом — именем существительным —

¹ Деепричастие представляется нам идеально примакающей формой, во-первых, потому, что круг глаголов, способных сочетаться с ним, практически не ограничен (иначе можно было бы говорить о деепричастии как об управляемой форме), во-вторых, потому, что появление деепричастия как глагольной формы не предопределяется формой сочетающихся с ним глаголов (иначе можно было бы говорить о корреспонденции форм), и, наконец, в-третьих, потому, что деепричастие лишено морфологических показателей, способных отражать грамматические свойства имен (иначе можно было бы говорить о подверженности деепричастия согласованию и/или согласовательному управлению по категории рода).

(1) *laṛkī kā komal svar* 'нежный голос девушки' (зависимый компонент атрибутивной синтагмы, представленный существительным с послелогом-транспозитором *kā*, предшествует как носитель субстанционального значения² прилагательному, являющемуся тоже зависимым компонентом атрибутивной синтагмы);

(2) *merā bahādūr sipāhī* 'мой храбрый воин' (компонент атрибутивной синтагмы, представленный притяжательным местоимением, предшествует компоненту атрибутивной синтагмы, представленному прилагательным);

(3) *pāc lambī kahāniyā* 'пять длинных рассказов' (зависимый компонент количественной синтагмы предшествует прилагательному — зависимому компоненту атрибутивной синтагмы³);

(4) *gāv ke do-cār pavayuvak* 'несколько (букв. два-четыре) юношей деревни' и *śahar ke cand pratiṣṭhit log* 'несколько уважаемых жителей города' (значением субстанциональности, присущим зависимому компоненту атрибутивной синтагмы, представленному существительным с послелогом-транспозитором *kā*, предопределяется помещение данного компонента в позицию перед зависимым компонентом количественной синтагмы⁴);

(5) *tumhārī do ciṭṭhiyā* 'два ваших письма' (зависимый компонент атрибутивной синтагмы, выраженный притяжательным местоимением, предшествует зависимому компоненту количественной синтагмы);

(6) *merā cīnī silk kā slīping sūt* 'мой спальный костюм из китайского шелка', *apnī laṛkī kī bandūk* 'свое деревянное ружье' (употребление имени существительного с послелогом-транспозитором *kā* в качестве зависимого компонента атрибутивной синтагмы не препятствует тому, чтобы позицию перед ним занимало притяжательное место-

² Однако с появлением значения квалификативности вместо значения субстанциональности связана возможность употребления такого компонента в постпозиции относительно прилагательного, например, [*yah*] *būṛhā inśorens kā ejent* (NK, 1961, XII, 70) '[этот] старый страховой агент', *ek choṭā-sā pītal kā sandūk* (P, N, 167) 'небольшой латунный ящик' [ср. *pītal kā ek baṛā-sā loṭā* (Am, 11) 'довольно большой горшок из латуни', 'латунный большой горшок']. О "субстанциональности" и "квалификативности" как синтаксико-семантических признаках компонентов синтагм см. в диссертационной работе Г.М. Дашенко [22, с. 9–10].

³ Однако такие прилагательные, как *aglā* 'будущий', 'следующий', 'последующий' и *picḥlā* 'прошлый', 'истекший', 'минувший', выступают перед зависимым компонентом количественной синтагмы: *agle kāṭ dīn* 'несколько последующих дней', *picḥle tīn-cār mahīne* 'истекшие три-четыре месяца'.

⁴ Ср., однако, пример: *tīn-cār ūn ke gole* 'несколько (букв. три-четыре) клубков шерсти', где зависимый компонент атрибутивной синтагмы, утрачивая значение субстанциональности, следует за компонентом количественной синтагмы.

имение, относимое к тому же самому главенствующему компоненту).

Приведенные выше в п. "б" примеры при всей их показательности не дают, однако, полного представления о сложности вопроса порядка слов в группе существительного (т.е. в группе слов, в которой роль главенствующего компонента принадлежит имени существительному). При рассмотрении данного вопроса следует еще учитывать по крайней мере три фактора.

1. Первый из этих факторов — это использование в составе группы существительного местоименных детерминативов, в качестве типичных представителей которых выступают указательные местоимения общевыделительного типа: *vah* 'тот (та, то)' и *yah* 'этот (эта, это)', неопределенное местоимение *koī* в значении "какой-то" ("какой-либо", "какой-нибудь"), неопределенное местоимение *ek* 'один', 'какой-то' (< числительное *ek* 'один').

Прежде всего надо сказать, что для упомянутых указательных местоимений типична препозиция относительно зависимого компонента квантитативной синтагмы (в частности, числительного): *un tīn lāinō ko* (PL, 18) 'те три строки', *us ek paī hī mē* (NK, 1961, XII, 64) 'всего лишь за один тот миг', *ve do larke* (RY, S, 156) 'те два мальчика', *in tīnō sammān-patrō mē* (KC, G, 98) 'во всех этих трех приветственных адресах', *[pichle] in chaḥ varṣō mē* (NK, 1961, XII, 118) 'за эти [истекшие] шесть лет'.

По отношению же к притяжательным местоимениям и другим словам, в атрибутивных синтагмах обозначающим субъекта обладания (т.е. оформленным при помощи послелога-транспозитора *kā* указательным местоимением, местоимению *ap*, именам существительным), указательные местоимения-детерминативы, а также отмеченные выше неопределенные местоимения выступают, как правило, в постпозиции: *merā vah dost* (NK, 1961, XII, 126) 'тот мой друг' *ap kā yah choṭā-sā kaīmp* (Y, DB, 177) 'этот ваш небольшой лагерь', *bhaṭ-ṭīnī ke is dvidhāhīn, sankochīn spaṣṭa ādeś se* (HD, B, 262) 'от недвусмысленного, твердого и ясного указания брахманки', *mere in kuch śabdō mē* (NK, 1961, XII) 'в этих моих нескольких словах', *tumhārā koī patra* (S, TY, 114) 'какое-либо ваше письмо', *merī ek naī sajild kāpī* (NK, 1961, XII, 131) 'моя новая тетрадь в переплете'.

Таким образом, идеальная последовательность слов, зависимых от одного и того же существительного и представленных прилагательным, числительным, притяжательным местоимением (или функционально эквивалентной притяжательному местоимению именной формой с послелогом-транспозитором *kā*), а также местоимением-детерминативом, принимает следующий вид: *terī ye tīn dilcasp [kitābē]* 'эти твои (букв. твои эти) три интересные [книги]' или *sītā kī ye tīn dilcasp [kitābē]* 'эти три интересные [книги] Ситы'⁵.

⁵ Такой порядок следования зависимых компонентов "именной фразы" принимается за грамматически правильный и в языке урду [91].

В общем же отмеченные выше детерминативы способны занимать в группе существительного (в "именной фразе") позицию:

(а) впереди всех относимых к данному существительному и зависимых от него слов, например, *vahī adheṣ āyu kā ādmī* (NK, 1961, XI, 15) 'тот же человек среднего возраста', *vah sundar, udās ākhō vālī larṁī* (NK, 1962, VI, 61) 'та красивая, с печальными глазами девушка', *yahī bhaviṣya kī bhīṣaṇa cintā* (P, N, 178) 'эта же ужасная мысль о будущем', *yah būṛhā inśoreṇs kā ejeṇṭ* (NK, 1961, XII, 70) 'этот старый страховой агент', *koī baṛī āyu kī strī* (NK, 1961, XII, 118) 'какая-то пожилая женщина', *koī avakāś prāpta faujī afasar* (NK, 1962, II, 14) 'какой-нибудь отставной офицер', *ek adheṣ āyu kā ādmī* (NK, 1961, XI, 15) 'человек среднего возраста', *ek gol-maṭol, bhārī tōdvālā, nāṭa vyaktī* (NK, 1962, VI, 66) 'тучный, с большим животом, невысокий человек';

(б) непосредственно перед данным существительным — главенствующим компонентом синтагмы (синтагм), например, *udāsī aur vyathā kā yah jādū* (NK, 1962, II, 48) 'это волшебство печали и страдания', *bīc mē ā parne vālī is asuvidhā se* (Y, Dd, 80) 'из-за этого внезапно возникающего неудобства', *khūn kā koī bhī niśān* (BC, C, 28) 'хоть какой-нибудь след крови', *kainvas par banāyā gayā koī per* (MR, A, 71) 'какое-либо изображенное на холсте дерево', *Lakṣmī ke bāre mē praśnō kā ek jhūṇḍ* (PL, 19) 'целый рой вопросов о Лакшми', *ghūghrāle bālōvālā ek bālak* (NK, 1962, VI, 60) 'кудрявый мальчик';

(в) между словами — компонентами синтагм, зависимыми от данного существительного как главенствующего компонента, например, *sannyāsiyō kā vah choṭā-sā varga* (Am, 32) 'та небольшая группа аскетов', *Alkā kī in ras bharī bātō par* (Am, 56) 'на эти сладкие речи Алки', *saḥed mūchōvāle us vṛddha lekhaḥ ko* (NK, 1962, II, 92) 'этому старому писателю с семью усами', *kisī kī koī bahumūlyā vastu* (S, TY, 68) 'чья-либо драгоценная (букв. какая-нибудь драгоценная) вещь', *niyampūrvak kām karnevālā koī karmaṭh vyaktī* (NK, 1962, III, 35) 'какой-нибудь деятельный человек, регулярно занятый работой', *kaḥānīyō kī ek māmūlī pustak* (NK, 1962, VI, 61) 'обыкновенная книга рассказов', *ghūghrāle bālō vālā, śāyarānā ākhō vālā, rangīn buṣṣarṭ vālā, ek sundar, lambā-cauṇḍa navayuvak* (NK, 1961, XI, 4) 'красивый, породный юноша с кудрявыми волосами, с глазами поэта, в пестрой рубашке без рукавов'.

При реализации первой возможности сплоченность всех компонентов группы существительного получает внешнее синтаксическое выражение: зависимые компоненты такой группы (вместе со словами, в свою очередь зависимыми от

Ср., однако, точку зрения, согласно которой в хинди является одинаково допустимым любое (из двух) расположение "указательных и посесивных форм" относительно друг друга: *rājā ke ve larṁe* и *ve rājā ke larṁe* в значении "те сыновья раджи" [127, с. 116].

них) оказываются "помещенными в рамку", образуемую существительным, замыкающим в качестве главенствующего компонента всю группу, и детерминативом-местоимением, относящимся к данному существительному и отражающим в той или иной мере (это зависит от набора форм словоизменения) его грамматические свойства в плане выражения значений именных грамматических категорий⁶. Для иллюстрации в дополнение к уже помещенным выше примерам можно привести следующие примеры: *vah phaṭṭā phūḍḍār kannī kā mailā-sā kapre kā ṭukrā* (BC, C, 82) 'тот рваный, с цветочной каймой, замызганный кусок материи', *is ghaṇṭī, gahrī safedī me* (JK, S, 36) 'в этой густой, непроглядной белизне', *koī bhayānak, kālā-bhujang, badbūḍār mūh vālā moṭā seṭh* (NK, 1962, III, 114) 'какой-то страшный [на вид], совершенно черный, с дурным запахом из рта, толстый купец', *kisī aṇṇāt prāṇāntak bhay kī or* (Y, Dd, 9) 'навстречу (букв. в сторону) какому-то неведомому смертельному страху', *ek halkā bhūre rang kī reṣṇī sārī* (Am, 55) 'легкое, коричневое шелковое сари', *ek choṭa-sā pāc-chaḥ gharō kā purkā* (P, G, 101) 'крохотная деревушка из пяти-шести домов'.

Реализация второй возможности отвечает принципу максимальности ясности в выражении связи между данным существительным, являющимся вершиной всей группы существительного, и его детерминативом, а следовательно, принципу преодоления той двусмысленности в понимании группы существительного, которая могла бы иметь место в определенных случаях дистантного расположения детерминатива относительно данного существительного (а именно, в случаях наличия между детерминативом и данным существительным другого существительного) и была бы препятствием на пути универсального использования самой этой группы. Например, позиция детерминативов в таких группах существительного, как *Aṣok ke is praśna par* (Am, 15) 'на этот вопрос Ашоки' и *miḍil skūl kī ek ghaṭṇā* (BG, S, 72) 'событие (одно из событий), случившееся в средней школе (относящееся ко времени учебы в средней школе)', исключает возможность понимания этих групп (в отличие, допустим, от *is Aṣok ke praśna par* и *ek miḍil skūl kī ghaṭṇā*) также и в смысле "на вопрос этого Ашоки" и "событие, случившееся в одной из средних школ". Ср. такую группу существительного, как *us bārīk frem ke caṣṇevālī ārtiṣṭ se* (NK, 1962, III, 103) 'с той артисткой в очках с изящной оправой', где (в отличие, скажем, от *bārīk frem ke caṣṇevālī us ārtiṣṭ se*) нет формальных препятствий для понимания в смысле "с артисткой в очках с той изящной оправой", а правильное понимание подсказывается

⁶ Об обрамлении как способе "спланировать, консолидировать группу существительного, превращая ее в грамматическое единство", см. в работе В.А.Чернышева [77, с.13-14], где за средства обрамления принимаются помимо указательных местоимений не сами существительные, а их флексии и послелоги.

контекстом. Позиция детерминатива обеспечивает универсальность использования (использования в разных окружениях) такой группы существительного, как *amerikan jāśūsī upayās kī koī blaik-melar* (NK, 1962, II, 50) 'какая-то контрабандистка из американского детективного романа' (например, *amerikan jāśūsī upayās kī kisī blaik-melar se* 'с какой-то контрабандисткой из американского детективного романа'), тогда как появление того же детерминатива (*koī*) на первом месте в группе (см. *koī amerikan jāśūsī upayās kī blaik-melar*) воспрепятствовало бы универсальности в ее употреблении, поскольку в *kisī amerikan jāśūsī upayās kī blaik-melar se* заключался бы скорее всего смысл "с контрабандисткой из какого-то американского детективного романа".

Реализация третьей возможности внешне предстает как средний путь между двумя полярными явлениями, рассмотренными выше. Воплощаясь, по сути дела, в частичном обрामлении зависимых от существительного слов, она тем самым служит дифференциации внерамочных и внутрирамочных компонентов в группе существительного. При этом детерминативам отводится роль сигналов того, что каждый внерамочный компонент оказывается связанным с данным существительным лишь через свое отношение по смыслу к сочетанию, состоящему из этого существительного и внутрирамочного компонента (внутрирамочных компонентов)⁷.

В случаях реализации второй и третьей возможностей в препозиции относительно детерминативов обычно встречаются (помимо притяжательных местоимений и их функциональных эквивалентов, для которых такая препозиция, как отмечалось выше, является правилом) существительные, осложненные послеложными транспозиторами (например, *kā, vālā*), и такие нефинитные глагольные формы, как глагольное прилагательное (инфинитив на *-ne + vālā*) и причастия (примеры см. выше)⁸.

2. Второй фактор, с которым надо считаться при рассмотрении вопроса о словопорядке в группе существитель-

⁷ В соответствии со сказанным такая группа существительного, как, например, *sannyāsiyū kā vah choṭa-sā varga* (Am, 32) 'та небольшая группа аскетов', должна считаться соотнесенной на парадигматической оси с такой предикативной единицей, как *vah choṭa-sā varga sannyāsiyū kā hai* 'Та небольшая группа есть [группа] аскетов', в качестве отражения (или проекции) последней.

⁸ Указанные нефинитные формы нередко предшествуют также числительным и существительным собирательно-числовой семантики: *hāphte-khāste tīn vṛddha* (NK, 1961, XII, 25) 'три задыхающихся и кашляющих старика', *sādhū kahlāne vāle chappan lākh logō mē* (Am, 31) 'среди пяти миллионов шестисот тысяч человек, зовущихся садху', *inspektar kī batāyī huī tīnō fahristē* (BC, C, 36) 'оба списка, затребованных инспектором', *cahcahātī huī kheltī kūdtī darjanō laṛkiyā* (NK, 1961, XII, 25) 'десятки (букв. дюжины) щебечущих и резвящихся девушек'.

ного, — это способность слов, непосредственно зависимых от данного существительного, подчинять себе другие слова и являться, таким образом, главенствующими компонентами синтагм, образованных внутри данной группы существительного (причем та или иная линия последовательного подчинения может быть продолжена и дальше). Действие этого фактора, ведущее к усложнению всей группы существительного, иллюстрируют многие из уже приведенных выше примеров. Взаимное расположение слов в синтагмах "второго яруса" (равно как и "третьего яруса" и других последующих ярусов в случае продления линии последовательного подчинения), возникающих внутри группы существительного, определяется тем общим принципом, согласно которому зависимый компонент предшествует в синтагме главенствующему. В результате расположенными в определенной последовательности оказываются внутри группы существительного не просто однословные компоненты, зависящие от данного существительного, а сочетания слов, возникшие на базе распространения этих компонентов зависимыми от них (подчиненными ими) лексическими единицами. Так, например, в *uske jīvan kī sab se barī abhilāṣā* (NK, 1961, XII, 26) 'самое большое желание в его жизни' такими сочетаниями (синтагмами "второго яруса", противопоставляемыми синтагмам "первого яруса", т.е. *jīvan kī abhilāṣā* 'желание в жизни' и *barī abhilāṣā* 'большое желание') являются *uske jīvan kī* 'в его жизни (букв. его жизни)' и *sab se barī* 'самое большое'. Зависимые компоненты синтагм "первого яруса", т.е. слова, подчиненные непосредственно существительному — вершине группы существительного, перемежаются с зависимыми компонентами имеющихся синтагм "второго яруса". [См. положение компонента *sab se* (зависимого компонента синтагмы "второго яруса") между *jīvan kī* и *barī*, а также положение компонента *jīvan kī* (зависимого компонента синтагмы "первого яруса") и соответственно главенствующего компонента синтагмы "второго яруса") между *uske* и *sab se*.]

3. Третий фактор — это тенденция к такому расположению зависимых компонентов внутри группы существительного, при котором более простой по строению и/или составу единице (имеется в виду и отдельное слово в том или ином его грамматическом оформлении, и словосочетание, состоящее из непосредственно подчиненного существительному компонента и зависимых от него слов, и сочетание слов, объединенных сочинительной связью) "отводится" место после более сложной единицы, т.е. ближе к существительному или непосредственно перед существительным — вершиной группы существительного. Действие этого фактора можно наблюдать в следующих примерах: *muḥ se bahut chotā merā bhāī* (Nn, 1969, V, 77) 'намного уступающий мне по возрасту мой брат', *cāḍī ke rang vālā pānī kī caṣmā* (NK, 1961, XI, 43) 'водный источник цвета серебра', *ek gol-maṭol, bhārī tōḍvālā, nāṭā vyakti* (NK, 1962, VI, 66) 'тучный, с большим животом, невысокий человек', *bahut hī*

būṛhe-būṛhe, bare-bare, beḍaul ām ke per (BG, S, 729) 'много старых-престарых, больших-пребольших, корявых манговых деревьев'.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ РОЛЬ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Огромная роль в обеспечении синтаксической связи полноточных слов принадлежит таким служебным словам, как *послелого* и *послелогные частицы-транспозиторы*. Эти служебные слова являются элементами оформления имен существительных (отчасти числительных) и субстантивных местоимений при включении последних в речевую цепь в качестве единиц, связанных определенными отношениями (грамматическими, смысловыми) с другими словами, т.е. в качестве единиц, которые проявляют себя как компоненты синтагм, передающих определенные семантико-синтаксические отношения, и/или как носители определенных функциональных значений уровня смысловой структуры предложения и вместе с тем как единицы грамматического (конструктивно-синтаксического) уровня предложения, или члены предложения.

Будучи показателями синтаксической зависимости существительных и субстантивных слов, послелого обслуживают в плане содержания сферу выражения субъектно-объектных отношений и широкую сферу различного рода конкретных обстоятельственных (в том числе "локальных" в смысле "относящихся к пространству и времени" [42, с.319]) значений⁹.

В связи с существующим делением послелогов на первообразные (простые) и производные (сложные) важно отметить, что выражение субъектно-объектных отношений не обходится в хинди без первообразных послелогов (см., в частности, послелого *ne, ko, se*), тогда как производные послелого призваны в большей мере отвечать необходимости выражать разнообразные обстоятельственные значения.

Из высказанного положения отнюдь не следует, что употребление первообразных послелогов вообще исключено в сфере выражения обстоятельственных значений и что производным послелогам вообще чужда способность служить передаче значений, раскрываемых только в сфере субъектно-объектных отношений. Сошлемся, в частности, на

⁹ Некоторые из послелогов способны вносить дополнительные конкретизирующие оттенки в значение наречий и их субститутов, например: *āj tak* 'до сегодняшнего дня' (*āj* 'сегодня'), *vaḥā se* 'оттуда' (*vaḥā* 'там'). Отдельные послелого могут выступать также в качестве вторичного показателя адвербиализации изменяемого прилагательного, например: *dhīme se* 'тихо' (*dhīmā* 'тихий'), *akele mē* 'наедине' (*akelā* 'одинокий').

такие языковые факты: (а) преимущественное употребление таких первообразных послелогов, как *tak* 'до', *par* 'на', *mē* 'в', в "локальных" функциях, например, *steṣaṇ tak* 'до станции', *saṛakō par* 'по улицам', 'на улицах', *kamre mē* 'в комнате', 'в комнату', *sitam-bar mē* 'в сентябре'; (б) встречающиеся случаи использования первообразных послелогов *se* и *ko* для передачи обстоятельственных (в том числе "локальных") значений, например, *kamre se nikalnā* 'выходить из комнаты', *geṭ se guṣarmā* 'проходить через ворота', *kaī diṇō se voscā* 'думать на протяжении нескольких дней', *prasāṇ-natā se uchalnā* 'подпрыгивать от радости', *daftarō ko calā jānā* 'отправляться в учреждения', *dopahar ko ghar jānā* 'идти домой в полдень', *cahal-kadamī ko nikalnā* 'выходить на прогулку (для прогулки)'; (в) специализация в связи с объектной функцией таких производных послелогов, как *ke prati* 'по отношению к', 'относительно', *kī bābat* 'о', 'об', 'относительно', например, *unke prati kartavya* 'долг по отношению к ним', *vidhvānō ke prati kṛtajña honā* 'быть благодарным' [по отношению к] ученым', *Dhīrūvālā kī bābat batānā* 'сообщать о Дхирувале'; (г) встречающиеся случаи использования отдельных производных послелогов (в частности, *ke liye*, *ke sāth*, *ke pīche*) в связи с передачей объектных значений, например, *ekjuttā ke liē ābhārī honā* 'быть признательным за солидарность' (ср. *rakṣā ke liye logō ko bhejñā* 'посылать людей для защиты'), *kisī ke sāth anyāy karmā* 'несправедливо поступать с кем-либо' (ср. *tezī ke sāth bhāgnā* 'бежать быстро'), *kisī ke pīche dī-vāñā honā* 'сходить с ума по кому-либо' (ср. *dīvār ke pīche khāṇā honā* 'стоять за стеной'); (д) широкое использование производных послелогов [*ke*] *dvārā* 'посредством', 'при помощи', 'через', *ke hāthō* и *ke hāth* 'посредством' (букв. 'от рук', 'руками', 'рукой'), 'при помощи', 'в руки', 'в руку' в сфере выражения субъектно-объектных отношений: *vikasit deśō dvārā becī jāne vālī cīzē* 'продаваемые развитыми странами товары', *mantriyo dvārā śapath grahaṇ* 'принятие присяги министрами', *tār dvārā bhejñā* 'посылать по телеграфу', *dhanī deśō ke hāthō nirmam śoṣaṇ* 'жестокая эксплуатация богатыми странами', *kārīnde ke hāth kām-kāj sūpnā* 'поручать все дела управляющему'.

Статус того или иного конкретно взятого послелога как отдельного слова весьма наглядно проявляется в следующих случаях:

а) послелог замыкает всю группу слов, объединенных сочинительной связью, вместо того чтобы повторяться после каждого из слов, — *parvat aur khoh mē ... bhed* (S, TY, 74) 'разница ... между горой и ущельем' [ср., однако, *myjhmē aur tumhē ... bhed* (S, TY, 74) 'разница ... между мной и вами'], *āśīrvād aur prārthnā par ... bharosā* (S, TY, 181) 'упование ... на благословение и мольбу', *lajjā, paścāttāp, nīrāśā aur pāgalpan ke lakṣaṇ* (S, TY, 243) 'признаки стыда, раскаяния, отчаяния и безумия';

б) послелог отделяется от слова, которое он призван оформить, придаточной частью сложного предложения, вводимой относительным местоимением, — *do abhiyuktō, jin mē ḍakaito ke is gaing kī ring līḍar ek mahilā bhī hai*, ko (JY, 28.

VI. 1978, 3) 'двух преступников, один из которых женщина, являющаяся вожаком этой банды грабителей', *śrī Dayā-nandlāl Vasant Rāy, jo pichle dinō Dillī āe, ke samān vatāroh mē* (Ns, 1978, II, 16) 'на приеме в честь господина Даянандлала Васанта Рая, который на днях прибыл в Дели'.

Среди послелогов языка хинди отличается своеобразием первообразный послелог *kā*, который:

(1) осуществляет перенос существительных и других слов (причем не только субстантивных) в позицию прилагательного, т.е. слова, называющего признак "предмета", и служит тем самым показателем приименного (присубстантивного) употребления оформляемого им слова;

(2) обладает способностью к словоизменению, а именно согласуется по адъективной парадигме, принимая помимо формы *kā* форму *ke* (*ke'*, *ke''*, *ke'''*) и форму *kē*, с существительным, к которому оформляемое им слово синтаксически относится;

(3) выступает в качестве первого компонента производных (сложных) послелогов — в форме *ke*, если второй компонент производного (сложного) послелога восходит к имени существительному мужского рода, причастию, наречию или синтаксически-относительному прилагательному, и в форме *kē*, если второй компонент восходит к имени существительному женского рода.

Итак, по своему назначению, отмеченному выше, послелог *kā* является послелогом-транспозитором, что находит отражение в его трактовке как послелога адъективирующего [7, с.38], атрибутивного [36, с.74], атрибутивно-притяжательного [33, с.100]¹⁰.

Способностью осуществлять перенос существительных и других субстантивных слов в позицию прилагательного и отличаться при этом словоизменением по адъективной парадигме обладают наряду с послелогом *kā* также и следующие слова:

vālā, например, *kīlō vālī plet* 'тарелка с гвоздями' ('тарелка, наполненная гвоздями'), *dīye vālā ālā* 'ниша с лампой', *rangīn tasvīrō vālī kitāb* 'книга с цветными рисунками', *do sītō vālā dībā* 'двухместное купе';

sarīkhā, например, *Bhuvan sarīkhā ādmī* 'такой человек, как Бхуван', *tum sarīkhī sundarī* 'такая красавица, как вы', *dibiyā sarīkhī roṭiyā* 'лепешки наподобие коробочек', *kāle keśō ke puṣpa-sarīkhe gucche* 'черные локоны наподобие цветка';

¹⁰ Однако в тех случаях, когда послелог *kā* служит показателем приадъективного использования оформляемого им субстантивного слова в связи с выражением определенного вида отношения между "предметом" и признаком, он не выполняет своей транспонирующей (в смысле "адъективации" субстантивного слова) функции: *ākh kā andhā* 'слепой на один глаз', *bāt kā pakā* 'верный своему слову', *paṛhne kā icchuk* 'желающий учиться'. Но и в этих случаях он остается подверженным словоизменению, согласуясь с существительным, с которым прилагательное оказывается синтаксически связанным.

sā, например, *phūl-sī larkī* 'девушка, как цветок' ('девушка-цветок'), *tum-sā ādmī* 'человек вроде вас', *un-sā kalavant* 'певец, подобный ему', *rūī ke gālō-sī baraf* 'снег наподобие клочьев ваты' ('крупные хлопья снега');

jaisā, например, *kaicī jaisī zabān* 'язык, как бритва (букв. ножницы)', *mom kī putlī-jaisī larķī* 'девушка, подобная восковой фигуре', *gubbāre jaise safed bādal* 'белые облака наподобие воздушных шаров', *āp-jaise sajjan* 'такие благородные люди, как вы', *mujh jaise vyakti ko* 'такому индивиду, как я', *rājkmārō jaisā lāvaṇya* 'пригожесть, как у принцев', *billī-jaisī ākhē* 'глаза, как у кошки';

jitnā, например, *hathelī jitnā dvīp* 'остров с ладонь', *pahār jitnā sāmān* 'целая гора багажа', *kamre jitnī arājaktā* 'такой же беспорядок, как в комнате';

aīsā, например, *āp-aīse log* 'такие люди, как вы'.

Транспонирующая функция является определяющей для *vālā* как "служебного слова послеложного типа, используемого главным образом в целях приспособления к функции определения имен существительных и целых атрибутивных оборотов, для которых данная функция не является типичной" [78, с.273]. В отличие от остальных перечисленных слов *vālā*, подобно послелогам *kā*, не употребляется, как было уже отмечено в лингвистической литературе [27, с.102], с собственно личными местоимениями — местоимениями 1-го и 2-го лица. Его употребление с формой косвенного падежа указательных местоимений, выступающих в функции личных местоимений 3-го лица, явно не отвечает норме литературного хинди (см. *usvālā* 'принадлежащий ему' на месте *uskā* — сочетания формы косвенного падежа указательного местоимения с послелогом *kā*, сочетания, выполняющего функцию притяжательного местоимения 3-го лица). Встречающееся же использование этого служебного слова с притяжательными местоимениями, принимающими форму косвенного падежа, носит в основном просторечный характер и бывает связанным с обозначением "принадлежности как временного, обремененного определенными условиями пользования чужим имуществом, например, ... *tere vālā* 'мой (т.е. используемый мною, но принадлежащий другому лицу)' " [76, с.146]. При таком использовании слово *vālā*, разумеется, не играет никакой транспонирующей роли¹¹.

Использование остальных слов, приведенных выше, связано, как видно из примеров, с передачей сравнительно-уподобительного значения. Но если *sarīkhā* является послеложной частицей, выступающей исключительно в роли транспозитора сравнительно-уподобительной семантики ("подобный", "сходный", "такой, как", "наподобие"), то

¹¹ Вместе с тем *vālā* может быть словообразовательной суффиксальной морфемой (*gārīvālā* 'извозчик', *pulīsvālā* 'полицейский') и показателем такой нефинитной формы глагола, как глагольное прилагательное (*likhnevālā* 'пишущий', *daurnevālā* 'бегущий').

в случае с *sā* налицо употребление сравнительно-уподобительной частицы в качестве послеложного транспозитора¹², в случаях с *jaisā* и *jitnā* — употребление относительных местоимений в качестве послеложных частиц-транспозиторов сравнительно-уподобительной семантики, в случае с *aisā* — употребление указательного местоимения в качестве послеложного транспозитора той же семантики¹³.

Транспонирующая роль таких слов, как *sā*, *jaisā*, *jitnā*, проявляется еще в том, что они способны осуществлять перенос субстантивных слов в приаждективную позицию, а именно в позицию наречия и/или прилагательного, фиксирующего в составе признакоопределяющей синтагмы степень интенсивности признака, обозначенного прилагательным: *hūm-sā śītal [jal]* 'холодная, как лед, [вода]', *phūl sī khūbsūrat [larḳī]* 'красивая, как цветок, [девушка]', *baraf jaisī thandī [tarāzū]* 'холодные, как лед, [весы]', *tote-jaisī gol [āḳhe]* 'круглые, как у попугая, [глаза]', *is larḳī jītnī khūbsūrat* 'красивая, как эта девушка', *mujh jītnī sundar* 'красивая, как я' (ср. *bahut śītal* 'очень холодный', *barī khūbsūrat* 'очень красивая', *bīlkul gol* 'совсем круглые' и т.п.). При этом они изменяются по адъективной парадигме, отражая грамматические свойства существительных.

Своеобразная транспозиция, осуществляемая при помощи таких слов, как *jaisā*, *jitnā*, *aisā*, касается притяжательных местоимений и состоит в помещении последних на месте личных местоимений (точнее — на месте формы косвенного падежа личных местоимений) в приаждективной и присубстантивной позициях: *tere jaisī sacḱī [stri]* '[жена] верная, как ты', *mere jītnā balvān* 'сильный, как я', *terī jaisī vīrātṁā [mā]* '[мать,] доблестная, как ты', *tumhāre jaisī bahādūr bhābhī* 'такая храбрая невестка, как вы', *tumhāre jaisā ādmī* 'такой человек, как вы', *tumhārī aisī partī* 'такая красавица, как вы' (однако в таком примере, как *mere jaisā jīvan* 'такая жизнь, как у меня', 'жизнь наподобие моей', транспонирующая роль слова *jaisā* сводится на нет; ср. *merā jīvan* 'моя жизнь')¹⁴.

¹² Ср., однако, следующие примеры, где частица *sā*, оставаясь постпозитивной и согласованной с именем (местоимением), в роли транспозитора не выступает: *baccō kī-sī bātē* (P, G, 262) 'словно детские (букв. детей) речи', *Raunakī par bijlī sī gir parī* (S, TY, 65) 'Раунаки словно поразила молния', *māī to cārpāī par āte hī mar-sī jātī hū* (P, N, 149) 'Стоит мне добраться до кровати, как я тут же словно умираю'.

¹³ Интересно отметить, что оттенок уподобления, вносимый словами *sarīkkhā*, *sā*, *jaisā*, *jitnā*, *aisā*, может послужить причиной их трактовки как средств присоединения приложения [77, с. 70–71].

¹⁴ При этом, как показывают примеры, притяжательное местоимение не всегда выступает в форме на -е: иногда оно принимает согласованную форму, в частности форму женского рода (см. *terī jaisī vīrātṁā mā*, *tumhārī aisī partī*).

Ряд послеложных транспозиторов пополняется в хинди лексической единицей *sambandhī* 'связанный с', 'относящийся к', принадлежащей к слою лексики татсама. Присоединяясь к существительным, причем не только к существительным татсама, а также и к субстантивным словосочетаниям (иначе говоря, к существительным — главенствующим компонентам подчинительных синтагм и к существительным, объединенным сочинительной связью), она "по своей синтаксической роли ... благодаря своему грамматикализовавшемуся характеру и вместе с тем в силу определенной синтаксической самостоятельности ... приближается к послелогу хинди *kā*" [9, с.78–79]: *kaī-ek nyūya-kālā sambandhī pustakē* (MR, A, 228) 'несколько книг по искусству танца', *ādhunīk citrakālā sambandhī pustak* (MR, A, 227) 'книга по современной живописи' (в данном примере статус *sambandhī* как самостоятельного слова подкрепляется тем, что прилагательное-определение *ādhunīk* 'современный' относится к *citrakālā*, а не к *pustak*), *bhāratīya udyog sambandhī nīti* (HN, 424) 'индийская политика в отношении промышленности' (статус *sambandhī* как отдельного служебного слова подкрепляется в данном примере формой косвенного падежа множественного числа существительного *udyog* 'промышленность', 'отрасль промышленности', тогда как прилагательное *bhāratīya* 'индийский' вывлению данного статуса отнюдь не способствует, так как оно относится не к *udyog*, а к существительному *nīti* 'политика'), *viśeṣ nyūyālayō ke gathan sambandhī prastāvit vidheyak* (JY, 2.XII.1978, 1) 'предложенный законопроект относительно формирования чрезвычайных судов' (здесь статус *sambandhī* как отдельного служебного слова подкрепляется наличием зависимого от *gathan* 'формирование' существительного *nyūyālay* 'суд' в форме косвенного падежа множественного числа с послелогом *kā* в форме *ke*, являющейся свидетельством того, что существительное *gathan* наделено граммемой косвенного падежа), *dhvani evan artha sambandhī parivartan* (DV-1, 38) 'фонетические и семантические изменения'. Использование слова *sambandhī* в форме *sambandhinī* (санскритской форме женского рода) хотя и допустимо в случае принадлежности к женскому роду того существительного татсама, к которому относится оформляемое данным транспозиторов имя, широкого распространения все же не получило: *arddha-dhārmik tathā arddha-śikṣā sambandhinī ek sansthā* (DV-1, 15) 'полупрелигиозная и полупросветительская организация' (см. *sansthā* 'организация' — существительное женского рода).

Союзы связывают полнозначные слова, маркируя их синтаксическую равноправность (равнозначность) внутри элементарного предложения, или объединяют предикативные единицы в рамках сложного предложения, устанавливая между ними отношение синтаксической равноценности или отношение зависимости одной единицы от другой. Те из союзов, которые обеспечивают синтаксическую равноправность связываемых слов или объединяемых в одно синтак-

сическое целое предикативных единиц, называются *сочинительными*, остальные же — *подчинительными*¹⁵.

При посредстве сочинительных союзов внутри элементарного предложения передаются следующие отношения:

соединительные, например, *bhūt aur bhaviṣya* (P, G, 94) 'прошрое и будущее', *kalā tathā saṅskṛti* (KC, G, 164) 'искусство и культура', *dhvanyātmak evam dhvanitattvātmak* (C, 123) 'фонетический и фонологический';

разделительные, например, *pustakā yā citra* (Aj, N, 69) 'книги или фотоснимки', *fārsī athavā saṅskṛt* (DV-1, 37) 'персидский язык либо санскрит', *yā to unke pahle athavā unke bāc* (DV-1, 47) 'или перед ними (согласными звуками), или между ними';

противительные, например, *phaṭā magar sāf [tayliyā]* (U, SK, 68) 'рваное, но чистое [полотенце]', *lāl, par jyotihīn [netrō se]* (P, G, 69) 'красными, но тусклыми [глазами]', *dhīre-dhīre parantu niścīt rūp se* (C, 150) 'медленно, но верно', *ek hī bhāṣā nahī varan kaī-ek paraspār nikaṭ sambandh vālī boliyā* (C, 212) 'не один язык, а несколько близкородственных диалектов';

градационные (т.е. отличающиеся соединением элементов, противопоставляемых по степени выражения сходного содержания или по важности), например, *samaktī huī balki cūdhīyāī huī [muskarāhaṭ]* (KC, G, 140) 'не просто ослепительная, а прямо-таки слепящая [улыбка]', *sāvlā balki kālā [rang]* (KC, G, 143) 'не просто темный, а черный [цвет]', на *keval darśakō ko, balki mujhe bhī* (KC, G, 139) 'не только зрителям, но и мне тоже', *sahmat hī nahī prātyut adhīr* (S, TY, 189) 'не только согласный, но и охваченный нетерпением', *rājñītik dṛṣṭi se hī nahī varan ... ārthīk dṛṣṭi se bhī* (DV-1, 8) 'не только с политической точки зрения, но также и ... с экономической точки зрения';

пояснительные, например, *hindvī arthāt purānī kharīboli* (DV-1, 24) 'хиндвī, то есть старый кхариболи', *gyārah, yāne ek kam purā darjan* (U, SK, 64) 'одиннадцать, то есть без одного целая дюжина', *hindū-sabhāī yā choṭā larṇā* (U, SK, 8) 'представитель [общества] "Хинду сабха", или младший сын', *ārya athavā bhārat-īrānī [urakul]* (DV-2, 39) 'арийская, т.е. индоиранская [ветвь] [индоевропейских языков]', *mahārāṣṭrī, viśeṣṭaḥ jain mahārāṣṭrī* (NS, VII) '[праkrit] махараштри, в особенности джайн-махараштри'.

Передаваемые отношения обычно составляют основу классификации союзов, т.е. основу их разбиения по отдельным рубрикам. Следует, однако, иметь в виду, что

¹⁵ Итак, подчинительными союзами обеспечивается формирование сложноподчиненных предложений. Такую же функцию выполняют помимо подчинительных союзов *союзные слова* — относительные местоимения и относительные местоименные наречия. Подробнее об этом, а также об участии сочинительных союзов в формировании сложных предложений иного типа — сложносочиненных предложений см. нашу работу "Сложные предложения в хинди" [45].

один ряд с которым можно поставить союзы *balki*, *apitu*) и некоторые из союзов языка хинди используются для выражения и противительных отношений, и градационных отношений (выше это показано на примерах с союзом *varan*, в что разделительные союзы способны (как и в русском языке) выполнять функцию передачи пояснительных отношений (выше это показано на примерах с союзами *yā* и *athavā*). Для хинди типичен полисиндетон на базе разделительных союзов: *sitār yā belā yā kuch aur* (Aj, N, 188) 'ситар, или скрипка, или что-либо еще'.

Служебные слова, составляющие разряд *частиц*, привносят в предложение дополнительные семантические оттенки логико-смыслового, эмоционального или модального плана, сопровождающие значение компонентов предложения, выраженных полнозначными словами, или предложения в целом. Сами по себе частицы, если только они не выступают в качестве транспозиторов, не служат цели синтаксической организации предложения. Однако во взаимодействии с союзами некоторые из них все же в некоторой степени участвуют в выражении синтаксических отношений внутри предложения. Так, например, выражению градационных отношений при помощи союза *varan* содействуют частицы *hī* и *bhī*, первая из которых предшествует отрицательной частице *nahī* в позиции перед данным союзом, а вторая — занимает определенное место после этого союза: *rājñītik dr̥ṣṭi se hī nahī varan ... ārthik dr̥ṣṭi se bhī* 'не только с политической точки зрения, но также и ... с экономической точки зрения' (ср. *rājñītik dr̥ṣṭi se nahī varan ārthik dr̥ṣṭi se* 'не с политической точки зрения, а с экономической точки зрения'). Такая линия использования частиц приводит к тому, что они становятся составной частью вновь образующихся сложных по своему строению союзов: [См., например, расчлененный градационный союз *na keval ... balki* 'не только ... но и' (ср. в немецком *nicht nur ... sondern auch*, в английском *not only ... but*), противительный союз *na ki* 'а не'.] Более того, встречаются союзы, возникшие из частиц. В частности, таким союзом является повторяющийся соединительный союз *na ... na* 'ни ... ни' (ср. отрицательную частицу *na* 'не').

Частицы принадлежат к неизменяемым словам. Исключением является согласуемая частица *sā*, которой свойственно передавать сравнительно-уподобительный оттенок (*bijlī sī* 'нечто вроде молнии'), вносить в значение прилагательных оттенок высокой (хотя и не определенной) или неполной (недостаточной) степени качества (*acchī sī sārī* 'приличное сари', *lāl sī phūl* 'красноватый цветок').

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВ

Формы слов возникают в результате словоизменения. Словоизменение в языке хинди, обслуживающее включение

слов в синтаксические построения, осуществляется в порядке падежного или послеложно-падежного оформления слов, характеризующегося определенной семантикой, либо в порядке реализации правил отражения/неотражения словами пересечения граммом, свойственных существительным или субстантивным словам.

Первая из отмеченных линий словоизменения касается существительных и других слов (в частности, субстантивных местоимений или местоимений при их субстантивном использовании), у которых из всех именных категорий только категория падежа предстает как синтагматически обусловленная. Падежными формами, какой бы широкой ни была их омонимия, определяется в самом общем виде характер синтаксической связи существительных или субстантивных слов с другими словами — компонентами предложения. Так, форма прямого падежа, или прямопадежная форма, — это форма имени, чьи грамматические свойства, раскрываемые в плане различия рода и/или числа, получают или могут найти отражение в финитном глаголе как согласуемом компоненте предложения, тогда как с именем, стоящим в форме косвенного падежа, финитный глагол согласуваным быть не может. Формой финитного глагола также не отражаются в плане дифференциации значений рода, числа и лица свойства субстантивных местоимений, стоящих в форме косвенного или объектного падежа.

Показателями падежных форм (падежными показателями) существительных и субстантивных слов являются флексии. Однако падежные формы многих местоимений предстают как члены парадигматического ряда, объединяющего разные модификации местоименной основы (см., например, *māi — mājḥ/ mājhe, vah — uṣ/uṣe, ye — in/inḥē*¹⁶).

Осложнение падежной формы послелогом (равно как и послеложной частицей-транспозитором) как элементом оформления слова, возникающим за рамками словоизменительного яруса, ведет к образованию послеложно-падежной формы. Эта последняя, наделяя данное слово семантико-синтаксической значимостью или определенным функциональным значением (а значит, и статусом члена предложения), соотносится на уровне синтаксиса с другими аналогичными формами, а также с падежными формами слов, обходящимися без послелога, а именно с формой прямого падежа имени или местоимения, объектного падежа местоимения, с формой косвенного падежа имени, выступающего в обстоятельственной функции.

¹⁶ В этом факте отражен один из фрагментов местоименной парадигмы, проявляющейся в хинди в двух вариантах, один из которых касается личных местоимений [43, с.119], другой — местоимений обобщающего типа в кругу местоимений, образующих изоморфные ряды [43, с.131]. Местоименная парадигма противостоит субстантивной парадигме с ее четырьмя вариантами, соответствующими четырем типам словоизменения существительных [43, с.20, 67, 70, 72, 74], а также аъективной парадигме [43, с.85] и глагольной парадигме.

В качестве морфологической основы послеложно-падежных форм выступает форма косвенного падежа существительных и субстантивных слов¹⁷. Исключением является послеложно-падежная форма на *пе* у личных местоимений, поскольку личные местоимения (при том условии, что они не входят в аппозитивную синтагму) принимают перед данным послелогом форму прямого падежа.

На базе падежного и послеложно-падежного оформления слов (существительных и субстантивных слов) возникают такие способы их синтаксической организации, как *корреспонденция* и *управление*.

Вторая линия словоизменения лежит в основе способа синтаксической организации слов, известного как *согласование*, а также способа, который целесообразно трактовать как *несогласование*.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

При *корреспонденции* устанавливаются определенные виды соответствия одних форм другим, а именно падежных и послеложно-падежных форм существительных и субстантивных слов формам, имеющим иную грамматическую природу, тех слов, которые синтаксически связываются с существительными или субстантивными словами¹⁸. Корреспонденция как способ синтаксической организации слов играет существенную роль в формировании конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди.

В самом общем виде она проявляется в сочетании прямопадежной формы имени существительного или субстантивного слова с финитным глаголом: финитному глаголу в форме активного залога соответствует прямопадежная форма слова, имеющего функциональное значение субъекта действия, а финитному глаголу в форме пассивного залога — прямопадежная форма слова, имеющего функциональное значение объекта действия.

¹⁷ Вот почему имеются веские основания для того, чтобы трактовать косвенный падеж как падеж послеложный. Однако нельзя не отметить и того факта, что при нулевой флексии существительного или субстантивного слова послеложно-падежная форма имеет вид просто послеложной формы. Попутно возникает мысль о существовании собственно послеложной формы там, где послелог следует за словом, принадлежащим к разряду неизменяемых слов или же к разряду слов, словоизменение которых к категории падежа отношения не имеет (см., например, местоимение *тू*, количественные числительные).

¹⁸ Термин "корреспонденция" мы находим в работе Л.С. Бархударова, где под корреспонденцией понимается "соответствие форм числа и лица глагола-сказуемого семантике числа и лица, выраженной в подлежащем" [11, с. 170].

Другой случай корреспонденции, также основанный на трансформационных отношениях между разными структурами, касается послеложно-падежной формы на *se*, прямопадежной формы и послеложно-падежной формы на *ne*, наделенных функциональным значением субъекта: первая из форм обнаруживает соответствие финитному глаголу в форме инактивного залога (*larke se pustak parhī jāti hai* 'Мальчиком читается книга', *larke se pustak parhī gaī* 'Мальчиком книга была прочитана'), две остальные — финитному глаголу в форме активного залога (*larkā pustak parhtā hai* 'Мальчик читает книгу', *larke ne pustak parhī* 'Мальчик прочитал книгу').

Третий случай корреспонденции является отражением дополнительного распределения послеложно-падежной формы на *ne* и прямопадежной формы относительно форм активного залога глаголов, составляющих определенное подмножество: первая из форм используется с перфективными формами глаголов, вторая — с глагольными формами, не принадлежащими к перфективным (ср. предложения с глаголом *parhnā* 'читать': *larke ne pustak parhī* и *larkā pustak parhtā hai*).

Наконец, в той мере, в какой в предложениях с финитным глаголом активного залога накладываются ограничения на оформление числительного имени объекта прямым падежом, можно говорить о соответствии глагольным формам активного залога послеложно-падежной формы на *ko* и о соответствии глагольным формам инактивного залога прямопадежной формы, характеризующейся тем же функциональным значением объекта (ср. *adhyāpak ne mujh ko bulā liyā* 'Преподаватель позвал меня' и *māi bulā liyā gayā* 'Меня позвали').

Корреспонденция лежит в основе строения конструкций, которые можно назвать *аффективными*. В них глагольным формам типа "основа полнозначного глагола + глагол *parhtā* (или *ānā*, или *milnā*)" соответствует послеложно-падежная форма на *ko* имени (или форма объектного падежа местоимения) с функциональным значением субъекта действия: ... *tabhī use yah pad sun paī* (JK, S, 101) '... тогда ей послышалась эта строка' (ср. *us ne ... yah pad sunā* 'Она услышала эту строку'), *būṛhe ko dekhkar larke ko hās āyā* [98, с. 482] 'При виде старика мальчика разобрал смех' (ср. *larkā hās diyā* 'Мальчик рассмеялся'), *bhāī ko kal nahī ā milā* [130, с. 89–90] 'Брат вчера не мог прийти' (ср. *bhāī kal nahī āyā* 'Брат вчера не пришел').

При управлении и наличии существительного или субстантивного слова в его падежной или послеложно-падежной форме диктуется категориальными свойствами главенствующего слова вне зависимости от формы последнего. Это положение отвечает широкому пониманию управления, пониманию, при котором к данному способу синтаксической организации слов оказывается отнесенным почти весь круг явлений, дифференциация которых могла бы отразиться в таких терминах, как "сильное управление", "слабое

управление", "именное примыкание", используемых, в частности, при описании синтаксических связей слов русского языка [19, с.490, 511]¹⁹.

В зависимости от того, к какой части речи принадлежит главенствующее (управляющее) слово, управление бывает глагольным (*kitāb paṛhṇā* 'читать книгу', *benc par leṭ-nā* 'лежать на скамейке'), субстантивным (*kiṣāṇō dvārā pradarśan* 'демонстрация крестьян', *sāhitya mē ruci* 'интерес к литературе'), адъективным (*paṣṭhe mē tar* 'мокрый от пота', *ākramaṇ ke liye taiyār* 'готовый к нападению'), наречным (*makān se dūr* 'далеко от дома'), нумеральным (*ghaṭnāō mē se ek* 'одно из событий'), местоименным (*un mē se koī* 'кто-то из них').

Специфику управления как способа синтаксической организации слов наиболее полно отражает глагольное управление, поскольку глаголам в большей мере, чем словам других частей речи, присуща способность сочетаться с падежными и послеложно-падежными формами и поскольку при этом выражается самый широкий круг значений как объектных, так и обстоятельственных. Одним из существенных источников распространения субстантивного управления являются в хинди представленные сочетанием двух слов глагольно-именные образования типа "имя существительное + глагол *karnā* (*rakhnā*, *lenā* и др.)", именному компоненту которых предшествует послеложно-падежная форма (*yuddha se ghṛṇā karnā* 'ненавидеть войну', *bhagvān par bharosā karnā* 'уповать на бога', *sāhitya mē ruci rakhnā* 'интересоваться литературой'). Имя существительное таких образований становится способным сочетаться с предшествующей ему послеложно-падежной формой независимо от наличия или отсутствия глагола, обнаруживая тем самым известную автономность в качестве главенствующего слова (*yuddha se ghṛṇā* 'ненависть к войне', *bhagvān par bharosā* 'упование на бога', *sāhitya mē ruci* 'интерес к литературе'). Ту же модель управления оно демонстрирует и в случаях соединения с глаголом *honā* (*unhē yuddha se ghṛṇā thī* 'У них была ненависть к войне', *unhē bhagvān par bharosā thā* 'У них была надежда на бога', *unhē sāhitya mē ruci thī* 'У них был интерес к литературе'). Наиболее типичные случаи адъективного управления связаны с использованием обычно в функции предикатива синтаксически-относительных прилагательных (*jāne ko taiyār* 'готовый идти', *paṛhṇe mē līn* 'погруженный в чтение', *vosne kā dāṭ* 'привыкший думать'). Специфический характер носит адъективное управление, основанное на использовании прилагательных, являющихся по происхождению санск-

¹⁹ Следует заметить, что четких и ясных критериев отграничения друг от друга сильного управления, слабого управления и именного примыкания пока еще не существует. Их не удалось выработать даже на материале хорошо изученных европейских языков. Широкое понимание управления с включением в него случаев "именного примыкания" отстаивается на материале русского языка Е.С.Скобликовой [57]. Его же придерживается В.А.Белошапкина [33].

ритскими причастиями прошедшего времени страдательного залога, когда формой управляемого слова передается субъектное значение (*rājā Gālibjang dvārā apamānit* 'оскорбленный раджей Галибджангом', *un ke dvārā anuśāsīt* 'управляемый ими').

Функциональная (в плане грамматической семантики) роль слов, характеризующихся падежным или послеложно-падежным оформлением, бывает при управлении различной. Она детерминируется взаимодействием ряда факторов, из которых в том или ином конкретном случае на первый план выступают следующие:

1) сама послеложно-падежная форма управляемого слова, например, *bāzār-hāt ke māre* 'из-за базара-рынка' [см. предложение с глаголом *milnā* 'встречаться', 'доставать-ся', 'предоставляться' — *bāzār-hāt ke māre use kitābē dekhne kā samay bhī na miltā thā* (P, N, 185) 'Из-за беготни по базарам ему некогда было (букв. время не предоставлялось) даже заглядывать в книги'], *kamre ke bhītar* 'внутри комнаты' [см. предложение с глаголом *aalā jānā* 'уходить' — *caprāsī kā sanket pāte hī māi kamre ke bhītar aalā gayā ...* (KC, G, 36) 'По знаку слуги я сразу же вошел в комнату ...'], *śākhāō-tale* 'под ветвями' [см. предложение с глаголом *baithnā* 'сидеть', 'садиться' — *us vṛkṣa kī nangī śākhāō-tale ek strī baithī huī thī* (Aj, A, 120) 'Под голыми ветвями того дерева сидела женщина'];

2) форма слова и его лексическое значение (т.е. форма слова данного лексического значения), например, *tār dvārā* 'телеграммой' [см. предложение с глаголом *bhejā* 'посылать' — *tār dvārā apnī svīkṛti bhejō* (B, D, 143) 'Сообщите телеграммой о своем согласии'], *ādar se* 'с почетом', 'с почтением', 'почтительно' [см. предложение с глаголом *bīthānā* 'усаживать' — *is ke bād mujhe bare ādar se un lekhaō kī sabhā me bīthāyā gayā* (KC, G, 151) 'Затем меня с большим почтением усадили в обществе этих писателей'], *telīfon par* 'по телефону' [см. предложение с глаголом *bolnā* 'говорить' — *telīfon par bolī ...* (KC, G, 41) 'По телефону сказала ...'];

3) форма слова данного лексического значения и лексическое наполнение главенствующего (управляющего) слова, например, *moṭar se* 'автобусом', 'на автобусе' с глаголом *ānā* 'прибывать' [*dūsre dīn Manne pahīlī moṭar se vāpas ā rahā thā* (BG, S, 729) 'На другой день Маннэ возвращался первым автобусом']; *qibbe par* 'к купе' с глаголом *pahūcānā* 'прибывать', 'достигать', 'доходит' [*pahle hī ṣṭhān par gārī rukī to vah Rekha ke qibbe par pahūc gayā* (Aj, N, 31) 'Когда поезд остановился на первой же станции, он подошел к купе Рекхи'], *benc par* 'на скамью' с глаголом *letnā* 'лежать', 'ложиться' [*... vah benc par let gayā ...* (P, N, 101) '... он лег на скамью ...'];

4) форма управляемого слова и лексическое наполнение главенствующего слова (т.е. форма управляемого слова при данном лексическом наполнении главенствующего слова), например, *dostō ke pīche* 'из-за друзей' в пред-

ложении с глаголом *satānā* 'мучить', 'докучать', 'дони-мать' — *magar āp dostō hī ke pīche mijhe roz satāyā karte hāt* (P, N, 160) 'Но из-за друзей же он каждый день меня пи-лит';

5) лексическое наполнение главенствующего слова, на-пример, в предложении, где направительное значение пос-леложно-падежной формы *sthān ko* (см. *sthān* 'место', 'ме-стожительство', 'дом') детерминируется глаголом *calā jānā* 'уходить', 'отправляться' как глаголом движения, — *burhiyā ... apne sthān ko calī gayī* (JK, S, 80) 'Старуха ... от-правилась к себе домой';

6) форма слова в позиции, предопределенной валентны-ми свойствами главенствующего слова, например, форма прямого падежа существительного *ātā* 'мука' при глаголе *nikālānā* 'вынимать', 'доставать' [*us ne ek ghaṛe se ātā ni-kālā...*] (P, G, 84) 'Она достала муку из кувшина...'], пос-леложно-падежная форма на *ko* существительного *mā* 'мать' при глаголе *pukārānā* 'звать' [*us ne apnī mā ko pukārā*] (AP, D, 88) 'Она позвала свою мать'], послеложно-падежная фор-ма на *se* существительного *mehnat* 'труд', 'работа' при глаголе *darnā* 'бояться' [*Gobar mehnat se nahī darta*] (P, G, 152) 'Гобар не боится работы'];

7) форма слова в позиции, предопределенной сочетани-ем главенствующего слова с лексической единицей опреде-ленной семантики, например, послеложно-падежная форма на *ko* существительного *bhāt* 'брат' при глаголе *honā* 'быть', сочетающемся с существительным *oāv* 'желание', 'стремление', 'страсть' [*baṛe bhāt ko parhne kā baṛā oāv thā ...*] (S, TY, 175) 'У старшего брата была большая страсть к чтению ...'], послеложно-падежная форма на *mē* собственного имени *Siyārām* (Сиярам) при глаголе *honā* 'быть', сочетающемся с существительным *ādat* 'обычай', 'обыкновение', 'привычка' [*Siyārām mē kāṭ-kapaṭ kī ādat na thī*] (P, N, 178) 'Сиярам не имел привычки лицемерить'], послеложно-падежная форма на *ko* собственного имени *Nirmalā* (Нирмала) при глаголе *ānā* 'прибывать', 'приходить', сочетающемся с существительным *dayā* 'сострадание', 'ми-лосердие', 'жалость' [*Nirmalā ko is vakt un par baṛī dayā āī*] (P, N, 195) 'Теперь Нирмала почувствовала к нему боль-шую жалость'].

Выше в пунктах с первого по шестой отражена в поряд-ке возрастания степень участия лексико-грамматических особенностей главенствующего слова в детерминации функ-циональной роли управляемого слова. В случаях максима-льной степени такого участия (пункт 6) падежная или пос-леложно-падежная форма предстает как строго отвечаю-щая требованию, исходящему от главенствующего слова в силу наличия в его лексическом значении компонента, служащего субстратом его валентности. Применительно к таким случаям представляется уместным говорить об уп-равлении в узком смысле.

Для языка хинди наиболее типичными формами, в которых реализуется такого рода управление, являются в приглагольной позиции следующие формы:

а) форма прямого падежа, когда она принадлежит

(1) имени прямого объекта (имени, выступающему в синтаксической функции прямого дополнения) — *us ne cābī se darvāzā kholā* (Sa, K, 16) 'Он ключом открыл дверь';

(2) имени объекто-квалифицирующего компонента (имени, выступающему в синтаксической функции объектно-предикативного члена) — *mere bagīche ko svarga kahte hāī* (Nn, 1975, XI, 123) '... мой сад называют раем';

б) послеложно-падежная форма на *ko* или местоименная форма объектного падежа, когда она принадлежит

(1) имени прямого объекта — *tab kocvān ne barī kaṭ-hināī se apne ghoṛe ko uṭhāyā ...* (S, TY, 33) 'Тогда возница с большим трудом поднял своего коня ...';

(2) имени адресата (имени, выступающему в синтаксической функции одного из косвенных дополнений) — *gāī paṛosin ko sākūṛī ...* (S, TY, 10) 'Корову [она] доверила соседке ...';

(3) имени реципиента (имени, выступающему в синтаксической функции одного из косвенных дополнений) — *mis Vuḍ ko laṛkiyō kā yah gul-garāṇā akhrā ...* (PL, 105) 'Для мисс Вуд стал невыносимым этот гвалт, поднятый девушками ...';

(4) имени лица, отвечающему адресатно-объектной валентности глагола, конкурирующей с каузативно-объектной валентностью, — *us ne mujhe pūre Lakhnaī kī sair karāī* (NK, 1961, XII, 67–68) 'Он поводил меня по всему Лакхнау' (ср. *sair karmā* 'совершать прогулку');

в) послеложно-падежная форма на *se*, когда она принадлежит

(1) имени лица, отвечающему каузативно-объектной валентности глагола, — *tum ne apne kisān se mujhe piṭvāyā kyō thā?* (PP, 38) 'Почему ты велела своему мужу-крестьянину побить меня?' (ср. *pīṭnā* 'бить');

(2) имени лица — субъекта такого действия, которое может быть обозначено глаголом того же корня, что и употребленный медиопассивный глагол (т.е. имени, выступающему в синтаксической функции агентивного дополнения как частной разновидности косвенного дополнения), — *aur do-oār bār yah pres ke maine jar se bhī burī tarah piṭā* (KC, A, 149) 'И несколько раз его сильно поколотил и сам управляющий типографией' (*piṭnā* 'избиваться', 'подвергаться побоям'; ср. *pīṭnā* 'бить', 'избивать').

Что же касается последнего (седьмого) пункта из перечисленных выше, то здесь участие лексико-грамматических особенностей главенствующего слова-глагола в детерминации функциональной роли управляемого слова осуществляется через отношение глагола к имени, совместно с которым он образует предикативную основу предложения.

Суть согласования состоит в том, что слова, вступающие в синтаксическую связь с существительными или субстантивными словами, оформляются в зависимости от грамматических свойств последних, отражая своими формами их характеристику как исходных экспонентов грамматических категорий рода, числа, падежа и, что касается личных местоимений, лица. Кроме того, в порядке реализации данного способа формы слов могут отражать гонорифическое использование имен существительных, а также вокатив существительных.

Формами согласования в хинди располагают следующие единицы: 1) изменяемые прилагательные; 2) причастия (включая и те, которые входят в состав аналитических глагольных форм); 3) глагольное прилагательное; 4) инфинитив (инфинитив, характеризующийся формами согласования, считается герундивным); 5) порядковые числительные; 6) притяжательные местоимения; 7) местоимения, образующие изоморфные ряды, а именно: указательные ближнего плана, указательные дальнего плана, относительные, соотносительные и вопросительные, — следующих семантико-синтаксических типов: общевыделительные, общекачественные, количественно-определительные и выделительные с оттенком избирательности²⁰; 8) вопросительное местоимение *kuā?* 'какой?', 'каков?', 'что за?'; 9) неопределенное местоимение *koī* 'какой-то', 'какой-либо', 'какой-нибудь'; 10) определительное местоимение *dūsrā* 'иной', 'другой'; 11) финитный глагол; 12) послелог-транспозитор *kā* и другие изменяемые послеложные транспозиторы, функционально близкие послелогу *kā*; 13) частица *sā*.

Значимость той или иной формы как формы согласования зависит от того, в какую парадигму данная форма входит и какое место она в своей парадигме занимает. В языке хинди формы согласования распределяются в основном по трем парадигмам.

Одна из этих парадигм — это парадигма словоизменяющих местоимений общевыделительного типа. Включенные в нее формы указательных местоимений ближнего и дальнего плана, относительных, соотносительных и вопросительных местоимений предстают как формы согласования, когда дейктическое поле соответствующих местоимений характеризуется ориентированностью на инвариантное значение имени прилагательного (иначе говоря, когда соответствующие местоимения выступают в качестве местоимений-прилагательных): *yaḥ* 'этот (эта, это)', *vaḥ* 'тот (та, то)', *jo* 'какой', 'который', *so* 'тот (та, то)', *kaun?* 'какой?', 'который?'.

²⁰ О разрядах местоимений, образующих изоморфные ряды, и типах этих местоимений см. в нашей работе [43, с.130–149].

В эту же парадигму "вписываются" формы вопросительного местоимения *kyā?* и неопределенного местоимения *koĩ*, поскольку формы первого местоимения совпадают с формами вопросительного местоимения *kaun?*, а формы второго местоимения предстают в виде эмфатических вариантов местоимения *kaun?*.

Выполняя функцию согласования, формы, включенные в данную парадигму — местоименную парадигму в одном из ее вариантов (см. прим.16), отражают число (единственное или множественное) и падеж (прямой или косвенный) имен существительных, как это показано в таблице 2.

Таблица 2

Местоимение	Единственное число		Множественное число	
	прям.пад.	косв.пад.	прям.пад.	косв.пад.
Указательное ближнего плана	<i>yah(yahĩ)</i>	<i>is(isĩ)</i>	<i>ye yah(yahĩ)</i>	<i>in(inhĩ)</i>
Указательное дальнего плана	<i>vaħ(vahĩ)</i>	<i>us(usĩ)</i>	<i>ve vah(vahĩ)</i>	<i>un(unhĩ)</i>
Относительное	<i>jo</i>	<i>jis(jisĩ)</i>	<i>jo</i>	<i>jin(jinhĩ)</i>
Соотносительное	<i>so</i>	<i>tis(tisĩ)</i>	<i>so</i>	<i>tin(tinhĩ)</i>
Вопросительное	<i>kaun? kyā?</i>	<i>kis?</i>	<i>kaun? kyā?</i>	<i>kin?</i>
Неопределенное	<i>koĩ</i>	<i>kisĩ</i>	<i>koĩ</i>	<i>kinhĩ</i>

Примечание: в круглых скобках приведены эмфатические варианты форм.

В основе второй парадигмы лежит соотносительность различающихся между собой форм финитного глагола с местоимениями, а именно с характеризующимися формой прямого падежа личными местоимениями 1-го лица (*maĩ* 'я' и *ham* 'мы') и 2-го лица (*tũ* 'ты' и *twn* 'вы', 'ты'), с указательными местоимениями *yah(ye)* и *vaħ(ve)*, выступающими в роли отсутствующих в языке хинди личных местоимений 3-го лица, и с местоимением *āp*, используемым в качестве личного

местоимения 2-го лица ("Вы", "вы") или в значении личного местоимения 3-го лица и отличающимся при этом гонорифической функцией.

Объединяя ряд частных парадигм, эта парадигма отражает словоизменение глаголов в зависимости от значения лица в простой форме сослагательного наклонения (в настояще-будущем времени сослагательного наклонения), в повелительном наклонении и, что относится только к глаголу *honā* 'быть', в простой форме настоящего времени изъявительного наклонения. Данная парадигма включает и простую форму будущего времени изъявительного наклонения (будущее I), в которой, однако, флексивные изменения, совпадающие с таковыми простой формы сослагательного наклонения, сопровождаются изменением конечного гласного присущей ей морфемы *-gā* в зависимости от рода (*-gī* — ж.р., *-gā* и *-ge* — м.р.;) и — в случае мужского рода — от числа (*-ge* — мн. ч., *-gā* — ед. ч.).

Упомянутую выше соотнесенность форм финитного глагола с местоимениями, которую принято истолковывать как согласование в лице, отражает таблица 3, в которой индексом V обозначена глагольная основа, предшествующая окончаниям лица, косой чертой разделены варианты

Таблица 3

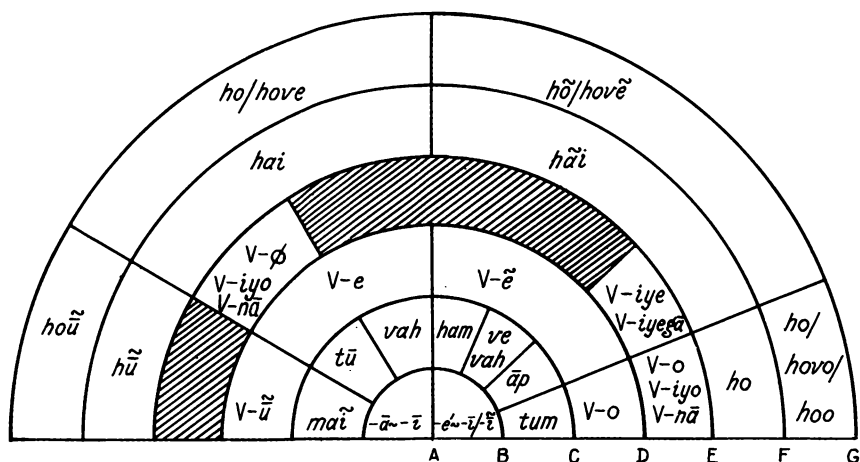
Местоимение	Наклонение			Глагол <i>honā</i> 'быть'		
	сослагательное (простая форма)	повелительное	изъявительное (будущее I)	простая форма настоящего времени	простая форма сослагательного наклонения	будущее I
<i>māi</i>	<i>V-ī</i>	—	<i>V-ī-gā/-gī</i>	<i>hī</i>	<i>hoī</i>	<i>hī-gā/-gī</i> <i>hoī-gā/-gī</i>
<i>tū</i>	<i>V-e</i>	<i>V-φ</i> <i>V-iyo</i> <i>V-nā</i>	<i>V-e-gā/-gī</i>	<i>hai</i>	<i>ho/hove</i>	<i>ho-gā/-gī</i> <i>have-gā/-gī</i>
<i>yah</i> <i>vah</i>	<i>V-e</i>	—	<i>V-e-gā/-gī</i>	<i>hai</i>	<i>ho/hove</i>	<i>ho-gā/-gī</i> <i>have-gā/-gī</i>
<i>ham</i>	<i>V-ē</i>	—	<i>V-ē-ge/-gī</i>	<i>hāi</i>	<i>hō/hovē</i>	<i>hō-ge/-gī</i> <i>hovē-ge/-gī</i>

морфемы $-g\bar{a}$, с выражением значения лица непосредственно не связанной, и варианты приводимых личных форм глагола $hon\bar{a}$, спряжение которого имеет специфические черты.

Формы финитного глагола, соотносимые с указательными местоимениями, являются также формами согласования с существительными.

В соответствии с данной таблицей построена приводимая ниже схема 2, дающая наглядное представление об имеющихся глагольных формах согласования (без учета форм будущего I).

Схема 2

На схеме в полосе, соответствующей отрезку CD радиуса AG, представлены формы сослагательного наклонения; в полосе, соответствующей отрезку DE, — формы повелительного наклонения, в полосе отрезка EF — формы глагола $hon\bar{a}$, относящиеся к простой форме настоящего времени изъявительного наклонения; а в полосе отрезка FG — формы глагола $hon\bar{a}$, относящиеся к простой форме сослагательного наклонения.

В полукруге же с радиусом AB представлены окончания форм, включаемых в третью парадигму — парадигму адъективную. Эти окончания (за исключением окончания $-\bar{e}$) обнаруживаются в вышеупомянутой морфеме $-g\bar{a}$ — примете будущего I изъявительного наклонения. Они же в силу присущего им противопоставления $-\bar{a}--e'$ и проявляющегося в более узкой сфере противопоставления $-\bar{e}--\bar{e}$ дают формальное основание для отнесения местоимений $maĩ$ и $tū$ к местоимениям единственного числа, а местоимений ham и tum к местоимениям множественного числа (т.е. для трактовки категории числа личных местоимений как классифицирующей) и для рассмотрения местоимения $\bar{a}p$ как местоимения гонорифического. Эти же окончания являются формальными показателями граммы числа (единственного или множественного,

причем с граммемой множественного числа может быть связана гонорифическая функция слова), которой наделяются местоимения обшвыделительного типа (в первую очередь указательные) в качестве субститутов имен существительных. С противопоставлением $[-\bar{a}, -e']$ $[-\bar{i}, -\bar{i}']$ связано указание на пол референтов местоимений (в первую очередь личных местоимений и местоимения $\bar{a}p$ в функции местоимения 2-го лица) или на грамматический род (мужской или женский) тех существительных, в качестве субститутов которых выступают указательные местоимения (равно как и другие местоимения обшвыделительного типа) и местоимение $\bar{a}p$ в функции местоимения 3-го лица.

Адъективная парадигма — третья из парадигм, по которым распределяются в хинди формы согласования. Помимо форм прилагательных она охватывает формы всех тех единиц, которые изменяются по образцу прилагательных, а именно: причастий, глагольного прилагательного, инфинитива, порядковых числительных, притяжательных местоимений и местоимений обшккачественного, количественно-определятельного и выделятельного с оттенком избирательности типов, определятельного местоимения $\bar{d}usr\bar{a}$, изменяемых служебных слов ($k\bar{a}$, $sar\bar{i}k\bar{h}\bar{a}$, $s\bar{a}$ и др.)²¹, а также финитного глагола, или морфологически совпадающего с перфективным (прошедшее аористическое время) или имперфективным (прошедшее неоднократное время, условное наклонение) причастием, или, что касается простого имперфекта от глагола $hon\bar{a}$, являющегося причастным по своему происхождению (см. формы $th\bar{a}$, the , $th\bar{i}$, $th\bar{i}'$). Под нее подводится и будущее I в силу тех изменений, которые претерпевает в этой финитной форме морфема $-g\bar{a}$.

Формы, включающиеся в адъективную парадигму, характеризуются следующими флексиями:

- $-\bar{a}$ — флексия прямого падежа единственного числа мужского рода;
- $-e'$ — флексия прямого падежа множественного числа мужского рода;
- $-e'$ — флексия косвенного падежа мужского рода;
- $-\bar{i}$ — флексия женского рода вне зависимости от числа и — в той сфере, в которой действует оппозиция $-\bar{i}$ — $-\bar{i}'$, — флексия единственного числа женского рода;
- \bar{i} — флексия множественного числа женского рода, появляющаяся у финитного глагола, морфологически совпадающего с причастием, или у простого имперфекта глагола $hon\bar{a}$.

Распределение этих флексий форм согласования относительно флексий существительных в связи с репрезентацией граммем, относящихся к категориям рода, числа и падежа²²,

²¹ В случаях употребления послелога-транспозитора $k\bar{a}$ и других послеложенных транспозиторов согласование сопутствует управлению.

²² Перечень флексий имен существительных см. в нашей работе [43, с. 23–24]. В ней же приведены и флексии прилагательных [43, с. 85–86].

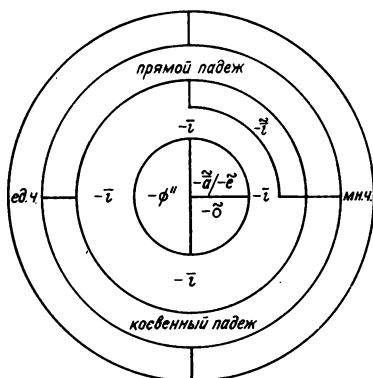
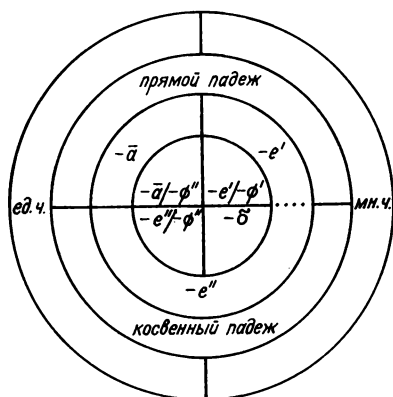
показано в двух приводимых ниже схемах (см. схемы 3 и 4), одна из которых отражает принадлежность существительных к мужскому роду, другая — к женскому.

Схема 3

Схема 4

Мужской род

Женский род

Примечание. На схемах в центре кругов помещены флексии имен существительных, а флексии форм согласования занимают периферийное положение.

В добавление к вышеизложенному необходимо отметить еще два момента:

1) среди форм, включенных в адъективную парадигму, обнаруживается также форма согласования в вокативе, характеризующаяся флексией мужского рода \bar{e} , которую можно обозначить как \bar{e}''' (о вокативе имен существительных см. [43, с.24–25]);

2) у регулярно образуемых порядковых числительных и некоторых прилагательных флексии бывают представлены назализованными гласными \bar{a} , \bar{e} , \bar{i} .

Согласование, если его брать в том широком понимании, в котором оно рассматривалось выше, не является однородным с точки зрения действующего механизма отражения категориальных признаков существительных и субстантивных слов.

В нем, в частности, различаются следующие разновидности:

1) *согласовательное управление по категории рода*, или *обусловленное управлением согласование*²³, заключающееся в том, что выбор форм согласования, которым приписывается различие по категории рода, определяется существительными, по ро-

²³ См. термин "governmental concord" у Ч.Ф.Хоккета [105, с.215].

дам не изменяющимися, например, *nīlī divār* 'голубая стена' — ж.р., но *nīlā ākāś* 'голубое небо' — м.р.;

2) собственно грамматическое согласование (согласование в узком смысле), представляющее как соответствие формы сочетающегося с существительным слова форме самого существительного, например, *tere kamre mē* 'в твоей комнате' (косв. пад.) ~ *terā kamrā* 'твоя комната' (прям. пад.), *acche kamre* 'хорошие комнаты' (мн.ч.) ~ *acchā kamrā* 'хорошая комната' (ед.ч.), *in kitābō mē* 'в этих книгах' (мн.ч.) ~ *is kitāb mē* 'в этой книге' (ед.ч.);

3) восполнительное согласование, представляющее как средство разрешения грамматической омонимии у тех слов, с которыми сочетаются согласуемые слова (согласуемые слова компенсируют своими формами отсутствие различий в формах существительных), например, *baṛe ghar* 'большие дома' (мн.ч.) ~ *baṛā ghar* 'большой дом' (ед.ч.);

4) координация, представляющая как соотношенность форм финитного глагола с местоимениями, например, *māī dekhū* 'погляжу-ка я' ~ *tū dekhe* 'пусть ты поглядишь' ~ *ve dekhē* 'пусть они поглядят'; *tum paṛho* 'вы читайте' ~ *āp paṛhiye* 'Вы, пожалуйста, читайте';

5) абстрактно-грамматическое согласование, а именно согласование, призванное оставлять невыраженными значения, различаемые в плане тех категорий, которые выявляются в форме согласуемых слов, например, *vaḥā kaun thā?* 'Кто там был?', *uskā kyā huā?* 'Что с ним стало?' (форма *thā*, будучи формой единственного числа мужского рода, отнюдь не является показателем того, что под словом *kaun* имеется в виду только одно лицо и притом мужского пола; форма *huā* и форма *kā*, будучи формами единственного числа мужского рода, вовсе не служат показателями того, что местоимение *kyā* выступает как субститут существительного мужского рода в форме единственного числа);

6) смысловое согласование, суть которого состоит в том, что выбор формы рода у согласуемого слова определяется полом лица — референта того имени или местоимения, с которым сочетается согласуемое слово, например, *Mathurā āyā* 'Матхура пришел', *kharīdī huī gulām* 'купленная рабыня' (букв. 'купленная раб'), *māī jāī* 'я ходила' ~ *māī jāā* 'я ходил';

7) классификационное согласование (согласовательное управление по категории числа), например, *māī jāā* 'я ходил', *tū jāā* 'ты ходил' (*māī jāī* 'я ходила', *tū jāī* 'ты ходила') ~ *ham jāte* (*ham jāī*) 'мы ходили', *tum jāte* (*tum jāī*) 'вы ходили', *āp jāte* 'Вы ходили', 'он ходил' (*āp jāī* 'Вы ходили', 'она ходила').

В формах согласуемых слов (особенно в формах финитного глагола) могут перекрещиваться разные линии согласования. Например, в случае с *baṛe ghar* 'большие дома' налицо согласовательное управление по категории рода (м.р.) и восполнительное согласование (мн.ч.); в случае с *acche kamre* 'хорошие комнаты' — согласовательное управле-

ние по категории рода (м.р.) и собственно грамматическое согласование (мн.ч.); в случае с *maĩ jāũgĩ* 'я пойду' — координация (1-е л.) и смысловое согласование (ж.р.); в случае с *tum raĩhoge* 'вы будете читать' — координация (2-е л.), смысловое согласование (м.р.) и классификационное согласование (мн.ч.)

Согласуемое слово, относящееся по смыслу к группе существительных одного и того же рода, объединенных сочинительной связью, или принимает такую форму, которой ему свойственно характеризоваться при сочетании с существительным соответствующего рода в форме множественного числа, или же, что менее типично, отражает категориальные признаки ближайшего из существительных. В тех же случаях, когда объединенные сочинительной связью существительные принадлежат к разным родам, согласуемое слово или отражает категориальные признаки ближайшего существительного, или принимает форму, которой ему свойственно характеризоваться при сочетании с существительным мужского рода в форме множественного числа [77, с.138–139, 142; 94, с.155–156, 158; 98, с.447–451; 128, с.289–291, 295–297, 299–300; 137, с.359–361]. В тех случаях, когда сочинительной связью объединяются местоимения (личные и указательные в функции личных в форме прямого падежа), форма согласуемого слова финитного глагола определяется одним из них, а именно местоимением 1-го лица либо — при отсутствии такового — местоимением 2-го лица, или же предстает как форма 3-го лица множественного числа, отвечающая требованиям согласования по смыслу [77, с.140; 98, с.449; 111, с.509; 128, с.289, 296].

Согласованию противопоставляется несогласование. Его суть состоит в том, что слово, способное принимать формы согласования, выступает, однако, в форме, в которой грамматическая характеристика существительного или субстантивного слова, употребленного совместно с данным словом, оказывается неотраженной с точки зрения категорий рода и числа и отчасти категории падежа. Форма несогласования предстает таким образом как форма нейтральная по отношению к роду, числу и отчасти падежному или послеложно-падежному оформлению имеющегося существительного или субстантивного слова.

Несогласованию подвержены слова, изменяемые по адъективной парадигме, в особенности причастия и прилагательные. В качестве форм несогласования (нейтральных форм) в хинди встречаются форма на *-e* и форма на *-ā*.

В форме на *-ā* встречаются прилагательные, а также причастия (перфективные от непереходных глаголов и имперфективные), выполняющие функцию объектно-предикативного члена, при том условии, что имя объекта действия, обозначенного тем глаголом, с которым сочетается соответствующее прилагательное или причастие в качестве зависимого компонента комплетивно-кваликативной синтагмы, стоит в послеложно-падежной форме на *ko* или в местоименной форме объектного падежа: *Rukmiñĩ Devĩ ko*

akelā *chorṇā* (Sa, K, 41) 'оставлять Рукмини Деви одну', *Gopīcand ko soc mē paṛā dekhkar* (SV-2, 35) 'увидев Гопичанд погруженным в думы', *apnī mā ko sōṇe ke hīḍole mē jhūltā dekhkar* (SV-3, 17) 'увидев, что его мать качается на золотых качелях'.

Формой на -е характеризуются причастия в обстоятельстве-функции и в функции объектно-предикативного члена: (а) *Nāth ne ... kursī par baiṭhte huye kahā ...* (Y, DB, 705) 'Натх, ... садясь на стул, проговорил ...' (появление здесь формы согласования у причастия маловероятно ввиду послеложно-падежной формы на *ne* имени субъекта действия); *Bhūgī nāk-bhāi sikōṛte gayī ...* (P, N, 89) 'Бхунги, нахмурившись, ушла ...' (здесь форма несогласования конкурирует с формой согласования), ... *vah ākhē mūde soc rahī thī* (PL, 117) '... она думала, закрыв глаза (с закрытыми глазами)'; (б) ... *us ne Sudhā ko tāge se utarte dekhā* (P, N, 199) '... она увидела, что Судха слезает с тонги' (здесь форма несогласования на -е конкурирует с формой несогласования на -ā), *rājā ko kafnī bādhe dekh* (SV-2, 36) 'увидев раджу облаченным в балахон отшельника'.

Перфективное причастие переходного глагола принимает форму несогласования (нейтральную форму) на -е, выступая в качестве предикатива, субъектно-предикативного члена или атрибутивного определения, чему соответствует вхождение причастия на правах зависимого компонента в состав присвязочно-квалификативной, спецификативной или атрибутивной синтагмы: *hāth mē vah ek thailā liye thī* (PL, 128) 'В руке она держала (букв. взявши была) сумку', *unhō ne dekhā burhiyā ek lohe kā sandūk khole baiṭhī hai* (SV-3, 7) 'Они увидели, что старуха сидит, открывши железный сундук', *udās, maile kapṛe rahne striyā leṭī yā baiṭhī huī thī* (Y, DB, 480) 'Печальные, облаченные в грязную одежду женщины лежали или сидели'.

Причастия в нейтральной форме на -е служат образованию абсолютных причастных оборотов: *bāt karte hue mis Pāl kī ākhē jhukī jā rahī thī* (PL, 148) 'Когда мисс Пал говорила, ее взор устремлялся вниз' (букв. 'Ведя разговор, глаза мисс Пал опускались'), *tumhē aīsī bātē mūh se nikalte śarm nahī ātī?* (P, N, 48) 'И тебе не стыдно так говорить?' (букв. 'Тебе, такие слова из уст появляясь, стыд не приходит?').

У финитного глагола формы несогласования совпадают (при максимальном наборе учитываемых граммем) с формами 3-го лица единственного числа мужского рода: ... *kaunsī pāṛṭī ne āp ko khaṛā kiya hai ...?* (KC, G, 38) '... какая из партий выдвинула вашу кандидатуру ...?', *āp ko kal chor diya jāegā* (G, DR, 124) 'Вас выпустят завтра'.

О РОЛИ ИНТОНАЦИИ

Каждое предложение характеризуется в речевой цепи комплексом просодических элементов, т.е. выступает ин-

тонационно оформленным. Непреходящую роль интонации в оформлении всего предложения как целого фокусирует то обстоятельство, что благодаря именно интонации и одно слово может приобрести характер законченного предложения: *Nīrū cillā uthā* – āg! āg! 'Пожар! Пожар!' – закричал Ниру' [77, с.18].

Интонация разграничивает предложения, различающиеся между собой в зависимости от цели высказывания (в зависимости от коммуникативного задания), а именно: предложения повествовательные, предложения вопросительные и предложения побудительные совместно с близкими им предложениями оптативно-волитивной семантики: (а) *māi yah śab-da kabhī na kahīgā* (S, TY, 264) 'Я никогда не произнесу этого слова', *ek din ek patra āyā* (S, TY, 185) 'Однажды пришло письмо'; (б) *to āp ne yahī niścau kiya hai?* (S, TY, 263) 'Именно такое решение вы приняли?', *tum inkār karte ho?* (S, TY, 265) 'Вы отказываетесь?'; (в) *āge na baṛh!* (S, TY, 272) 'Ни шагу вперед!', ... *merā baccā bac jāy* (S, TY, 97) '... уцелел бы только мой ребенок', *calo koī aur jūtā hī kharīd lū...* (KC, A, 154) 'Куплю-ка я другие ботинки ...'.

Интонация позволяет разграничить эмоционально-нейтральные и эмоционально-окрашенные предложения (для последних характерна восклицательная интонация, отражающая количественную сторону эмоциональной окрашенности): (а) *māi Baṭāle pahūcā* (S, TY, 129) 'Я приехал в Баталу', *tum ne rājputnī kā dūdh piya hai?* (S, TY, 225) 'Ты вскормлена раджутоккой?'; (б) *yah apne hrday se pūcho* (S, TY, 197) 'Об этом спроси у своего сердца'; (в) *par is man mārne kā yah phal! garhe parīsrām ke rupaye luṭ jāyē!* (P, PP, 35) 'И таковы плоды этого воздержания! Украсть деньги, заработанные [мною] в поте лица!', *kitnī āśāē lekar tere pās āyā thā Dhabrū!* (KC, G, 116) 'С какими надеждами ехал [я] к тебе, Дхабру!', *ise bāhar nikāl do!* (KC, G, 146) 'Гоните его прочь!'.

Логическое ударение как один из просодических элементов интонирования предложений служит выражению актуального членения, взаимодействуя с порядком слов: *tumhē māi bacāūgī bhābhī!* (S, TY, 291) 'Тебя я выручу, невестка!' (здесь рема представлена местоимением *māi* 'я', занимающим позицию непосредственно перед глаголом и несущим логическое ударение).

С помощью интонации осуществляется обособление и эмоциональное выделение тех или иных компонентов предложения, выделение вводных слов, выявление функциональной однородности слов перечислительного ряда.

Обслуживая разные виды инверсии, интонация создает такой способ соединения слов, как интонационное примыкание. Этим способом обеспечивается непосредственная связь между словами, позиционно удаленными друг от друга, или между словами, из которых хотя бы одно занимает по отношению к другому нетипичную с точки зрения требований, предъявляемых к нейтральному порядку слов, позицию.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия источников

- A, BP — *Upendranāth 'Aśk'*. Bāḷgan kā paudhā. Nīlābh-prakāśan gṛh. Ilāhābād [б.р.].
- Aj, A — *Ajñey*. Amarvallarī aur anya kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- Aj, N — *Ajñey*. Nadī ke dvīp. Sarasvatī pres. Ilāhābād, 1971.
- AkJ — *Sukārī* afrikā ke jangal me. Svayambhātī pustakālay. Varāṇasī [б.р.].
- Am — *Amar Bahādur Sinh 'Amreś'*. Devtā: merē deś kā. Rāṣṭriya prakāśan mandir. Lakhnaū, 1973.
- AN, S — *Amṛtāl Nāgar*. Śatranj ke mohre. Bhāratīya jñānpīṭh, Kāśī, 1959.
- AP, D — *Amṛtā Prītam*. Dākṭar Dev. Hind pākeṭ buks prāiveṭ limiṭiḍ. Dillī [б.р.].
- AY-1 — *Ādarśakumārī Yaśpāl*. Sacitra braj kī lok-kathāe (bhāg 1). Ātmārām end sans. Dillī, 1957.
- AY-2 — *Ādarśakumārī Yaśpāl*. Braj kī lok-kathāe (dūsra bhāg). Ātmārām end sans. Dillī, 1964.
- B, D — *Rājendra Sinh Bedī*. Dīvālā. Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1960.
- BC, C — *Bhagvatsvarūp Caturvedī*. Cumbakō kā ghar. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- BG, S — *Bhairavprasād Gupta*. Sattī maiyā kā caurā. Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1959.
- BLK — Bhārat kī lok-kathāe. lekhikā — Sītā. Neśanal pabliṣing hāus. Dillī, 1959.
- C — *Sunīti Kumār Cāṭurjyā*. Bhāratīya ārya bhāṣā aur Hindī. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1957.
- Cu — *'Ismat Cugṭā'ī*. Tīn anārī. Maktaba-e jāmi'a. Dehlī, 1960.
- DV-1 — *Dhīrendra Varmā*. Brajbhāṣā. Hindustānī ekeḍemī. Ilāhābād, 1954.
- DV-2 — *Dhīrendra Varmā*. Hindī bhāṣā kā itihās. Hindustānī ekeḍemī. Prayāg, 1958.
- F — Aesop's Fables with Hindi Translation. Allahabad, 1930.
- G, DR — *Gurudatta*. Dāstā ke naye rūp. Hind pākeṭ buks prāiveṭ limiṭiḍ. Dillī, 1969.
- H, G — *Hareganāth*. Gavarnes. Hindī pracārak pustakālay. Varāṇasī, 1960.
- HD, B — *Harārīprasād Dvivedī*. Bāṇbhaṭṭa kī ātmakathā. Hindī-granth-ratnākar. Bambaī, 1958.

- HN — *E. Pṛ. Miśra, Viśvambhar Sahāy*. Hindī nibandh evam apaṭhit. Āgrā, 1960.
- HSS — Hindī-śabdasaṅgar. Bhāg 1–4. Kāśī-nāgarī-pracāriṇī sabhā. Kāśī, 1916–1928.
- HV — *Dunīcand*. Hindī vyākaraṇ. Hoṣyārpur, sāvat 2007.
- HVP — *Sant Gokulcandra Śāstrī*. Hindī-vyākaraṇ prabhā tathā racnā. Oriental buk dīpo. Dillī, 1960.
- JK,K — *Jainendra Kumār*. Kalyāṇī. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- JK,S — [*Jainendra Kumār*]. Jainendra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- JY — Janyug. Naī Dillī.
- KC,A — *Kṛṣṇacandra*. Annadātā. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī, 1954.
- KC,G — *Kṛṣṇa Candar*. Ek gadhe kī ātmakathā. Rājpal eṇḍ sanz, dvitīya sanskaraṇ. Dillī [6.r.].
- KC,H — *Kṛṣṇa Candar*. Ham vahśī hāī. Hindustānī publiṣing hāūs. Ilāhābād, 1952.
- KC,S — *Kṛṣṇacandra*. Garjan kī ek śām. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [6.r.].
- KC,T — *Kṛṣṇacandra*. Talāś. Hind kitābs limited. Bambaī, 1950.
- KDV — *Kiśorīdās Vājpeyī*. Rāṣṭrabhāṣā kā itihās. Janvānī prakāśan. Kalkattā, sāvat 2007.
- M,MA — [*Sa'ādat Ḥasan Manṭo*]. Manṭo ke afsāne. Maśvara-e buk dīpo, Dehlī, 1960.
- M,PP — *Sa'ādat Ḥasan Manṭo*. Parde ke pīche. Maktaba-e rangīn. Dehlī, 1953.
- MHK — Mānak hindī koṣ. Khaṇḍ 1–5. Hindī sāhitya sammelan. Prayāg, 1962–1966.
- MK — *Bālmukund 'Arś' Malsiyānī*. Muhāvire aur kahāvaṭē. Vidyā prakāśan. Dillī, 1957.
- MR,A — *Mohan Rākeś*. Ādhare band kamre. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- N,BB — *Nāgārjun*. Bābā Baṭesarnāth. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- N,D — *Nāgārjun*. Dukhmocan. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1958.
- Ni,K — *Nirālā*. Kāle kārnāme. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1960.
- NK — Naī kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī — Ilāhābād.
- Nn — Navanīt (Hindī ḍāijest). Bambaī.
- Ns — Nayā sāhitya. Dillī.
- NS — *Nāmvar Sīnh*. Hindī ke vikās mē apabhraṇṣ kā yog. Sāhitya bhavan limited. Ilāhābād, 1954.
- P,G — *Premcand*. Godān. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- P,Gd — *Premcand*. Gaūdān. Maktaba-e jāmi'a. Dehlī, 1955.
- P,M-4 — *Premcand*. Mānasarovar. Bhāg 4. Hindustānī publiṣing hāūs. Ilāhābād, 1951.
- P,M-7 — *Premcand*. Mānasarovar. Bhāg 7. Sarasvatī pres. Banāras, 1950.
- P,N — *Premcand*. Nirmalā. Sarasvatī pres. Banāras, 1957.
- P,PP — *Premcand*. Prem-pacīsī. Hindī pustak ejensī. Kāśī, sāvat 1994.
- PL — Pāc lambī kahāniyā jinhē Mohan Rākeś ne cunā. Lekhak: Rājendra Yādav (pṛ. 9–36), Phaṇīśvarnāth Reṇu

- (pg. 36–71), Šekhar Jošī (pr. 72–87), Nirmal Varmā (pg. 87–127), Mohan Rākeš. (pg. 127–159). Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- PNT — *Premārāyaṇ Ṭaṇḍan*. Sūr kī bhāṣā. Hindī sāhitya bhaṇḍār. Lakhaṇā, 1957.
- PP — *Satīṣ*. Paṣu-pakṣī sambandhī lok-kathāē. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1960.
- QH,A — *Qurratul ‘ain Ḥaidar*. Āg kā daryā. Maktaba-e jadīd. Lāhaur, 1959.
- R,PP — *Phaṇīśvarnāth Reṇu*. Partī parikathā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- RA — *Rāmārāyaṇ Agravāl*. Brajbhūmī kī kahāniyā. Vinod pustak mandir. Āgrā, 1957.
- RSC — *Rāmsvarūp Caturvedī*. Āgrā zile kī bolī. Hindustānī ekeḍemī. Ilāhābād, 1961.
- RVS — *Rāmvilās Śarmā*. Bhāṣā aur samāj. Dillī, 1961.
- RY,S — *Rājendra Yādav*. Sārā ākāś. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- S,N — *Sudarśan*. Nagīne. Vorā eṇḍ kampanī publiśarz. Bombaī, 1947.
- S,P — *Sudarśan*. Parivartan. Inḍiyan pres limited. Prayāg, 1937.
- S,TY — *Sudarśan*. Tīrth-yātrā. Inḍiyan pres limited. Prayāg, 1927.
- Sa,K — *Samīr*. Kināre-kināre. Sṭār pakeṭ śīrīz. Naī Dillī, 1972.
- Si — *Śivānand*. Jīvan aur sukh. Motīlāl Banārsī Dās. Dillī–Paṭnā–Vārāṇasī, 1973.
- SV-2 — *Sāvitrīdevī Varmā*. Uttar Bhārat kī lok-kathāē. Bhāg 2. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1960.
- SV-3 — *Sāvitrīdevī Varmā*. Uttar Bhārat kī lok-kathāē. Bhāg 3. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1958.
- U,SA — *Pāṇḍey Becan Śarmā ‘Ugra’*. Sarkār tumhārī ākhō mē. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- U,SK — *Pāṇḍey Becan Śarmā ‘Ugra’*. Ugra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- UB,L — *Udayśankar Bhaṭṭa*. Lok-parlok. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1958.
- UB,S — *Udayśankar Bhaṭṭa*. Sāgar, laharē aur manuṣya. Masijīvī prakāśan. Naī Dillī [6.r.].
- VL — Vijñān-lok. Śrīrām Mehrā eṇḍ kampanī. Āgrā.
- VV,M — *Vṛndāvanlāl Varmā*. Mṛgnayanī. Mayūr-prakāśan. Jhāsī, 1955.
- Y,Dd — *Yaśpāl*. Deśdrohī. Viplav kāryālay. Lakhaṇā, 1953.
- Y,DB — *Yaśpāl*. Jhūṭhā sac. Deś kā bhaviṣya. Viplav kāryālay. Lakhaṇā, 1960.
- Y,VD — *Yaśpāl*. Jhūṭhā sac. Vatan aur deś. Viplav kāryālay. Lakhaṇā, 1958.

Названия периодических изданий

- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии. М.
- НТМГИМО. ВЯЛ. — Научные труды. Московский государственный институт международных отношений. Вопросы языка и литературы.

- НТГУ — Научные труды. Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им В.И.Ленина.
- УЗМГИМО. ВЯЛ. — Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Вопросы языка и литературы.
- УЗМГИМО. СФ. — Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Серия филологическая.
- ФН. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.
- AOz — Archiv Orientální. Praha.
- BF — Biuletyn fonograficzny. Poznań.
- BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies. London Institution (University of London).
- ČR — Československá rusistika. Praha.
- FL — Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. Dordrecht.
- IF — Indogermanische Forschungen. Berlin.
- IIJ — Indo-Iranian Journal. The Hague.
- IJAL — International Journal of American Linguistics. Bloomington.
- IJDL — International Journal of Dravidian Linguistics. Trivandrum.
- IL — Indian Linguistics. Poona.
- JL — Journal of Linguistics. London — New York.
- KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen.
- Ls — Linguistics. An International Review. The Hague — Paris.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамец П.* К вопросу о синтаксической парадигматике. — *СР.* 1966, т. 11, №2.
2. *Адамец П., Грабе В.* Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения. — *Slavia.* 1968, №2.
3. *Адмони В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973.
4. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
5. *Арутюнова Н.Д.* [раздел] Синтаксис. — *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972.
6. *Атаян Э.Р.* Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968.
7. *Баранников А.П.* Хиндустани (урду и хинди). Л., 1934.
8. *Баранников А.П., Баранников П.А.* Хиндустани (хинди и урду). М., 1956.
9. *Бархударов А.С.* Санскритские элементы в современном литературном хинди. — *Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования.* М., 1960.
10. *Бархударов Л.С.* К вопросу об отношении формальных и семантических моделей предложения. — *Теория языка. Ангlistика. Кельтология.* М., 1976.
11. *Бархударов Л.С.* Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.
12. *Бархударов Л.С., Штелинг Д.А.* Грамматика английского языка. М., 1973.
13. *Белашаткова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
14. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
15. *Вардуль И.Ф.* К вопросу о явлении эллипсиса. — *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения.* М., 1969.
16. *Вардуль И.Ф.* Основы описательной лингвистики. М., 1977.
17. *Вардуль И.Ф.* Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964.
18. *Ворокина Д.Д.* Типы агенса и значения определенности, неопределенности и обобщенности. — *ФН.* 1975, № 4.
19. *Грамматика современного русского литературного языка.* М., 1970.
20. *Давидова А.А.* Основные синтаксические функции сложных причастий в урду. — *УЗМГИМО. СФ. Вып.5. Вопросы языка и литературы стран Востока.* 1961.
21. *Дашенко Г.М.* О семантике атрибутивных синтагм с зависимым причастием в языках урду и хинди. — *Вестник Московского университета.* 1972, № 2.

22. *Дашенко Г.М.* Семантический анализ атрибутивных синтагм, состоящих из конкретных существительных на материале языка урду. Автореф. канд. дисс. М., 1974.
23. *Дашенко Г.М.* Социативная синтагма и ее компоненты в языке урду. — Индийское языкознание. М., 1978.
24. *Димшиц З.М.* Синтаксические функции усложненных причастий в языке хинди. — Восточная филология. Характерологические исследования. М., 1971.
25. *Димшиц З.М.* Язык урду. М., 1962.
26. *Димшиц З.М., Ульрихферов О.Г., Горюнов В.И.* Учебник языка хинди. Ч.1. М., 1969.
27. *Елизаренкова Т.Я.* Об одной словообразовательной модели хинди (к постановке проблемы). — УЗМГИМО. ВЯЛ. Вып.7. 1971.
28. *Елизаренкова Т.Я.* Эргативная конструкция в новоиндийских языках. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
29. *Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофим Л.Л.* Современный английский язык. М., 1956.
30. *Жмстова О.Д.* Глагольные черты инфинитива в хинди и урду. — Языки Индии. М., 1961.
31. *Жмстова О.Д.* Именные признаки инфинитива в хинди и урду. — Вопросы грамматики языка хинди. М., 1962.
32. *Жмстова О.Д.* Синтаксические функции инфинитива хинди и урду. — Вопросы индийской филологии. М., 1974.
33. *Зограф Г.А.* Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М., 1976.
34. *Зограф Г.А.* О грамматической категории одушевленности в новых индоарийских языках. — Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
35. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
36. *Катенина Т.Е.* Язык хинди. М., 1960.
37. *Кибрик А.Е.* О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания. — Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
38. *Кибрик А.Е.* Эргативность и дагестанские языки. — Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". Ч.1. М., 1977.
39. *Кокорина С.И.* О реализации структурной схемы предложения. — ВЯ. 1975, №3.
40. *Крашкова Е.* Предикативная функция прилагательных и существительных и структура предложения. — СР. 1968, т. 13, №4.
41. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
42. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
43. *Литеровский В.П.* Именные части речи языка хинди. М., 1978.
44. *Литеровский В.П.* Категория наклонения в современном литературном хинди. М., 1964.
45. *Литеровский В.П.* Сложные предложения в хинди. М., 1972.
46. *Михневич А.Е.* Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов. — ВЯ. 1968, №5.

47. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М., 1974.
48. Москальская О.И. К модели описания предложения. — Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
49. Мухамеджанова В.А., Мухамеджанов Р. О категории залога. — НТГУ. Вып. 404. 1971.
50. Пашиковская Н.А. Порядок слов в некоторых типах простого предложения хинди. Автореф. канд. дисс. М., 1976.
51. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
52. Распопов И.П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике. — ВЯ. 1969, №4.
53. Распопов И.П. О так называемых детерминирующих членах предложения. — ВЯ. 1972, №6.
54. Распопов И.П. Сказуемое как конструктивный центр предложения. — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
55. Распопов И.П. Что же такое структурная схема предложения? — ВЯ. 1976, №2.
56. Ревзин И.И. Логико-грамматический тип предложений тождества. — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
57. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
58. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
59. Смирнов Ю.А. Грамматика языка панджаби. М., 1976.
60. Смирнов Ю.А. Категория полупассива и иррегулярного пассива в языке панджаби. — Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
61. Солнцев В.М. Относительно концепции "глубинной структуры". — ВЯ. 1976, №5.
62. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
63. Ульциферов О.Г. Некоторые замечания о категории глагола в современном литературном языке хинди. — УЗМГИМО. ВЯЛ. Вып. 7. 1971.
64. Ульциферов О.Г. О выделяемости и принципах классификации словосочетаний (на материале хинди). — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
65. Ульциферов О.Г. Предикативная функция причастий в современном литературном языке хинди. — НТМГИМО. ВЯЛ. Вып. 11. 1973.
66. Ульциферов О.Г. Словосочетания в хинди. М., 1971.
67. Ульциферов О.Г. Сложные вербальные словосочетания в современном литературном языке хинди. — НТМГИМО. ВЯЛ. Вып. 12. 1974.
68. Усманов А.Р. Классификация глаголов урду на основе их сочетаемости. Автореф. канд. дисс. М., 1973.
69. Хельзиг М. Перемена страдательного значения на действительное у сложных совершенных причастий переходных глаголов в современном литературном хинди. — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
70. Храковский В.С. Деривационные отношения в синтаксисе. — Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

71. Храковский В.С. Пассивные конструкции. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974.
72. Чейб У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.
73. Черникова С.А. Простые и сложные причастия урду в функции предикативного члена именного сказуемого. — НТГГУ. Вып. 404. 1971.
74. Чернышев В.А. Безглагольные конструкции хинди. — КСИНА. Вып. 62. Языки Индии. 1964.
75. Чернышев В.А. Очерки по синтаксису простого предложения в современном хинди (вариантность и проблема нормы). Автореф. докт. дисс. М., 1975.
76. Чернышев В.А. Просторечные элементы в синтаксисе литературного хинди. — Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971.
77. Чернышев В.А. Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
78. Чернышев В.А. Функциональная роль форманта *vālā* в хинди (образования "имя + *vālā*"). — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
79. Чесноков П.В. О предикативности как свойстве предложения. — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
80. Чеснокова Л.Д. К вопросу об элементарной синтаксической единице. — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
81. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — ВЯ. 1964, № 6.
82. Шведова Н.Ю. К спорам о детерминантах (обстоятельственная и не-обстоятельственная детерминация простого предложения). — ФН. 1973, № 5.
- 82а. Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм. — ВЯ. 1973, № 4.
83. Эдельман Д.И. О конструкциях предложения в иранских языках. — ВЯ. 1974, № 1.
84. *Bahāḷ Kālīcaran*. Hindī samāpikā kriyā-rūpō kā arthatāttvik vivecan. — Bhāṣā. Hindī bhāṣāijñān ank. Naī Dillī, 1973.
85. *Bahl K.Ch.* A Reference Grammar of Hindi (A Study of Some Selected Topics in Hindi Grammar). The University of Chicago, 1967 (mimeographed).
86. *Bahl K.Ch.* The Causal Verbs in Hindi. — Languages and Areas. Studies Presented to George V. Bobrinskoy on the Occasion of His Academic Retirement. Chicago, 1967.
87. *Bahrī H.* Hindi Semantics. Allahabad, 1959.
88. *Balachandran Lakshmi Bai.* A Case Grammar of Hindi (with a Special Reference to the Causative Sentences). Agra, 1973.
89. *Bendix E.H.* Componential Analysis of General Vocabulary: the Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese. — IJAL. 1966, vol. 32, № 2, pt 2.
90. *Daneš F.* A Three-Level Approach to Syntax. — Travaux linguistiques de Prague. I. 1966.
91. *Dil Anwar S.* A Study of Urdu Noun Phrase Types. — Pakistani Linguistics (1962). Ed. by Anwar S. Dil. Lahore, 1963.
92. *Dimsitts S.M.* Hindī bhāṣā me vidheyō kā vargīkaraṇ. — Nāgarīpracaṛinī patrikā. Kāśī, śāvat 2017, varṣa 65, ank 1.

93. *Dīrṣits J.M.* Hindī vyākaraṇ kī rūparekhā. Dillī, 1966.
94. *Dīrṣits S.M.* Vidhey kā kartā aur pradhān karma se mel. — *Nāga-rīpracāriṇī patrikā*. Kāśī, sāvat 2017, varṣa 65, ank 2.
95. *Dunṛcand.* Hindī vyākaraṇ. Hoṣyārpur, sāvat 2007.
96. *Gaeffke P.* Untersuchungen zur Syntax des Hindi. The Hague — Paris, 1967.
97. *Greaves E.* A Grammar of Modern Hindi. Benares, 1896.
98. *Guru Kāmtāprasād.* Hindī vyākaraṇ. Kāśī, sāvat 2017.
99. *Hacker P.* Die Seinbegriffe des Hindi: 'hotā hai' und 'hai'. — *KZ*. 1963, Bd 78, H. 3-4.
100. *Hälsig M.* Grammatischer Leitfaden des Hindi. Leipzig, 1967.
101. *Hag 'Abdul.* Qavā'id-e urdū. Aurangābād, 1936.
102. *Harley A.H.* Colloquial Hindustani. London, 1955.
103. *Hasan R.* The Verb 'be' in Urdu. — The Verb 'be' and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies—5 (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol.14). Dordrecht, 1972.
104. *Helbig G.* Zur Theorie der Satzmodelle. — *BF*. 1971, № 11.
105. *Hockett Ch.F.* A Course in Modern Linguistics. New York, 1958.
106. *Kachru Y.* A Note on Possessive Constructions in Hindi-Urdu. — *JL*. 1969, vol.6, № 1.
- 107. *Kachru Y.* An Introduction to Hindi Syntax. Urbana, 1966.
108. *Kachru Y.* Causative Sentences in Hindi Revisited. — *Issues in Linguistics. Papers in Honor of Henry and Renée Kahane*. Urbana-Chicago-London, 1973.
109. *Kachru Y.* The Copula in Hindi. — The Verb 'be' and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies — 2 (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol.6). Dordrecht, 1968.
110. *Kāṭrā Sudhā.* Hindī-vākya-vinyās. Ilāhābād, 1971.
111. *Kellogg S.H.* A Grammar of the Hindi Language. London (repr.) 1955.
112. *Křižková H.* К вопросу о так называемой аппозиции (на материале русского языка). — *Travaux linguistiques de Prague*.3. Études structurales dédiées au VIe Congrès des slavistes. Prague, 1968.
113. *Lakṣmībāṭ Bṛ.* Kārak siddhānt. — *Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijñān* ank. Naī Dillī, 1973.
114. *Lienhard S.* Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi. Stockholm-Göteborg-Uppsala, 1961.
115. *Matilal B.K.* Indian Theorists on the Nature of the Sentence (vākya). — *FL*. 1966, vol.2, № 4.
116. *McGregor R.S.* Outline of Hindi Grammar. Oxford, 1972.
117. *Miltner V.* Ergative Constructions in Hindi and Other NIA Languages. — *AOr*. 1977, vol.45, № 3.
118. *Miltner V.* From OIA Passive to NJA Active. — *Asian and African Studies*.I. Bratislava, 1965.
119. *Miltner V.* Theory of Hindi Syntax. The Hague-Paris, 1970.
120. *Olphen H. van.* The Hindi Verb in Indirect Construction. — *IJDL*. 1976, vol.5, № 2.
121. *Paḥwa Munshi Thakardass.* The Pucca Minshi. Peshawar, 1936.
122. *Pandharipande R., Kachru Y.* Relational Grammar, Ergativity, and Hindi-Urdu. — *Lingua*. Amsterdam. 1977, vol.41, № 3/4.
123. *Philott D.C.* Note on the Statical and Some Other Participles in Hindustani. — *BSOS*. 1926, vol.IV, pt 1.

124. *Poršaka V.* Hindština. Hindi Language Course. Praha, 1963.
125. *Poršaka V.* The Adjectival and Adverbial Participles in Hindi Syntax. — AOr. 1952, vol.20, № 3/4.
126. *Poršaka V.* The Genitive in Hindi. — Acta Universitatis Carolinae. Philologica 1. Orientalia Pragensia I. Praha, 1960.
127. *Sahai R., Narain V.* The Structure of Nounphrase in Hindi. — IL. 1964, vol.25.
128. *Šarmā Śašikumār.* Hindī vākyō mē anviti vyavasthā. — Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijnān ank. Naī Dillī, 1973.
129. *Schokker G.H.* The jānā-Passive in the NIA Languages. — IIJ. 1969, vol. XII, № 1.
130. *[Sharma A.]* A Basic Grammar of Modern Hindi. Government of India. Ministry of Education and Scientific Research. 1958.
131. *Singh J.D.* Negation in Hindi. — Ls. 1975, № 149.
132. *Sin h Amar Bahādur.* Videśī bhāṣā ke rūp mē hindī: śikṣaṇ ke sandarbha mē. — Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijnān ank. Naī Dillī, 1973.
133. *Subbarao K.V.* Phrase Structure Rule for Noun Phrase in Hindi. — IL. 1974, vol.35, № 3.
134. *Tivārī Udaynārāyaṇ.* Hindī bhāṣā kā udgam aur vikās. Prayāg, sāvat 2012.
135. *Upraitih Murārī Lāl.* Hindī mē pratyay vicār. Āgrā, 1964.
136. *Vājpeyī Kiśorīdās.* Acchī hindī. Himālay-ejensi, Kankhal, 1952
137. *Vājpeyī Kiśorīdās.* Hindī śabdānuśāsan. Kāśī, sāvat 2014.
138. *Varma Rāmcandra.* Acchī hindī. Sāhitya ratna-mālā kāryālay, Banāras, sāvat 2011.
139. *Varma Rāmcandra.* Hindī prayog. Banāras, sāvat 2011.
140. *Verma M.K.* The Structure of the Noun Phrase in English and Hindi. Delhi-Patna-Varanasi, 1971.
141. *Verma Sh.K.* The Semantics of caahiye. — FL. 1974, vol.12, № 1.
142. *Vermeer H.J.* Hindi — 'enfant terrible' der Sprachwissenschaft. — IF. 1965. Bd 70, H.3 (ausgegeben im Juni 1966).
143. *Vermeer H.J.* Untersuchungen zum Bau zentral-süd-asiatischer Sprachen (Ein Beitrag zur Sprachbündfrage). Heidelberg, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<u>Глава I. Основы структурной организации глагольных предложе-</u> <u>ний</u>	4
Предложение и его предикативный центр	4
Структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений, его компоненты и конструкции	5
Имя прямого объекта и его оформление	10
Случаи отсутствия имени субъекта действия в конструкциях с финитным глаголом активного залога	14
Редуцированный вариант активно-субъектной и активно-объ- ектной конструкций	17
Имя субъекта и имя объекта действия в предложениях, реа- лизующих конструкции с финитным глаголом неактивного за- лога	18
Семантические признаки "личность" ("персональность") и "волитивность"	20
Структурно-семантические разновидности предложений, реа- лизующих конструкции с финитным глаголом неактивного за- лога	22
Предложения с медиопассивными глаголами	24
Единицы структурно-грамматического каркаса и члены пред- ложения. Понятие предикативной основы	26
Аффективные конструкции	29
Формирование структурной основы предложений	30
Детерминант как единица структурно-семантического карка- са предложений. Предложения с детерминантами	32
Предложения — аналоги предложений с детерминантами	39
Характеристика глагольно-связочных предложений	42
Предложения с глаголом-связкой <i>honā</i> 'быть'	43
Глаголы в функции связки	49
Дополнительные сведения о глагольно-связочных предло- жениях	51
Предложения субъектной и объектной квалификации с ослож- ненным предикативным центром	53
<u>Глава II. Предложения с аспектуально и модально детермини-</u> <u>рованными предикативными центрами</u>	62
<u>Глава III. Синтаксическая связь и элементарные структуры ее</u> <u>реализации</u>	91

Сочинение и подчинение как основные виды синтаксической связи	91
Подчинительные синтагмы и виды выражаемых семантико-синтаксических отношений	94
Синтагмы с зависимым компонентом — нефинитной формой глагола	103
Синтагмы с главенствующим компонентом — нефинитной формой глагола	108
Последовательное и радиальное подчинение	112
Комбинации подчинительного и сочинительного видов связи	114
Некоторые факторы формирования многословных структур	116
К вопросу о предикативной синтагме	118
Глава IV. Средства выражения синтаксических связей и способы синтаксической организации слов	120
Словопорядок и его роль в синтаксической организации слов	120
Синтаксическая роль служебных слов	129
Словоизменение существительных и субстантивных слов	136
Корреспонденция и управление	138
Согласование и несогласование	144
О роли интонации	152
Условные сокращения	154
Литература	158

Владимир Петрович Липеровский

СИНТАКСИС
СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Е.К.Борисова*
Младший редактор *Д.Ш.Хесина*
Художник *А.И.Гольдман*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *М.П.Горшенкова*
Корректор *Т.А.Кузнецова*

ИБ № 15684

Сдано в набор 15.07.86
Подписано к печати 29.10.87
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 10,5
Усл. кр.-отт. 10,88. Уч.-изд. л. 13,24
Тираж 1000 экз. Изд. № 4938. Зак. № 373. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Г о т о в и т с я к и з д а н и ю:

М.М.Маковский. Лингвистическая комбинаторика (Опыт топологической стратификации языковых структур). 20 л., 2 р. 50 к.

Книга видного специалиста по германским языкам и германской этимологии на новом материале продолжает развитие идей, высказанных автором в его прежних работах "Теория лексической аттракции" (М., 1971), "Системность и асистемность в языке" (М., 1980). В центре внимания настоящего исследования "качественные и количественные характеристики как языковых континуумов, так и входящих в них языковых элементов с целью определения возможности (нескольких возможностей или невозможности) и результатов различных видов их взаимодействия".

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книготорга и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкниги".

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Г о т о в и т с я к и з д а н и ю :

А.С.Бархударов. Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция. 16 л., 2 р.

Монография видного советского индолога, посвященная проблеме "язык и культура", — первый в отечественной индологии опыт лингвокультурологического описания. На таком богатом материале, какой представляют индоарийские языки и санскрит прежде всего, прослеживается влияние культурной среды, культурно-исторических традиций на языковые структуры всех уровней, наиболее непосредственно — в лексике, семантике, фразеологии, стилистике.

При помощи герменевтического метода выявляются детерминирующие связи между историко-культурными и языковыми системами, между языковым развитием и культурной традицией.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книготорга и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкниги".

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

Книга известного советского лингвиста-индолога завершает серию монографий автора, дающих в сумме достаточно полное описание языка хинди («Именные части речи языка хинди», 1978, «Глагол в языке хинди», 1984). В данном исследовании автор на основе достижений общего языкознания последних лет решает ряд узловых вопросов синтаксиса хинди, которые ранее специально не рассматривались.